

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4/2018

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук (заместитель главного редактора)
Дерябина М.А., канд. экон. наук
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С. председатель

член-корреспондент РАН, научный руководитель
Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя
департамента финансовых рынков и банков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, профессор, временно исполняющий
обязанности директора Центрального экономико-математического
института РАН

Буторина О.В.

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Глинкина С.П.

доктор экономических наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель директора
Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор,
зам. зав. кафедрой прикладной институциональной экономики
экономического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инноваций экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заместитель декана по межфакультетскому взаимодействию и инновационной деятельности экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Каравая И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор, временно исполняющая обязанности директора Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Московской школы экономики Московского государственного университете им. М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е.

член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором исследований финансового обеспечения науки Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии наук

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 4/2018

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по группе
научных специальностей 08.00.05 «экономические науки»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
ISSN 2073-6487

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2018

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 15.08.2018.
Формат 70(100)/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № Е-3834

Отпечатано в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 1, эт. 1, часть помещ. 1

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Дерябина М.А.**
Экономика как система: поиск мезоуровня в рамках синергетической парадигмы 9
- Гогохия Д.Ш.**
Некоторые сюжеты из теории и истории денег 19

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Сухарев О.С.**
Институциональные проблемы обеспечения технологической и промышленной безопасности РФ 30
- Ильин В.А., Морев М.В.**
Олигархический капитал и социальная несправедливость 45
- Батов Г.Х.**
Реиндустриализация экономики макрорегиона как императив формирования нового технологического уклада 60

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

- Квашнина И. А.**
Прямые иностранные инвестиции в российскую сферу услуг 72
- Воинов Е.В.**
Современный финансовый сектор и неравенство: прямые и обратные связи 84
- Фролова Н.Д.**
Агрессивная кредитная политика коммерческих банков: проблемы и решения 91

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Волков А.М.**
Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход 104

ЭКОНОМЕТРИКА

Клачкова О.А.

Модель воздействия волатильности инфляции
на экономический рост 120

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Зинченко Ю.В.

Вызовы устойчивого развития для российской экономики 136

Носко П.А.

Экологизация мировой энергетики: зарубежный опыт
и российская специфика развития чистой энергии 150

Антонян Л.О.

О тенденциях изменения структуры нефтяной и газовой отраслей
России 164

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нешитой А.С., Иванов М.Ю.

Феномен мезоуровня в экономическом анализе: теория и практика
(по материалам симпозиума в Институте экономики РАН) 179

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Сухарев О.С.

Экономика России: системный взгляд 192

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Deryabina M.A.

Economy as a System: Search for Meso Level in the Framework
of the Synergetic Paradigm 9

Gogokhiya D.Sh.

Some Stories from the Theory and History of Money 19

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Sukharev O.S.

Institutional Problems of Ensuring Technological and Industrial
Safety of the Russian Federation 30

Ilyin V.A. , Morev M.V.

Oligarchic Capital and Social Injustice 45

Batov G.Kh.

Reindustrialization of the Economy of the Macro Region
as an Imperative to Form a New Technological Order. 60

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Kvashnina I.A.

Foreign Direct Investments in the Russian Services Sector. 72

Voinov E.V.

Morden Financial Sector and Inequality: Direct and Feedback
Relations. 84

Frolova N.D.

Aggressive Credit Policy of Commercial Banks: Problems
and Solutions. 91

WORLD ECONOMY

Volkov A.M.

Migrants in Countries of Northern Europe: the Swedish Approach 104

ECONOMETRICS

Klachkova O.A.

Model of the Impact of Inflation Volatility on Economic Growth 120

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Zinchenko Yu.V.

New Challenges for Sustainable Development for the Russian
Economy 136

Nosko P.A.

Ecologization of World Energy: Foreign Experience and the Russian
Specificity of Clean Energy Development 150

Antonyan L.O.

On the Trends in the Changes of Structure of the Oil
and Gas Industries of Russia 164

THE SCIENTIFIC LIFE

Neshitoy A.S., Ivanov M.Yu.

The Meso-Level Phenomenon in Economic Analysis: Theory
and Practice (Based on the Materials of the Symposium
at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) 179

ON THE BOOKSHELF

Sukharev O.S.

Economy of Russia – a Systemic View 192

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

М.А. ДЕРЯБИНА

кандидат экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ЭКОНОМИКА КАК СИСТЕМА: ПОИСК МЕЗОУРОВНЯ В РАМКАХ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ¹

В статье анализируются особенности эволюции экономики как самоорганизующейся сложной системы. Процессы самоорганизации рассматриваются в рамках синергетической теоретической парадигмы. Дана характеристика макро-, мезо- и микроуровня социально-экономической системы, а также пространственных, временных и функциональных структур самоорганизации.

Ключевые слова: эволюция системы, структура системы, уровни самоорганизации, мезоскопический уровень, пространственные, временные, функциональные структуры.

JEL: F63, L23, P00.

Попытки представить экономику как большую саморазвивающуюся систему, понять и объяснить с этих позиций ее структуру, функционирование и принципы анализа предпринимаются в научной литературе постоянно [3; 2; 6]. Характерно, что в самих этих попытках прослеживается некая эволюция подходов – от традиционного линейного мышления с привычной методологией анализа на все более увеличивающемся числе параметров и объектов и, соответственно, на все более усложняющихся моделях до современных гетеродоксальных парадигм, отличных от теоретического мейнстрима. Уровень сложности социально-экономических процессов настолько высок, что вполне закономерными стали попытки использовать для их анализа инструментарий, казался бы, относящийся к иным областям знания, но зато позволяющий адекватно понимать наблюдаемую реальность, не

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Института экономики РАН по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

ограничивая трактовку достигнутым уровнем ортодоксальной экономической теории [14]. В этом смысле из всех неортодоксальных теорий следует выделить эволюционную и синергетическую парадигмы, привнесшие в экономический анализ новые возможности системного и структурного понимания экономики и общества.

Развитие теоретических представлений экономики как системы

Исследование экономики и общества в рамках синергетической (и эволюционной) теоретической парадигмы методологически базируется на принципиально ином понимании системы как категории общего порядка. При любых методологических оговорках общественная и экономическая система (социально-экономическая система) большинством теоретических парадигм мейнстрима трактуется как иерархия разных масштабов и сложности. Уровни системы, соответственно, понимаются как уровни такой иерархии. Микроуровень представляется как множественность субъектов рыночных отношений (производственно-хозяйственных единиц) – предприятий, фирм, организаций, а также домохозяйств. Макроуровень трактуется как уровень народного хозяйства в целом. При этом важно, что в экономическом анализе он выступает не как сумма предприятий и организаций (агрегат единиц микроуровня), а как единое структурное образование. Наконец, принципиальное значение имеет методологическое выделение мезоуровня в иерархии уровней экономической системы как ее среднего звена, конкретно – уровня межотраслевых и межрегиональных связей субъектов различных сфер и видов деятельности [7; 8]. В такой трактовке мезоуровень экономики как иерархической системы представляет собой важное специальное пространство взаимодействий предприятий и организаций – уровень горизонтальных связей². Вместе с тем в рамках этого подхода все сложнее было найти место нелинейным связям элементов и уровней усложняющейся социально-экономической системы. Мезоуровень экономики и мезоэкономический анализ стал наполняться понятиями, выходящими за рамки «среднего звена». Мезоэкономика стала трактоваться как «естественное поле формирования и действия экономических институтов» [5; 1]. Однако такое содержательное обогащение представлений о смысле вычленения мезоуровня все-таки не

² Для корректности анализа к указанной классификации уровней иерархии следует добавить еще и мировой уровень как уровень мирового хозяйства в целом. В условиях глобализации анализ экономической системы любой страны невозможен без учета воздействия на нее мирового хозяйства.

выявляло главного свойства экономики как системы – ее способности к самоорганизации и саморазвитию.

Синергетическая теоретическая парадигма исследует поведение экономики как нелинейной динамической системы, описывая ее динамику как повышение степени упорядоченности сложной системы. Эволюция системы при этом происходит путем изменения параметров [9; 12], толкающих систему по пути чередования неустойчивых и стационарных состояний³. Эти переменные получили признание в качестве параметров порядка. При такой трактовке эволюции системы (саморазвития и самоорганизации) возникает необходимость более глубокого понимания соотношения и взаимодействия ее микроскопического и макроскопического уровней. Причем первоначально для системного анализа было вполне достаточно этих традиционных уровней структуры системы.

В одном из первых изданий классического труда Г. Хакена «Синергетика» (1978) в процессе анализа самоорганизации систем речь действительно шла только о микроскопическом и макроскопическом уровне [17, с. 231–235]. Однако, для описания степени упорядоченности системы из всего набора величин (переменных) потребовалось выделить те, которые подчиняют себе поведение отдельных подсистем сложной системы. Они-то и получили известное название «параметров порядка» [17, с. 231]. В конечном итоге поведение всей системы зависит от поведения небольшого числа таких параметров. Показывая процесс самоорганизации систем и упорядочения их элементов, Хакен первоначально довольствовался схематическим отображением формирования подсистем только через выделение параметров порядка с последующим выходом системы в новое, более упорядоченное поведение. В.-Б. Занг, опираясь на параметры порядка Хакена, специально подчеркивал, что поведение сложной системы определяется, в сущности, поведением очень малого числа таких переменных, а потому даже очень сложные системы могут быть сведены к очень простым [3, с. 266–267]. Таким образом, между макро- и микроскопическим уровнем системы появляются методологически новые элементы, представляющие собой не просто промежуточный уровень ее структуры (как это трактовалось бы в иерархической модели), а позволяющие системе находить новые траектории к равновесию.

И. Пригожин квалифицировал самоорганизацию систем, также опираясь на разделение ее микроскопического и макроскопического уровней. Множество элементов и их взаимодействий, направленных

³ Такое понимание системной эволюции, первоначально сформировавшееся в естественных науках, признается большинством авторов также и в качестве закономерности развития общества и экономики.

на самоорганизацию, он методологически исследовал через понятия хаоса и порядка. При этом различается динамический хаос на микроскопическом уровне и диссипативный хаос на макроскопическом уровне [13, с. 208–209]. Динамический хаос господствует на микроуровне и служит фундаментом последующих преобразующих этот хаос макроскопических явлений, к числу которых относятся приближение системы к равновесию, свойственный ее макроскопическому уровню диссипативный хаос и соответствующие диссипативные структуры⁴. Диссипативные явления представляют собой макроскопические реализации хаотической динамики. Причем именно реализации, а не агрегирования, как это представлялось в иерархической модели экономики.

Дальнейшее развитие теоретического представления уровней организации и эволюции систем требовало методологически зафиксировать тот уровень, на котором формируются и действуют «параметры порядка». Это тем более необходимо для описания эволюции системы путем ее сведения к системам меньшей размерности [9, с. 122, 130], а также упомянутого сведения сложных систем к более простым. Для экономического анализа особенно ценным представляется методологический подход теории ансамблей, развиваемой в рамках синергетической парадигмы. Уровни описания эволюции и самоорганизации систем усложняются вместе с усложнением самих систем. Это в полной мере относится и к социально-экономическим системам⁵.

Для понимания смысла и необходимости выделения того уровня системы, на котором возникают и действуют параметры порядка, следует уяснить как минимум два важных обстоятельства. Во-первых, при системном анализе, в том числе экономическом, удобно и более надежно вычислять и оперировать средними статистическими значениями. Во-вторых, фиксировать наличие некоего особого уровня необходимо для системы, достигшей или приближающейся к состоянию равновесия. Г. Хакен назвал его мезоуровнем, И. Пригожин писал об «ансамблевой» точке зрения (13, с. 131–146). Теория ансамблей послужила для Пригожина узловым пунктом понимания динамики, т. е. естественного упорядочивания системы во времени.

Пригожин отмечал ограниченность описания системы в терминах отдельных траекторий ее элементов. Он приводил образный и понят-

⁴ С теорией диссипативных систем можно более подробно ознакомиться в гл. 2. Словарь сложного [9].

⁵ Во всех основополагающих трудах по синергетике, опирающихся, как известно, на данные естественно-научных исследований, есть специальные отсылки о применимости главных теоретических и методологических положений синергетики к развитию гуманитарных систем и «человеческих сообществ» [см., например: 9, с. 275–280].

ный аргумент «ансамблевого» подхода: когда речь идет об истории архитектуры, то имеются в виду не отдельные кирпичики, а здания в целом. Процесс старения человека затрагивает не отдельные атомы и молекулы, а отношения между ними. А история подразумевает не изменение природы отдельных людей, а изменение отношений между ними, развитие средств связи, которое приводило бы к созданию глобальной коммуникационной сети. И при системном анализе той или иной конкретной ситуации, по Пригожину, надлежит выходить за рамки концепции времени как параметра, описывающего только последовательные движения отдельных систем. Нелинейное развитие поэтому предполагает, что «адекватное описание хаотических систем, эволюции во времени, включающее в себя необратимость и вероятность, достижимо только на уровне ансамблей» [13, с. 208].

Г. Хакен для «адекватного описания» процессов самоорганизации использовал понятие уровня системы. Микроскопический, мезоскопический и макроскопический уровни, описывающие систему, взаимосвязаны [18, с. 65–66]. На микроскопическом уровне действуют многочисленные элементы системы, самоценные сами по себе и способные образовывать самые различные макросостояния с новыми свойствами. Смысл этого уровня в жизни системы – огромное множество всевозможных событий и подробностей изменений, накопление колоссального массива самой разнообразной информации. Здесь еще нет структуры. В этом событийном, эмпирическом базисе необходимо найти те элементы и состояния, которые толкают систему по пути эволюции и выявляют особенности ее поведения. Это и обеспечивают «параметры порядка», действующие на мезоуровне системы. Таким образом, отбор информации, важной для упорядочения системы, происходит на ее мезоуровне.

Для многих целей достаточно рассматривать систему на мезоскопическом уровне, предельно сокращая объем информации и вычлняя только главные параметры, направляющие ее эволюцию [18, с. 65–67]. Особое место мезоскопического уровня определяется тем, что именно на этом уровне системы формируются ее структуры. Более того, структуры являются формой самого существования системы, система возникает тогда, когда появляются структуры.

Структуры самоорганизации экономики как системы

Из сказанного вытекает, что главным признаком самоорганизации как процесса упорядочения системы является спонтанное образование и эволюция ее структур [6, с. 220]. Иными словами, система только в том случае может считаться самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает некую пространственную, вре-

менную или функциональную структуру [18, с. 34]⁶. Все три указанных типа структур, характерных для синергетического представления самоорганизации любой системы, вполне адекватно описывают самоорганизацию социально-экономических систем. Это значит, что данные структуры могут использоваться для целей мезоэкономического анализа. Однако в сложной социально-экономической реальности не всегда можно сразу увидеть и проследить формирование этих структур. Синергетический подход к анализу эволюции социально-экономических систем способствует «расшифровке» этой сложности – периодичность событий, чередование ускорения и замедления процессов, формирования или, напротив, распада структур, их сближения или расхождения.

Пространственные структуры. Эти структуры, формирующие процесс самоорганизации, не только непосредственно распознаваемы и наблюдаемы, но и имеют относительно устойчивую природу. В эпоху становления и расширения постиндустриальной экономики именно пространственные структуры выступают в качестве наиболее явных признаков перехода от иерархической экономической системы к системе, базирующейся на нелинейных горизонтальных связях [14]. Формируется новое свойство постиндустриальной экономической системы – распределенное производство. Основной наблюдаемой формой новых пространственных структур являются так называемые стоимостные цепочки [15]⁷. При этом важно понимать, что новые структуры не были исключительным феноменом постиндустриальной экономической системы – они исподволь готовились длительными трендами хозяйственной практики, мировой торговли, разделения труда. Смысл нового феномена пространственных структур организации состоит в отходе от традиционных «размещенческих» факторов к фактору изначального выбора самими микроэкономическими агентами новых предпочтений и связей (сбытовых, снабженческих, информационных и пр.) [11, с. 6–7]. Теория нового пространственного распределения через микроэкономический механизм принадлежит П. Кругману [20; 21].

Отличие пространственных структур современной экономической системы от традиционной рыночной кооперации очевидно.

⁶ Специфическое воздействие (извне) предполагает целенаправленное внешнее навязывание системе структуры или функционирования. Понятно, что в этом случае не идет речь о самоорганизации как эволюции системы.

⁷ В научной литературе используются также близкие по смыслу термины: цепочки поставок, продуктовые цепочки, ценностные цепочки, цепочки добавленной стоимости, стоимостные цепочки и др., ключевым словом для всех этих понятий являются цепочки как организационная (пространственная) устойчивая связь экономических агентов.

Оно заключается в перемещении критериев организации от простого обмена конечной продукцией между фирмами к координации ими нарастающих потоков добавленной стоимости – от начала производственно-хозяйственного процесса вплоть до конечного потребителя [15, с. 73–75, 83–87; 10]. В рамках цепочек последовательные стадии производства не ограничиваются организационно и юридически рамками соответствующих корпораций, а «распределяются» по тем фирмам и странам, где эти производства обеспечивают более высокую эффективность. Таким образом, меняется пространственная структура экономической системы: от стоимостных цепочек до распределенного производства, от хаотического переходного состояния до новой устойчивости. На месте бывших иерархий возникает новый горизонтальный сетевой уклад [15, с. 77–78, 94].

Характерным и хорошо известным примером современных пространственных структур являются кластеры. Это вариант специфического альянса фирм и организаций, объединяющих на началах кооперации отдельные стадии стоимостных цепочек [14, с. 93–94, 115; 19]. Крупные промышленные кластеры – это и есть образцы упомянутого выше распределенного производства. Формирование пространственных структур экономической системы происходит в органической взаимосвязи с другими структурами мезоуровня, которые также перестраиваются под новое состояние в развитии системы.

Временные структуры. Этот тип структур гораздо более сложен для наблюдения, объяснения и идентификации. Временные структуры поэтому являются сложным аспектом мезоэкономического анализа. Упрощенная, по некоторым оценкам, «вульгарная», трактовка временных структур как последовательного физического чередования прошлого, настоящего и будущего в таком анализе использована быть не может. Для понимания самоорганизации как сложного нелинейного развития временные структуры должны раскрываться с точки зрения близости или отдаленности от точки нарушения равновесия системы (в т. ч. и социально-экономической). Структуры могут быть «старыми» и «молодыми» не в увязке с моментом их появления, а в зависимости от срока (возраста) их существования в системе. Свойственные каждому конкретному моменту молодые структуры ведут свой счет из будущего, старые – из прошлого [6, с. 121].

Временная, по сути, синергетическая концепция структуры системы опирается на теорию времени М. Хайдеггера [16]. По Хайдеггеру, прошлое – это «память» системы, будущее – это множество возможных траекторий эволюции системы. Поэтому подлинное время – это не последовательность, а вечное присутствие временных структур (*Zeitlichkeit*) [22, s. 328–331]. Временные структуры органически привязаны к организационным (пространственным) и функциональным

тенденциям эволюции системы. Сложная структура системы представляет собой некую суперпозицию ряда структур разного возраста, конкретные области локализации которых определенным образом взаимно перекрываются. В связи с этим при анализе временных структур эволюционно развивающейся нелинейной системы необходимо, во-первых, увидеть в ее сегодняшнем состоянии те звенья и сегменты, в которых процессы в данный момент времени протекают так, как они шли во всей системе в прошлом. Во-вторых, нужно видеть также и те элементы и сегменты, в которых уже сейчас процессы идут так, как они будут идти во всей системе в будущем [6, с. 153–156]. Поэтому главное в концепции временных структур будущего – присутствие их уже в настоящем в качестве собственного прошлого. В инновационной экономике такое представление структурной эволюции подтверждается практически ежедневно. Так, нейросети уже помогают принимать важные решения, причем в рамках очень крупных промышленных проектов. А надвигающаяся революция в банковском деле принесет с собой не только отказ от наличных расчетов, но и от таких на сегодняшний день сравнительно молодых продуктов, как банковские карты. Все это – не что иное, как точки опоры в развитии системы, «подсказываемые» из будущего, которые следует иметь в виду при разработке любых программ социально-экономической модернизации.

Функциональные структуры. Сложная природа и сложное поведение социально-экономических систем, даже самых больших, объясняется не множественностью составляющих их элементов, но, прежде всего, сложным поведением этих элементов. Понятно, что сложное поведение требует сложных норм его структурирования. Для мезоэкономического анализа это означает, что функционирование экономики как системы требует адекватных институтов. При этом функциональные структуры, представленные институтами, изначально связаны (взаимно перекрываются) с пространственными и временными структурами, а собственная их специфика заключается в формировании рамок, ограничений, предпочтений и стимулов. Именно мезоскопические функциональные структуры обеспечивают нормы устойчивых состояний в процессе эволюции системы. Для своего устойчивого функционирования экономика нуждается в таких мезоструктурах и механизмах и постоянно осуществляет поиск соответствующих норм и правил [4, с. 12].

Для эволюции экономики как большой саморазвивающейся системы принципиально то, что каждый из описанных типов ее структурной характеристики, формируемых на мезоуровне, определяет соответствующий аспект самоорганизации. Результатом самоорганизации системы оказывается приобретение ею новых свойств, изначально формирующихся, как и структуры, на мезоуровне. Так, пространственные структуры обеспечивают организацию производ-

ственно-хозяйственных взаимодействий, временные структуры поддерживают вектор их развития, а функциональные структуры создают разнообразные институты как нормы взаимодействий в рамках экономической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волинский А.И.* Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 3. С. 36–49.
2. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Становление экономической синергетики // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 122–133.
3. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999.
4. *Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И.* Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 3. С. 8–23.
5. *Клейнер Г.Б.* Мезоэкономические проблемы российской экономики // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 11–18.
6. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Синергетическое мировоззрение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.
7. Мезоэкономика переходного периода: Рынки, отрасли, предприятия / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2001.
8. Мезоэкономика развития / Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011.
9. *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного: Введение. М.: ЛЕНАНД, 2017.
10. *Ореховский П.А.* Концепт «фирмы» в свете «нового духа капитализма»: Л. Болтански и Э. Кьяпелло: сети и новые классы // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 21–35.
11. *Пилясов А.Н.* Новая экономическая география (НЭГ) и ее потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. № 1 (31). С. 3–31.
12. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2014а.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Время. Хаос, Квант: К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС, 2014б.
14. *Сморodinская Н.В.* Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015.
15. *Сморodinская Н., Катукоев Д.* Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 72–101.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.
17. *Хакен Г.* Синергетика. М.: Издательство «Мир», 1980.
18. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроэкономический подход к сложным системам. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2014.
19. *Шашитко А.* Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. 2009. Т. 2. № 2. С. 9–31.

20. *Krugman P.* Increasing returns, monopolistic competition, and international trade // *Journal of International Economics*. 1979. Vol. 9. Pp. 469–479.
21. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
22. *Heidegger M.* Sein und Zeit. 16 Auflage. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1986.

ABOUT OF AUTHOR

Marina Aleksandrovna Deryabina – Candidate of Economic Sciences, Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS) Moscow, Russia.
deryabina@transecon.ru

ECONOMY AS A SYSTEM: SEARCH FOR MESO LEVEL
IN THE FRAMEWORK OF THE SYNERGETIC PARADIGM

The article analyses the features of the evolution of the economy as self-organizing complex system. The processes of self-organization are considered within the framework of the synergetic theoretical paradigm. The characteristics of the macro-, meso- and micro-level of the socio-economic system, as well as spatial, temporal and functional structures of self-organization, are given.

Keywords: *system evolution, system structure, levels of self-organization, mesoscopic level, spatial, temporal and functional structures.*

JEL: F63, L23, P00.

Д.Ш. ГОГОХИЯ

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ИЗ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ДЕНЕГ

В статье показано, что по своему происхождению и назначению деньги являются предпочтительной для накопления формой богатства, минимизирующей издержки и стоимостные риски. Деньги играют ключевую роль в становлении и развитии товарного производства в человеческом обществе. В статье критически исследуется теория предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, учение о форме стоимости К. Маркса, учение о деньгах К. Менгера, а также взгляды меркантилистов.

Ключевые слова: *стоимость денег, ликвидность, издержки содержания, уравнение обмена.*

JEL: F31, F41, L52.

Считается, что экономисты-классики, в отличие от меркантилистов, сумели разглядеть истинную природу денег как средства обмена, указав, что деньги лишь облегчают обмен товарами посредством их продажи и покупки. К. Маркс, правда, подчеркивал, что распадение акта обмена на продажу и покупку не устраняет трудности товарного обмена. Согласно его учению о форме стоимости [9, гл. 1], продажа и покупка товаров за деньги несводима к обмену одних товаров на другие даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистическом. Общая причина для всякого товарного производства, по Марксу, сводится к противоречию между общественным характером производства и частным присвоением, т. е. коренится в товарно-рыночной организации общественного производства.

Вместе с тем продажа и покупка товаров за деньги несводима к обмену одних товаров на другие только в том случае, если не вся денежная выручка от продажи товаров расходуется на покупку других товаров. Учитывая, что в капиталистическом обществе деньги расходуются не только на потребительские товары, но и на капитальные активы, доказать это совсем непросто. Неслучайно до Дж.М. Кейнса мало кто из экономистов сомневался в том, что в капиталистическом

обществе все свободные от расходования на потребительские нужды деньги либо непосредственно, либо посредством тех или иных форм кредита находят дорогу на рынки капитальных активов.

Экономисты никогда не отрицали, что при товарно-рыночной организации общественного производства, когда хозяйствующие субъекты принимают решения самостоятельно и независимо друг от друга, суммарная стоимость планируемых денежных сбережений может не совпадать с суммарной стоимостью планируемых инвестиций, т. е. денег, расходуемых на покупку капитальных активов. Считалось, что само это несовпадение должно воздействовать на рыночную норму процента, которая, достигнув определенного уровня, непременно сбалансировывает инвестиции и сбережения, т. к. изменение нормы процента в равной мере воздействует на сбережения и на инвестиции. Одной из несомненных заслуг Кейнса является его сомнение в том, что возможно такое простое решение проблемы инвестиций и сбережений.

По Кейнсу, норму процента нельзя отделять от денег как ликвидного актива, т. к. люди воспринимают и используют деньги в качестве *формы богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенности будущего*. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т. е. возможность использования их для достижения различных (неопределенных заранее) целей, но также на минимальные издержки их содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но как справедливо подчеркивает Кейнс (глава 17 «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги – это такая форма богатства, накопление которой не встречает противодействия со стороны растущих издержек содержания. Кейнс считал, что хотя все блага длительного пользования отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, расходование денег на капитальные активы (по определению, менее ликвидных, чем деньги) чревато риском убытков. Учитывая особенности товарно-рыночной организации общественного производства, этот вывод выглядит достаточно убедительным. Поэтому следует признать, что процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу.

Деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на это обстоятельство. Между тем логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь

если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Незачем хранить деньги, если для сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть без дополнительных издержек превращены в деньги. Ведь транзакционные издержки остаются такими же независимо от того, что именно хозяйствующие субъекты предпочитают хранить. Единственное требование к хранимым товарам – это низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что деньги как средство сохранения стоимости не имеют никаких преимуществ по сравнению с товарами, то свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но и с обоснованной претензией на более глубокий анализ товарно-рыночной организации общественного производства.

Вместе с тем теория предпочтения ликвидности Кейнса позволяет разъяснить слишком много важного в капиталистической экономике, чтобы от нее можно было отказаться без существенных последствий. Согласно теории Кейнса, спрос на деньги не исчерпывается спросом на товары, следовательно, состояние товарных рынков не определяет состояния денежного. Значит, общее рыночное равновесие, как его, например, понимал Л. Вальрас [1], имеет мало общего с реалиями капиталистической экономики. В частности, становится понятным, почему деньги как средство обмена не могут быть полностью замещены простыми расписками, эмитируемыми самими товаровладельцами.

Возможно, объяснение заключается в том, что деньги – нечто большее, чем средство обмена. Экономoантропологи давно пришли к выводу, что по своему происхождению деньги – это скорее средство накопления, а не средство обмена. [См.: 7]. Не случайно теория предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса согласуется с этим выводом.

Принцип неизменности стоимости денег в контексте уравнения обмена

Характеризируя деньги как средство обмена или, что то же (при многостороннем обмене), как средство обращения, экономисты обычно не придают значения тому, что не все деньги, которые расходуются на одних товарных рынках, приобретаются на каких-то других товарных рынках. Задолго до Кейнса об этом писал К.Маркс во втором томе «Капитала». Исследуя процесс обращения авансированного денежного капитала [10, с. 534–542], он подчеркивал, что золотопромышленники (при золотом стандарте) продают добытое золото не на

рынке, а на монетном дворе, получая плату за него не по рыночной, а по твердой (фиксированной) цене. Выходя на рынок, золотопромышленники только покупают товары, ничего не продавая. Следовательно, владельцы обычных товаров покупают их на рынке на меньшую сумму денег, чем продают.

Рассуждение Маркса распространяется на любое (как простое, так и капиталистическое) товарное производство. Это рассуждение фактически основывается на предположении, что деньги пользуются спросом как средство накопления. Ведь, в противном случае никто не пожелал бы покупать товаров на меньшую сумму денег, чем продавать. Вследствие этого даже относительно незначительное увеличение общего количества денег вызывало бы избыточный спрос на товарных рынках и, как следствие, повышение товарных цен или падение меновой стоимости денежной единицы. Маркс, однако, исключил из своего анализа такой сценарий. Исследуя процесс обращения авансированного денежного капитала, он использовал принцип неизменности стоимости денег.

Принцип неизменности стоимости денег в качестве предпосылки анализа товарного производства имеет универсальное значение, поскольку он противостоит доктрине постоянного количества или, что то же самое, фиксированного предложения денег [12; 13]. В явном или неявном виде он разделяется многими экономистами. Это можно понять, учитывая господствующий в экономической науке взгляд на происхождение (назначение) денег. Раз деньги служат средством обращения, то естественно предположить, что экономика может развиваться при любом (фиксированном) количестве денег. Но именно поэтому доктрина фиксированного предложения денег не совместима с принципом неизменной стоимости денег. Ведь из этого принципа и уравнения обмена ($MV=PQ$) неизбежно следует, что при постоянной скорости обращения денег (V) объем производства товаров (Q) можно и должно рассматривать как функцию от количества денег (M). Поскольку уравнение обмена основывается на равноценности израсходованных денег (MV) и того, что на них куплено (PQ), строгость данного вывода не подлежит сомнению.

Английские экономисты, жившие в эпоху золотого стандарта, исследуя закономерности денежного обращения, исходили из того, что стоимость денег устойчива. Вместе с тем они не сомневались в том, что деньги служат лишь средством обращения. Для них было важно, что при любом первоначальном распределении денег между участниками товарного производства и при любом их расходовании (на производственные ресурсы или потребительские блага) отношение общей стоимости товарной массы к стоимости наличного запаса денег остается стабильным. При узком понимании предложения денег как

наличного запаса золотых монет данное отношение, представляющее скорость обращения (V) из уравнения обмена, сохраняется стабильным только тогда, когда государство и банки выпускают платежные средства (банкноты, казначейские билеты, чековые депозиты) строго пропорционально запасу золотых монет. Хотя при золотом стандарте все платежные средства подлежали размену на золотые монеты по первому требованию и по фиксированному курсу, такой строгой пропорциональности никогда и нигде (ни в одной стране) не соблюдалось. Неудивительно поэтому, что английские экономисты посчитали правильным корректировать не скорость обращения, а массу денег, противостоящую PQ [15; 2].

Идея о том, что развитие экономики сдерживается из-за нехватки денег, играла заметную роль во всех дискуссиях вокруг золота как стандарта стоимости¹. С другой стороны, тот факт, что современные деньги утратили связь с золотом, казалось бы, подтверждает традиционный взгляд на деньги как на средство, облегчающее (удешевляющее) обмен товарами. Иначе, казалось бы, невозможно объяснить, почему и как деньги приобретают свойство ликвидности или, по выражению экономистов-классиков, способность непосредственно обмениваться на любые товары. Сегодня критически оценивается версия К. Маркса, согласно которой развитию торговли и обмена на основе товарного производства препятствуют не только и не столько трудности или издержки, связанные с поиском подходящих торговых партнеров, сколько трудности, связанные с установлением цен, обеспечивающих стоимостную эквивалентность обмена. И дело не только в том, что, вопреки Марксу, деньги утратили внутреннюю стоимость. Деньги как всеобщий эквивалент или свойственная товарам мера стоимости не поддаются осмыслению в терминах спроса и предложения без увязки с какими-то другими их функциями. Хотя все денежные функции тесно взаимосвязаны, немаловажное значение поэтому приобретает вопрос о том, как возникают деньги. Многие экономисты (в частности, Дж. Хикс в работе «Теория экономической истории» [14]), выделяют учение о деньгах К. Менгера, родоначальника австрийской школы [11]. Оно высоко ценится за то, что Менгеру удалось разъяснить, как деньги становятся общепринятым средством платежа за товары в результате спонтанного эволюционного процесса, в котором вместе с тем немаловажную роль играет осмысленный рациональный выбор хозяйствующих субъектов.

Учение Менгера действительно выделяется среди других учений о деньгах. Но на самом деле из учения Менгера можно вывести лишь одно: общепринятым средством платежа за товары становятся блага,

¹ О характере дискуссий можно судить по статьям, опубликованным в [5].

наиболее пригодные к накоплению. Это имеет место во все исторические эпохи, у всех народов. Достаточно сопоставить начальный и конечный пункт в рассуждениях родоначальника австрийской школы.

Учение о деньгах К. Менгера

В основе учения К. Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по своей непосредственной полезности, но и по своей способности к обмену (сбыту), т. е. степенью ликвидности. Если бы это было не так, несовпадение предпочтений товаровладельцев оказалось бы непреодолимым и постоянно создавало бы тяжелые препятствия в разделении труда и производстве благ для неизвестного покупателя. Но ответ на вопрос, почему блага различаются способностью к сбыту, Менгер отложил на потом. Вначале ему было важно разъяснить, что, обменивая менее ликвидный товар на более ликвидный, хозяйствующий субъект с большей вероятностью достигает своей конечной цели – приобретения путем обмена необходимых ему потребительских благ. Вначале лишь отдельные, наиболее предусмотрительные хозяйствующие субъекты осознают преимущества приобретения посредством обмена более ликвидных товаров и получают от этого выгоду. Но чем больше людей следует их примеру, тем очевиднее и весомее общая выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). «Таким образом, – заключает Менгер, – практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами» [11, с. 4]. К. Менгер выделяет черты, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления [11, с. 7; 11, с. 9–10].

Вопреки намерению проследить происхождение денег как посредника при обмене, Менгер фактически утверждает предпочтительность накопления благ, которые могут служить разным целям, т. е. обладают естественной ликвидностью². Принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействие со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (ликвидности и издержкам содержания), выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Отсюда вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяй-

² В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

ствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене. Им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку некоторые из этих свойств (пригодность к накоплению) с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поэтому более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *обще принимаемое* средство платежа.

Еще раз о теории Дж.М. Кейнса

Дж.М. Кейнс, подобно К. Менгеру, не смог освободиться от традиции, укорененной в экономической науке со времен классиков. Уделяя особое внимание деньгам как средству накопления, он нисколько не сомневался в том, что свойство ликвидности присуще деньгам как средству обращения. Поэтому в системе Кейнса деньги, благодаря свойству ликвидности, весьма привлекательны для накопления. Однако, желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме (предпочтение ликвидности) сдерживает развитие любого, в том числе товарно-капиталистического, производства и выступает ближайшей причиной экономических кризисов и депрессий. В этой связи Кейнс, как известно, внес существенные коррективы в теорию спроса на деньги, приблизив ее к реалиям капиталистической экономики [6, гл. 15]. При этом он оставил без всякой корректировки (серьезного обсуждения) вопросы, связанные с предложением денег. Он «не заметил», что желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме (если исключить ситуацию избыточного спроса на ликвидность в периоды кризисных потрясений) вполне совместимо с развитием товарного производства. Такое желание сдерживает развитие товарного производства только в тех случаях, когда предложение денег никак не реагирует на спрос на деньги. Это условие едва ли соблюдалось в прошлом, когда конкурировали разные деньги и выбор между ними определялся как устойчивостью их стоимости, так и гибкостью предложения. [См.: 8, гл. 2]. Но это в принципе неверно для современной денежно-кредитной системы с частичным резервированием банковских депозитов. Центральный банк способен, конечно, существенно ограничивать предложение денег посредством процентной и особенно валютной политики (отказываясь от операций на валютном рынке). К сожалению, он это делает, когда стабильность валютного курса не рассматривается в качестве приоритетной цели при выборе денежно-кредитной и валютной политики. Это и происходит как раз потому, что в сообществе экономистов укоренилась при-

вычка относить вопрос о стоимости денег к вопросам экономической политики, а не к фундаментальным вопросам экономической теории.

Далеко не случайно в последние десятилетия в кейнсианской литературе вопросам предложения денег уделяется особое внимание. Многие известные экономисты (Н. Калдор, Дж. Стиглиц, Х. Мински, Б. Бернанке, Д. Инхем) заявляют о необходимости критически пересмотреть основные аспекты ортодоксальной теории денег с позиций кредитной природы современных (банковских) денег³. Они имеют в виду, в частности, тот факт, что ортодоксальная теория денег игнорирует те возможности, которые предоставляет устройство современной денежной системы для придания предложению денег большей гибкости. Слабость подобных суждений, как нетрудно догадаться, связана с тем, что обычно преуменьшается важность другой стороны вопроса. «Хорошие» деньги – это не только такие, предложение которых меняется или может меняться в зависимости от той или иной конкретной ситуации на денежном рынке. «Хорошие» деньги – это такие деньги, стоимость которых остается устойчивой при гибком их предложении. Устойчивость стоимости и гибкость предложения – вот те качества, которые необходимы для массового устойчивого спроса на деньги как средства накопления. Без этого поддерживать нормальное (устойчивое) развитие экономики практически невозможно.

Желание людей накапливать богатство в денежной форме, т. е. предпочтение ликвидности, отмечалось практически во все исторические эпохи. Но отсюда вовсе не следует, что истоки товарно-рыночной организации общественного производства и движущие силы товарного производства никак не связаны с феноменом денег. Во всяком человеческом обществе, так или иначе, решается вопрос о том, сколько работать и какую часть результатов производства потребить, а какую – сохранить с целью накопления богатства. Но во всяком человеческом обществе свобода выбора людей по этому фундаментальному вопросу существенно ограничивается натуральной формой продуктов человеческого труда, далеко не в равной степени пригодных к накоплению. Именно в данной связи деньги должны вступать в экономический анализ, ибо деньги и только деньги дают возможность раздвигать границы накопления, независимо от натуральной формы производимых продуктов. И именно поэтому спрос на деньги как средство накопления играет ключевую роль в становлении и развитии товарного (специализированного) производства во всяком человеческом обществе.

³ Подробный анализ новейших тенденций в кейнсианской литературе содержится в [3].

Рациональное зерно в учении меркантилистов

Впервые сомнения в пригодности денег выполнять роль средства накопления зародились в связи с революцией цен XVI–XVII вв., когда на западноевропейские рынки хлынул поток сравнительно дешевого золота и серебра из Нового света. Рост цен, означающий падение стоимости денег, положил начало формулировкам количественной теории денег и, как следствие, изоляции теории денег от теории стоимости (относительных цен). Рост товарных цен увязывался не столько с низкой стоимостью американского золота и серебра, сколько с представлением об избыточных запасах денег по сравнению со спросом на деньги как средством обращения. При этом сторонники количественной теории пытались опереться на уравнение обмена, которое, если не по форме, то по сути, было хорошо известно экономистам классической школы (поскольку основывается на равноценности израсходованных на покупки денег (MV) и того, что на них куплено (PQ)). Фактическое соотношение между увеличением количества денег и повышением цен в эпоху революции цен разошлось с предсказаниями количественной теории. За два века цены выросли примерно в два-три раза, тогда как масса денег увеличилась в 15–17 раз⁴. Такой итог (согласно уравнению обмена) объясняется, во-первых, тем, что товаропроизводители не только с готовностью отчуждали свои продукты в обмен на деньги, но и не упускали возможности расширить объемы производства и продаж (Q). Во-вторых, не вся выручка от продажи товаров расходовалась на покупку других товаров. Часть денег сберегалась и накапливалась. Стимулом к расширению производства были именно деньги, желание увеличить их запас. Это хорошо понимали меркантилисты.

Считается, что меркантилисты преувеличивали значение притока денег в страну, поскольку они отождествляли деньги с богатством или капиталом. Но разве государство, как и индивид, не должно расходовать меньше, чем приобретает, если намерено увеличивать свое богатство? Вопрос в том, какую экономическую форму принимает или должен принимать этот излишек сверх потребляемого. Для своего времени учение меркантилистов, в рамках которого излишек отождествлялся с денежной формой богатства, выглядело естественным и разумным именно с экономической точки зрения. По мере затухания революции цен все больше фактов свидетельствовали о том, что ценность металлических денег отличается от ценности товаров большей устойчивостью. Поэтому среди мотивов, побуждающих расши-

⁴ Разные авторы по разному оценивают приток денег и рост цен. Однако то, что приток денег многократно превысил повышение цен, отмечается всеми и не подлежит сомнению.

рять производство товаров, центральное место занимал мотив приобретения денег, которые воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами как предпочтительная для накопления форма богатства, позволяющая сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности без риска потери их ценности.

Подобные соображения не в последнюю очередь объясняют позицию меркантилистов по вопросам внешней торговли и активного торгового баланса, который являлся предметом их особой заботы. Сегодня очень легко показать, что меркантилисты ошибались, указав, что выпуск, к примеру, одной 100 долларовой банкноты обходится всего в несколько центов, тогда как желающим приобрести эти 100 долларов приходится продавать за доллары те или иные товары, издержки производства которых намного выше. Во всяком случае, издержки в долларовом исчислении не выше, а ниже 100 долларов. И чем они ниже, тем очевиднее выгода такого обмена для тех, кто поставляет за доллары товары. Данное положение не может быть оспорено при условии, что стоимость денег отличается от стоимости товаров большей устойчивостью. Если достаточно глубоко обосновать данное положение, можно отказаться от использования в экономическом анализе понятия денег как средства обращения, что будет только на пользу экономической теории и практике.

То, что деньги сами по себе имеют стоимость, особенно очевидно, когда они изготавливаются из драгметаллов. Но мало кто из крупных экономистов признавал, что эта внутренняя стоимость способна сама по себе исполнять роль меры и регулятора стоимости товаров. Отмечалось и подчеркивалось, что стоимость любых денег, в том числе денег, изготавливаемых из драгметаллов, сама нуждается в выяснении. Проблема снимается, если есть основания рассматривать стоимость денег как нечто данное и неизменное. Поиску таких оснований препятствует традиционный взгляд на деньги как на средство обращения. Но он же препятствует выработке надежных мер по искоренению инфляции без ущерба для производства и занятости. Как показано в [4], при учете некоторых особенностей спроса и предложения на денежном рынке и тех возможностей, которые предоставляет устройство современной денежно-кредитной системы для выбора денежно-кредитной и валютной политики, вполне возможно жестко ограничивать инфляционные процессы, стимулируя одновременно экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства. М.: Изограф, 2000.
2. Ван Зунтум У. Невидимая рука. Экономическая мысль вчера и сегодня. М.: Мысль, 2017.
3. Вымятина Ю. Теория денег. СПб. 2014.
4. Гогохия Д. Деньги, кредит и банки. М.: Институт экономики РАН, 2016.
5. Золотой стандарт. Сб. статей. М.: Социум, 2011.
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1993.
7. Малахов С. Деньги и экономическая психология // Деньги и кредит. 1992. № 1. С.12–25.
8. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
10. Маркс К. Капитал. Т. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
11. Менгер К. Основания политической экономии. В кн.: Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
12. Ротбарт М. Государство и деньги. М.: Социум, 2002.
13. Хайек Ф. Цены и производство. М.: Социум, 2007.
14. Хикс Дж. Теория экономической истории. М.: Прогресс, 2003.
15. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 2. СПб, 2001.

ABOUT THE AUTHOR

Dorymedon Shotaevich Gogohia – Doctor of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
gogohia.dorik@yandex.ru

SOME STORIES FROM THE THEORY AND HISTORY OF MONEY

The article shows that according to its origin and purpose, money is preferable for the accumulation of a form of wealth that minimizes costs and cost risks. Money plays a key role in the formation and development of commodity production in human society. The article critically explores the Liquidity Preference Theory of J.M. Keynes, the Theory of Value of Karl Marx, the Theory of the Origin of the Money of K. Menger, as well as the views of mercantilists.

Keywords: *The value of money, liquidity, maintenance costs, equation of exchange.*

JEL: F31, F41, L52.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

О.С. СУХАРЕВ

доктор экономических наук, профессор,
зав. лабораторией Института проблем рынка РАН,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ¹

Системный подход к решению проблемы обеспечения технологической и промышленной безопасности страны предполагает выделение внешних и внутренних факторов возникновения угроз, определение влияния их на технологии и промышленные организации, обоснование мер элиминирования этих угроз в научно-технической сфере. Показано, что в области технологий и промышленности способы нанесения ущерба могут быть различными, однако их содержание в большинстве случаев является типовым. Подробно рассмотрены примеры, дающие представление о существующих институциональных схемах нанесения конкурентного поражения в области развития технологий и наукоемкой промышленности, представляющие собой типовые процедуры, почерпнутые автором из практики его консультационной деятельности.

Ключевые слова: технологии, промышленность, безопасность, схемы нанесения ущерба, институциональные коррекции, меры по повышению безопасности в научно-технической сфере промышленного производства.

JEL: E02.

Проблема экономической безопасности российского государства давно стоит на повестке дня, и на многие вопросы ее обеспечения уже получены научно обоснованные ответы, в том числе в работах Л.И. Абалкина, А.А. Куклина, В.К. Сенчагова, А.И. Татаркина [1; 2; 5].

¹ Статья подготовлена в рамках тем государственного задания ФАНО «Макроэкономическая и промышленная политика роста: институциональные, структурные и технологические изменения» и «Структурная модернизация российской экономики в контексте формирования новой модели развития».

Однако не все проблемы обеспечения экономической безопасности, особенно в области промышленности и технологий, изучены и отражены в научной литературе. Причина в том, что при высокой потребности в технико-технологическом развитии промышленности на отечественной ресурсной базе эта сфера экономики подвержена перманентным институциональным коррекциям, приводящим к изменению внешних и внутренних конкурентных условий. Это требует противодействия различным «институциональным схемам», ослабляющим или ликвидирующим конкурентные преимущества российских агентов на внутреннем и внешнем рынках, воспроизводящим соответствующие угрозы безопасности в области технологий и промышленного производства (контроля внутренних рынков).

Задача обеспечения национальных приоритетов в области технологической и промышленной безопасности государства требует оценки и соотнесения внешних и внутренних угроз с соответствующей величиной возможных потерь [3; 4; 5], как уже понесенных, так и ожидаемых в ближайшем и отдаленном будущем. При этом политика обеспечения безопасности в научной и технологической сферах, напрямую затрагивающая вопросы производства средств производства, должна предполагать не только формирование и применение мер по сиюминутным угрозам, но выработку и ввод в действие научно обоснованных, комплексных и опережающих мер воздействия на экономическую систему, проведения контроля за их исполнением и необходимых корректировок полученных результатов.

С позиций системного подхода решение указанной задачи целесообразно осуществлять по трем ключевым направлениям: а) определение внутренних и внешних причин возникновения угроз для технологической и промышленной безопасности; б) анализ способов (методов) негативного воздействия на научно-техническое и технологическое развитие; в) формирование (выработка) мер по укреплению безопасности в научно-технической и технологической сферах.

Признавая важность источника угроз как внешнего, так и внутреннего характера, прежде всего отметим весомое значение самого способа негативного воздействия, потому что именно он обеспечивает интенсивность и длительность действия угрозы, возможность ее элиминирования или ликвидации. Далее можно действовать по двум основным направлениям: с одной стороны, снижать саму угрозу, если имеются средства воздействия именно на нее в сторону снижения ее значимости, с другой стороны, укреплять адаптивность, гибкость реакции, устойчивость и автономность работы той системы, которой угрожают. Конечно, возможен вариант, когда подрывается основа возникновения угроз в будущем. Но эти действия, как правило, имеют гипотетический характер, поскольку трудно установить, как будет

изменяться сам источник угрозы, какие формы он примет, в какой передаточный механизм воздействия превратится.

Анализируя внутренние и внешние причины угроз в области технологий и промышленности, введем перечень из семи основных материальных и нематериальных параметров, обеспечивающих приоритет (преимущество) научно-технического и технологического развития одного экономического субъекта по сравнению с другим (одной страны перед другой): 1) наличие или возможность привлечения в необходимых объемах финансовых ресурсов; 2) наличие материальных (сырьевых) ресурсов или легкий доступ к ним; 3) наличие энергетических ресурсов, включая углеводородное сырье; 4) уровень (состояние) развития человеческого капитала (возраст, образование, навыки, опыт, заделы, школы, мотивация); 5) наличие базового интеллектуального капитала как основы инновационного развития (фундаментальный задел знаний и организационный капитал, обеспечивающий необходимый режим их воспроизводства и использования); 6) развитие государственных институтов и структуры управления как фактор стабильности, суверенитета, эффективной организации; 7) совершенство коммуникаций – связи, транспорта, хозяйственной инфраструктуры и т. п.

Согласно предложенному перечню, в любой экономике можно выделить влияние неравномерного развития, задаваемого разницей по группам параметров, то есть наличие ресурсных диспропорций при возникновении реальных угроз в технологической и промышленной области. По этим параметрам возникают отрицательные связи и внутренней природы, которые также сильно ослабляют возможность ответить на угрозу и противостоять ей. Например, очевидные угрозы технологическому и промышленному развитию, нанесшие большой урон России, связаны с недостатком финансовых ресурсов и отставанием в современной инфраструктуре, при удовлетворительном уровне прочих факторов. Таким образом, финансовое обеспечение, которое отражает возможность использования всех прочих ресурсов, выступает релевантным условием в области обеспечения безопасности данных сфер деятельности. Именно распределение финансов на следующих стадиях развития создает диспропорции между другими факторами. По этой причине одним из начальных условий анализа внутренних причин и угроз безопасности является анализ диспропорций в ресурсном обеспечении технологического развития страны (высокотехнологичные секторы, сфера науки и техники, промышленность средств производства, энергетика и др.). Кроме того, требуется особо акцентировать внимание на острой необходимости комплексного подхода к ресурсному обеспечению (иными словами, безопасность, как и развитие, бесплатными быть не могут), так как анализ отдельных факторов без учета их взаи-

мосвязи и влияния, как показывает опыт России 1990–2000 гг., к существенному позитивному результату не приводит.

Превентивный характер мер обеспечения безопасности должен выступать важнейшим свойством этого вида деятельности. Когда решения принимаются «по факту» свершившегося негативного события, когда уже слишком поздно предотвратить нанесенный ущерб либо повлиять на источник угрозы, а затраты на устранение диспропорций становятся существенными, часто неподъемными, то это наносит большой вред функционированию всей экономики. Однако типичные меры макроэкономической политики, как правило, применяются ситуационно, без учета потерь в области промышленности и технологий, например, от неадекватно высокой ставки процента, демонетизации, порочных схем финансирования и т. д. Или, например, проблемы снижения рождаемости и относительно высокой смертности, приводящие к отрицательному естественному приросту населения, недооценивались. Все это – показательные примеры недалководидного мышления в области управления экономикой и таких же ситуационных мер политики, которые неприемлемы в области технологий, науки и промышленности средств производства, жизненный цикл функционирования которых значительно превышает 2–3-летний период.

Важно находить и своевременно принимать опережающие решения, блокирующие возможные угрозы. Тем самым меры обеспечения безопасности в области технологий и промышленности будут направлены на будущий период, позволяя исключить возникновение угрозы или ее ослабление. Понадобится карта возможных угроз и отвечающая ей карта мер их элиминирования, которые должны создаваться еще на стадии до возникновения угрозы. Таким образом, меры подразделяются на превентивные, ситуационные и долгосрочные, причем первая и третья группы должны преобладать. Однако применение любой меры требует затрат, которые могут превысить потери от возникшей угрозы. Поэтому потребуются оценки, показывающие, какие меры (соблюдая их баланс) следует применять в той или иной ситуации, учитывая прогноз ее развития.

Исходя из минимально необходимого перечня факторов обеспечения промышленной безопасности, можно, обобщив анализ угроз со стороны ресурсной составляющей, выделить три основные внутренние причины их возникновения: диспропорции в развитии, несистемный подход и несвоевременность принятия решений. Поэтому при разработке совокупности мер по устранению внутренних угроз необходимо акцентировать внимание на диспропорциях ресурсных составляющих, на их взаимном влиянии, на прогнозе возникновения и нарастания проблем с целью формирования и принятия опережающих управленческих воздействий. И особо нужно отметить, что

внутренние угрозы в большинстве случаев становятся основанием для нарастания внешних угроз, увеличения структурной и технологической зависимости в развитии от внешних центров конкурентной силы. Элиминирование внутренних угроз в значительной степени снижает и внешние опасности для развития науки, техники, промышленности.

Основная опасность реализации внешних угроз – это конкурентное поражение России, рост ее зависимости от внешних центров силы с понуждением исполнять волю этих центров. В ядерный век именно этот формат противоборства становится основным и сводится к получению дивидендов посредством такой «конкурентной игры». Причем сама игра предполагает и разработку оружия. Конкурентное поражение достигается посредством нанесения прямого ущерба, либо ограничением развития, либо повышением зависимости от иных центров в ходе взаимодействия на мировом рынке. Важно превзойти страну по уровню техники и технологий, по объему производства качественных и дешевых товаров. Именно в этом случае возникнет контроль над ее внутренним рынком. Когда население привязано в своем выборе к внешним источникам, выбор людей может быть детерминирован внешней силой, что в будущем обеспечит получение дополнительных предпочтений тому внешнему центру силы, который в этом заинтересован. Поэтому, основная цель внешних агентов – конкурентные преимущества, создание режима зависимости и усиление своего влияния.

При рассмотрении использования набора ресурсов в развитых (или приближающихся к данному статусу) странах, можно отметить продолжающиеся процессы взаимодействия их экономических систем, приводящие в той или иной степени к перераспределению, и, как итог, к некоторому усреднению уровней ресурсных составляющих и снижению диспропорций между ними благодаря внешнеторговому, научно-техническому, военно-политическому, культурному и другим видам межгосударственного взаимодействия. На это влияет международное разделение труда, деятельность международных организаций и союзов, создание и развитие блоков и союзов государств и т. п. Безусловно, классическая причина – борьба за рынки сбыта и источники сырья – продолжает действовать. Достигнутый на сегодняшний день уровень «сырьевого баланса» несколько снижает остроту противостояния, но он весьма неустойчив и в любой момент может быть нарушен. Вместе с тем даже временный «сырьевой паритет» увеличивает значимость конкуренции в научно-технической и технологической областях, включая оппортунизм, то есть нанесение урона неудобной или конкурирующей стороне различными методами. Пример Китая говорит о том, что определенный уровень автономности развития, правильно избранные приоритеты и их сбалансированное ресурсное обеспечение позволяют решать вопросы внутреннего развития, авто-

матически нивелируя внешние угрозы. Это подтверждает тезис, гласящий, что чем ниже уровень внутренних угроз развитию, тем экономика в большей степени готова отвечать на растущие внешние угрозы своей безопасностью по любым направлениям, включая такие важные, как наука, техника, промышленность.

Особую остроту и непредсказуемость (поэтому и малую вероятность прогнозов и высокую степень риска) конкурентной борьбе придают в настоящее время бурно протекающие процессы информатизации и цифровизации. Они стали итогом научно-технического развития прошлых лет, но детерминируют это развитие сегодня как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу, определяя возможности дальнейших новаций. Под их воздействием изменяются стиль конкуренции и содержание процесса нанесения урона. Сейчас уже в ходе трансформации базовых конкурентных моделей не обладание природными и материальными ресурсами определяет приоритет того или иного участника, а возможность использовать скрытые возможности, информацию и время как основные ресурсы конкурентного процесса. В этих новых институциональных условиях для достижения конкурентного превосходства, особенно при недостаточно высоком собственном уровне научно-технологического развития, следует искать способы нанесения ущерба «противнику» в конкурентной борьбе за счет «институционального срыва» его поступательного развития в научно-технической, технологической, промышленно-инновационной сферах. Учитывая, что основные, «хрестоматийные» методы отрицательного влияния в абсолютном своем большинстве присущи как внешним, так и внутренним конкурентам, приведем общий анализ и структуризацию таких воздействий.

В составе основных типовых методов нанесения ущерба развитию научно-технического и технологического промышленного потенциала государства следует выделить:

1) присвоение интеллектуальных результатов – несанкционированное применение чужих открытий, изобретений, ноу-хау, иногда с некоторыми изменениями, так что современные институты (патентное право) не могут обеспечить защиту от использования и присвоения интеллектуальной ренты;

2) разрушение бизнеса с целью устранения конкурента;

3) ложные цели – увод развития от эффективных направлений деятельности, дезориентация по приоритетам развития (либо провокация ошибок в установке таких приоритетов). Сюда относится и «шельмование» побед в науке и технике;

4) отвлечение – намеренное переключение внимания от научно-технических направлений, рост бюрократии, проведение реформ под видом улучшения при фронтальных ухудшениях функционирующей

системы и потере кадров (реформа РАН, здравоохранения, административная реформа и т. д.);

5) создание конвергентных кризисов (по отдельным элементам системы) и системного кризиса. Устранение эффективных институтов, законов, нормативов, стандартов или их замена на те, которые либо не нужны, либо явно хуже, либо фиксируют отставание и зависимость страны. Сюда относится, например, реформа российской высшей школы, когда копируются институты (бакалавриат, магистратура) при потере качества подготовки;

6) создание нестабильных условий – массовые и перманентные «институциональные коррекции», чехарда ничем не обоснованных реформ (под лозунгами структурных изменений);

7) потеря качества человеческого капитала (интеллекта) – отток человеческого капитала, падение уровня образования, квалификации, утрата целых профессий и компетенций (не при замещении их в ходе научно-технического прогресса новыми, а при абсолютной потере).

Каждая из семи групп методов включает различные инструменты ослабления по отдельным направлениям развития. Но при одновременном действии всех методов могут многократно увеличиваться угрозы для функционирования всей системы. Возникает мультипликативный эффект, который усиливается тем больше, чем большее число инструментов действуют в рамках каждой группы. Сочетание может быть различным, как и сила отрицательного воздействия. Иногда используются методы лишь по некоторым из семи групп, но они настолько значимы, что подрывают развитие промышленной и технологической системы данной страны в целом. Инициация этих методов и инструментов может быть как внутренняя, так и внешняя. Но даже при внешней инициации совершенно необязательно иметь внутри страны «пятую колонну». Достаточно «идеологически заболеть» или принять какие-то способы управления, которые для данной страны неверны, не годятся из-за своей низкой эффективности. Благое дело «борьбы с чем-то» может исполнять именно такую функцию и наносить ущерб фактом дискредитации, например, ученых, за совершенные ошибки.

Каждый из приведенных методов, в свою очередь, может быть реализован с помощью разных приемов, схем и алгоритмов (инструментов), которые и сейчас продолжают обновляться, отрабатываться и совершенствоваться, причем не столько специальными службами, сколько внутренними агентами, якобы желающими добра своей стране или часто искренне непонимающими, что, используя эти методы, они ослабляют страну в долгосрочной перспективе, дискредитируют ее на мировых рынках либо подрывают идеологическую основу осуществления какой-либо, например, научной, деятельности. Такие подходы могут быть навязаны идеологически, политически либо ментально в ходе неверного обучения

и использования стандартов, которые программируют поведение. Вместе с тем возможен вариант, когда внедрение происходит при спонсорской помощи некоммерческих общественных организаций, либо через подставные фирмы, либо через ангажированных (не обязательно купленных) чиновников, которые закончили, например, учебные заведения, где при попустительстве чиновников Министерства образования пропагандировались стандарты иностранных государств.

Все указанные и многие иные обстоятельства образуют канву применения методов, схем и алгоритмов нанесения конкурентного поражения в научно-технической, технологической и промышленной сферах. Приведем лишь некоторые приемы, применяющиеся отнюдь не с созидательными, а с разрушительными целями (см. табл.).

Таблица

Обобщение методов и инструментов нанесения ущерба безопасности в области технологий, науки и промышленности

Метод нанесения ущерба	Инструменты реализации
1. Присвоение интеллектуальных результатов	– присвоение и модификация конструкторской документации; – воспроизведение образцов; – выпуск под своей маркой (с незначительными изменениями, однако патентное законодательство не определяет заимствование).
2. Разрушение бизнеса, либо снижение его конкурентной значимости («растворение в рынке»)	– разделение, поглощение, совместные предприятия; – демпинговые схемы; – враждебные захваты собственности, враждебная аквизиция (минимальное нарушение правил); – криминальные захваты (масштабное нарушение законодательства).
3. Ложные цели развития (программирования, включая стратегию развития экономики, науки, техники)	– стимулирование неэффективных (иногда тупиковых) направлений, неверная оценка приоритетов; – отрицание достижений; – формализация планирования и управления.
4. Отвлечение	– неверные критерии оценки – цитируемость, число работ, плагиат, служащий цели дискредитации учебного, а не исправления ошибок; – упор в работе на оформление, а не на результат; – провокация неживых или увядающих от цели реформ, преобразований, например, по коррупции, когда реорганизация делается «под человека», а не под идею.

Метод нанесения ущерба	Инструменты реализации
5. Провокация конвергентного (поэлементного) и системного кризиса	– частое переподчинение; – множественные институциональные коррекции системы и ее элементов; – изменение стандартов, ликвидация и реорганизация, например, отраслевых НИИ, высшей школы и др. (с потерей сути и технологий функционирования).
6. Создание нестабильных условий	– налоговые изменения; – административные изменения; – реформа управления; – объединения и разъединения – создание агентств и их упразднение, слияние и разъединение министерств и т. д.
7. Потеря качества человеческого (интеллектуального) капитала	– неэффективная система оплаты труда, дестимулирующая интеллект; – изменения в учебном процессе (бакалавры, магистры вместо специалистов); – навязывание внешних норм и правил, не работающих в конкурентной среде на безопасность.

Источник: составлено автором.

Как следует из таблицы, имеются различные варианты ослабления конкурентных позиций России в области промышленной и научно-технической (технологической) безопасности. Эти схемы и алгоритмы применяются системно и поэтому обладают системным эффектом воздействия, порождая более высокую дисфункцию по отдельным подсистемам и по всей экономике в целом. Решение проблемы видится в таких же системных изменениях. Локальные решения, исходя из природы возникновения угроз, обеспечиваемых различными внутренними алгоритмами, инициация которых имеет внешнюю основу, не являются эффективными.

Для иллюстрации рассмотрим отдельные практические примеры отрицательного воздействия со стороны зарубежных конкурентов, наносящих значительный ущерб технологическому развитию России (названия фирм не приводятся, примеры взяты из практики консультационной деятельности автора)².

² Все излагаемые здесь примеры имеют конкретные аналоги – российские предприятия, ранее имевшие отношение к оборонному комплексу. Они сохранили отдельные важные или уникальные технологии, которые подобными схемами, к сожалению, ликвидируются.

Первый пример касается фактического применения метода «присвоение интеллектуальных результатов».

Пример 1. Имеются три фирмы: «М» и «Н» – российские, «К» – иностранная. Фирма «М» обладает новой технологией и документацией на оборудование (КД) для реализации данной технологии (имеются патенты РФ). Фирма «Н» – изготовитель данного специального технологического оборудования. Фирма страны «К» преследует цель завладеть новой технологией, которую фирма «М» не продает в связи с возможным ущербом, в том числе безопасности страны – обладательницы.

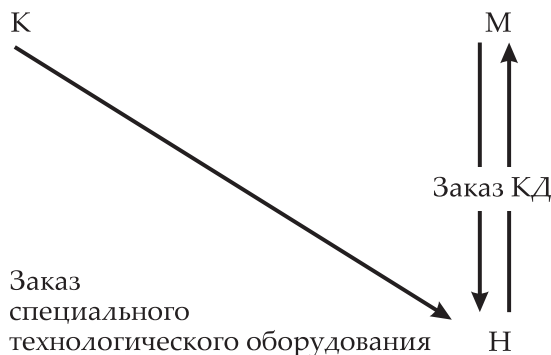
Примерная схема (алгоритм) решения такого типа присвоения интеллектуальных результатов (новой технологии и оборудования) приведена на рисунке. Алгоритм осуществляется на практике посредством следующих шагов:

1) фирма страны «К» заключает контракт с фирмой «Н» на поставку подобного специального технологического оборудования, но указывает в техническом задании иные параметры изделия;

2) фирма «Н» под разрешенный, согласно параметрам технического задания, заказ фирмы «К» приобретает документацию у фирмы «М»;

3) по приобретенной документации фирма «Н» производит один экземпляр технологического оборудования и поставляет его в страну «К»;

4) на фирме «К» воспроизводят оборудование и начинают серийный выпуск, в том числе и поставку в другие страны.

Источник: составлено автором.

Рис. Примерная схема завладения технологией (КД – конструкторская документация)

Формально другая страна не приобретала новую технологию, но ее освоение произошло через приобретение всего одного экземпляра специального технологического оборудования – и иных покупок не понадобилось.

Схем (алгоритмов) негативного воздействия конкурентов по модели «разрушение бизнеса» множество. Две из них, наиболее часто встречающиеся, приведены в примерах 2 и 3.

Пример 2. Небольшое российское предприятие «Н» (АО без участия государства) имеет портфель заказов на разработку и выпуск высокотехнологичных изделий, применяемых при создании техники военного и двойного назначения. Однако конкурентам, как в РФ, так и за рубежом, известно, что не может быть создан и серийно освоен новый объект или изделие с определенными в заказе характеристиками (или лучше), если будут утрачены (в некоторых случаях даже небольшие) предприятия–контрагенты, имевшие ранее накопленный большой опыт в разработке и создании того или иного вида техники, комплектующих для разрабатываемого изделия. В ряде случаев такая потеря является трудно или вообще невозможной и вызывает в лучшем случае большие затраты средств и, главное, времени на поиски и реализацию других, адекватных по уровню решений. Именно этот аспект часто не попадает в поле внимания служб безопасности, что применительно к промышленности, особенно в части производств двойного назначения и вспомогательных производств для «high tech» технологий, требует немедленного исправления.

Пример 3. Российская фирма «П», выпускающая в больших объемах продукцию двойного назначения, в процессе производства применяет технологическое (вспомогательное) изделие, которое закупается у зарубежной фирмы «G», т. к. в России его не производят (из-за отсутствия для этого российского сырья). При планируемом росте производства фирма «П» для освобождения от технологической зависимости организует производство вспомогательных изделий у себя (используя только импортный материал) и добивается успеха (не только отказавшись от поставок фирмы «G», но и, что более важно, быстро заняв заметное место на рынке, частично вытеснив саму фирму «G»). После этого не смирившаяся с некоторыми потерями фирма «G» целенаправленно разрушает фирму «П» по следующей схеме³:

1) фирма «G» предлагает создание совместного предприятия, привлекая к этому фирму «П» большими инвестициями;

2) в продолжительный период (более чем двухлетний) фирма «G» проводит совместные подготовительные работы, фактически при этом исследуя все направления деятельности, достоинства и недостатки, коммерческую и др. информацию. Нужно отметить, что фирма «П», имея, как и многие российские предприятия, ограничения в оборотных средствах и инвестициях на развитие, охотно раскрывает информацию и все имеющиеся возможности. Это делает директорат или собственник этой фирмы. Данный процесс считается внутренним для бизнеса, и он не подконтролен никаким службам;

³ Обозначение и изучение этих схем автор приводит только с целью создать механизмы предотвращения таких исходов, то есть обеспечить безопасность своей страны на технико-технологическом и промышленно-конкурентном уровне, включая и оборонный сектор.

3) за период неопределенности (п. 2) фирма «G» успевает заключить такой контракт с поставщиком материала, который приводит к прекращению поставок материала на фирму «П», а фирма «G» успевает узнать все о цикле производства фирмы «П»;

4) не создав еще совместного предприятия, конкурент фактически уже оставил фирму «П» без вспомогательного изделия, без плана производства и развития. В итоге предприятие продано и перепрофилировано. Обычно цена становится низкой, и конкурент фирмы «G» устраняется «малой кровью».

В итоге фирма «П» как самостоятельный игрок перестала существовать, конкурент побежден, а к фирме «G» вернулись все заказчики технологического изделия. Ничего необычного, с точки зрения конкуренции, но это если забыть про ущерб, нанесенный национальной безопасности России, безопасности ее промышленному развитию и технологической независимости. Конечно, не по всем технологиям надо ограничивать такие схемы, но нужно четко определить, как и по каким технологиям это сделать необходимо. Возможно, именно для такой страны, как Россия, высокотехнологичные секторы должны иметь подавляющую долю государства во владении и распоряжении ими. То, что работает для Чада или Турции, совершенно не годится для России. Более того, и систему США или Швеции повторять ни в коем случае нельзя, ибо повторение – заведомый конкурентный проигрыш. Следует развернуть свою систему исследований и создать контролируемую и развивающуюся конкурентную систему. Кстати сказать, военная техника России весьма конкурентоспособна, хотя целиком создается в государственном секторе страны. Нужен институциональный режим, который прекратит режим «интеллектуального доения» России и принижения ее вклада в мировую технику и развитие технологий.

Из вышеприведенных примеров можно сделать три важных заключения. Во-первых, в большинстве случаев нанесения ущерба основными причинами являются внутренние угрозы и ограничения развития, недостатки (финансовые, институциональные и т. п.), которые быстро замечаются и используются конкурентами, а иногда врагами России. Во-вторых, как правило, негативные воздействия распространяются на предприятия (изделия и технологии) оборонной отрасли, а также на технологии и продукцию военного и двойного назначения. И, в-третьих, институт акционерной собственности, введенный для повышения эффективности хозяйствования, часто превращается в инструмент реализации интересов субъектов и структур, не имеющих ничего общего с национальными задачами развития страны.

Интерес представляет и проблема передела собственности, с точки зрения защиты интересов государства в сфере научно-технического

и промышленного развития. В ходе приватизации в промышленности множество ранее сформировавшихся из прикладных НИИ и КБ в разных отраслях промышленности ЗАО, ООО и ОАО оказались владельцами накопленного научно-технического, технологического и производственного опыта, в значительной степени утерянного в ходе самого процесса приватизации. Остатками стали торговать и частично их использовать для своих целей. Возник эффект рыскания в заказах, стохастически возникали те или иные монопольные промышленные рынки, включая средства производства, где бывшие достижения воспроизводились, а затем втридорога продавались. Это относится не только к инновациям в гражданских направлениях техники, но и к области высоких технологий, включая технологии оборонного назначения. И если в первом случае во главу угла кем-то ставилась прямая задача – подавление конкурента, то во втором – все, возможно, гораздо серьезнее, так как под угрозой ставится безопасность страны.

Важно отметить что по довольно большой номенклатуре изделий уровень затрат на разработку противной стороной собственных технологий значительно превышает затраты на разрушение бизнеса действующих небольших российских предприятий «Hi – tech», которые при меньших затратах способны создавать лучшую технику. Технология рейдерства обслуживала именно эту цель. И до сих пор российское законодательство и исполнительная власть ей ничего ощутимого не противопоставили. Кроме того, следует отметить не всегда и не всем понятную связь между крупными и известными фирмами оборонного комплекса и отдельными, небольшими контрагентами по профилю их производства, поставляющими материалы, комплектующие изделия, специальное технологическое оборудование, системы управления, программное обеспечение и т. д.

Сегодня, когда стохастический «передел собственности» можно считать в основном завершенным, анализ причин и структуризация способов негативного воздействия на технологическое и промышленное развитие страны позволяют выделить наиболее важные направления для разработки мер по снижению угроз национальной безопасности. К таким направлениям предлагается отнести:

- 1) формирование реестра научно-технических предприятий и организаций (независимо от форм собственности, экономического состояния, объемов производства, отраслевой принадлежности и подчиненности, кроме уже вошедших в объединения и концерны ОПК), деятельность которых связана с оборонными технологиями и которые входят в состав технологических цепочек продукции военного и двойного назначения и направлена на прорывные научные разработки и технологии;

2) определение сводного объема финансовых затрат (на период от трех лет и далее) для перспективных преференций конкретным предприятиям (из реестра по п. 1) на проекты и цели сохранения уровня безопасности – приемлемый уровень угроз (при участии государства в конкретизации их планов и разработок);

3) составление списка специальностей (для средних специальных и высших учебных заведений (особенно технических), которые не подлежат исключению из перспективных планов без особого согласования и выделение соответствующих бюджетных учебных мест с особым отбором обучающихся и гарантиями трудоустройства в государственном секторе на оборонных производствах;

4) включение в бюджет РФ (на трехлетнюю перспективу и далее, с разработкой пятилетних планов) сводного объема затрат по отдельной статье «защита агентов национальной безопасности страны», подраздел «промышленная и технологическая безопасность» (особый акцент на обеспечении безопасности в области организации и управления экономикой – исключение иностранной рецептуры);

5) координацию работ по формированию мер защиты в сфере научно-технической, технологической и промышленной безопасности с возложением ответственности на новый департамент одного из силовых ведомств РФ (совместно ФСБ и Минобороны с участием Минпромторга) и правом выдачи и централизованного распределения поручений в каждый из субъектов РФ, имеющих силу постановления Правительства РФ.

Мероприятия по обеспечению безопасности в сфере научно-технического и технологического развития страны, проводимые централизованно и системно, несмотря на необходимость финансовых затрат, должны непременно остановить поток увода интеллектуального капитала за рубеж. Это позволит подчинить интеллектуальный капитал задаче организации экономического роста в России на новых факторах [6; 7]. Кроме того, эти мероприятия совместно с иными методами макроэкономического регулирования, тестируемыми на предмет обеспечения параметров безопасности в промышленности и элиминирования угроз отставания, должны стать предпосылкой инновационного развития экономики и укрепления обороноспособности нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
2. *Сенчагов В.К.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 97–106.
3. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 64–79.
4. *Сенчагов В.* Методология обеспечения экономической безопасности // Федерализм. 2007. № 2. С. 95–108.
5. *Татаркин А.И., Куклин А.А.* Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.
6. *Цветков В.А.* Пять проблем экономической безопасности и экономического роста в России // Вестник Финансового университета при Правительстве РФ. 2016. № 2. С. 6–15.
7. *Цветков В.А., Сухарев О.С.* Экономический рост России: новая модель управления. М.: Ленанд, 2017.

ABOUT THE AUTHOR

Oleg Sergeevich Sukharev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Laboratory of the Federal State Budgetary Institution of Science Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (the RAS). Chief Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow.

INSTITUTIONAL PROBLEMS OF ENSURING TECHNOLOGICAL AND INDUSTRIAL SAFETY OF THE RUSSIAN FEDERATION

A systematic approach to solving the problem of ensuring technological and industrial security of the country presupposes the identification of external and internal factors of the emergence of threats, the determination of their influence on technology and industrial organizations, and the rationale for eliminating these threats in the scientific and technical sphere. It is shown that in the field of technology and industry the methods of damage can be different, but their content is, in most cases, typical. Examples are considered in detail that give an idea of the existing institutional schemes of inflicting competitive damage in the field of technology development and science-intensive industry, which are typical procedures that the author learned from the practice of his advisory activities.

Keywords: *technology, industry, security, damage schemes, institutional corrections, measures to improve safety in the scientific and technical sphere of industrial production.*

JEL: E02.

В.А. ИЛЬИН

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель ФГБУН «Вологодский научный центр
Российской академии наук»

М.В. МОРЕВ

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследования
социальных процессов и эффективности государственного управления,
ведущий научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр
Российской академии наук»

ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

В статье рассматриваются проблемы государственного управления и олигархического капитализма, сложившегося в России в период рыночных трансформаций. Анализируются данные официальной отчетности крупнейших корпораций топливно-энергетического и металлургического комплексов РФ, а также результаты многолетних социологических исследований, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области. Приведенные сведения указывают на системный характер социальной несправедливости в распределении национального достояния, что поддерживает высокий уровень социального неравенства в стране и противоречит национальным интересам России. Авторами подчеркивается необходимость преодоления «капитализма для избранных», как главного препятствия в улучшении уровня и качества жизни широких слоев населения.

Ключевые слова: национальные интересы, олигархический капитал, социальное неравенство, социальная справедливость.

JEL: A13, D63, H41, I30.

Мир вступил в эпоху крупномасштабных перемен, связанных с глобализацией, развитием информационных технологий, становлением цифровой инновационной экономики и определяющей ролью человеческого фактора. Происходящая в последние десятилетия стремительная трансформация всей мировой социально-экономической системы для любого государства, а особенно для ключевых геополитических игроков, актуализирует проблему качества государственного управления, предъявляя повышенные требования к властвующим элитам по защите национально-государственных интересов, по обе-

спечению экономической, научно-технической и технологической конкурентоспособности государства и его безопасности.

В этот сложный период очень важно учесть уроки прошлого опыта. В российской истории было немало взлетов и падений, свидетельствующих о том, что именно в ключевые моменты для нашей страны решающими факторами, определяющими исход развития событий и дальнейшие перспективы на десятилетия вперед, становились политическая воля и мудрость властвующей элиты, а также адекватная стоящим на повестке дня задачам стратегия. Так, предательство Николая II его ближайшим окружением, высшими армейскими и государственными чиновниками и его бессилие противостоять их действиям привели к тому, что Россия не смогла найти конструктивный выход из комплекса внешних и внутренних противоречий, результатом чего стали Революция 1917 г. и исчезновение Российской Империи.

В конце XIX – начале XX в. Россия существенно отставала от ведущих стран Запада в политическом, экономическом и социальном развитии, а также по качеству жизни населения. После Революции 1917 г. и Гражданской войны, в нашей стране в кратчайшие сроки была проведена индустриализация, и в результате Советский Союз стал второй по значимости супердержавой мира. В 1985 г. СССР значительно опережал США и ведущие страны Западной Европы по темпам роста национального дохода на душу населения, промышленной продукции и производительности труда (см. табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста национального дохода, промышленной продукции и производительности труда (1985 г. по сравнению с 1960 г., раз; 100% = 1)

Показатели	СССР	ФРГ	США	Велико-британия	Италия	Франция
Национальный доход на душу населения	3,0	2,0	1,7	1,6	2,2	2,2
Темп роста промышленной продукции	4,8	2,2	2,6	1,6	2,7	2,2
Темп роста производительности труда в промышленности	3,0	2,5	2,0	2,5	2,5	2,4

Источник: Народное хозяйство СССР в 1985 г.: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1985. С. 582–591.

Уроки отечественной истории учат нас многому. Однако главными выводами из них, по нашему мнению, являются следующие:

1. Настоящее и будущее государственности зависит, прежде всего, от качества властвующих элит и эффективности государственного управления в целом.

2. Крах государственности начинается тогда, когда политика, проводимая властвующей элитой, перестает отвечать национальным интересам страны, не способствует сохранению национального суверенитета и обеспечению национальной безопасности.

В переломные моменты, сложные или тяжелые для страны, общество и власть должны консолидироваться. Однако когда властвующая элита начинает руководствоваться частными, а не общественными интересами, тогда возникают революции и «лихие 90-е». В этом смысле показательны реформы 1990-х годов, когда бывшая партийная номенклатура фактически «обменяла» ускользающую из их рук власть на огромную часть созданного трудом нескольких поколений наших граждан национального богатства. В результате залоговых аукционов и приватизации «500 крупнейших предприятий России стоимостью не менее 200 млрд долл. были фактически проданы за бесценок – около 7,2 млрд долл. США. Была создана база для формирования этапа олигархического капитализма» [1, с. 30].

А. Смит, развивая свою теорию «экономического человека», полагал, что если каждый субъект, движимый своим собственным эгоистическим интересом, будет стараться максимизировать свою прибыль, то рынок сам отрегулирует экономические отношения (при этом вытесняя мораль и нравственность, которые не приносят прибыли), и общество будет развиваться самым лучшим образом, обеспечивая процветание государства и достойную жизнь каждому его члену. Однако исторический путь развития нашей цивилизации в рамках данной капиталистической парадигмы не подтверждает «надежды» А. Смита, демонстрируя все возрастающую зависимость развивающихся государств от развитых экономик, снижение уровня экономической безопасности слаборазвитых стран, рост экономического и социального неравенства, увеличивающееся расслоение населения на сверхбогатых и живущих за чертой бедности людей. Проблема неравенства становится одной из главных проблем современного мира. Это говорит о системном кризисе нашей цивилизации и о необходимости поиска новой парадигмы ее развития.

С начала 2000-х гг. многое было сделано для реализации первоочередных внешних и внутренних задач по обеспечению национальной безопасности (например, введение налога на добычу полезных ископаемых увеличило доходы бюджета в 3,6 раза по сравнению с 1999 г.). Конкретные действия и принятые решения позволили в этот период отодвинуть Россию от края пропасти, где она оказалась в 90-х.

Тем не менее и сегодня, спустя 27 лет рыночных трансформаций, многие эксперты (С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, Б.Ю. Титов и др. [2; 3;

4; 5) обращают внимание на недостаточную эффективность деятельности российского правительства, отсутствие согласованности в действиях министров, на сросшиеся интересы властвующей элиты и представителей олигархического клана, отсутствие стратегического подхода к принятию управленческих решений. «Сегодня получается, что правительство имитирует управление экономическим развитием. А на самом деле это управление зависит от внешних колебаний международной конъюнктуры, от внешних шоков и от тех решений, которые принимаются за рубежом» [6].

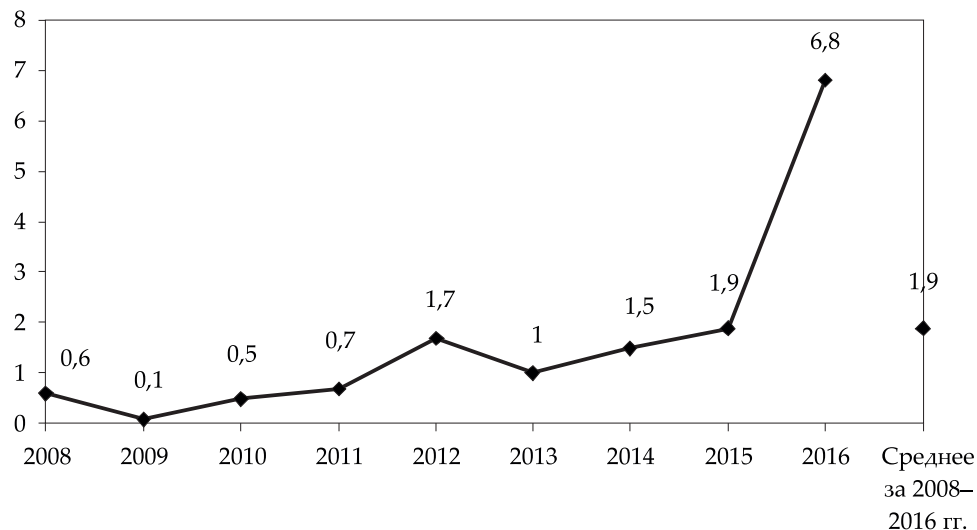
По нашему мнению, главной угрозой национальной безопасности и одной из главных причин ослабления позиций России в мире, падения конкурентоспособности российской экономики становится политика «капитализма для избранных», проводимая с самого начала российских реформ. По данным международных исследований, Россия возглавляет рейтинг стран мира по объему «кумовского капитала», который составляет 18% (для сравнения: в Польше, Германии – менее 1%)¹. Суть проблемы – в социально несправедливом, противоречащем задачам национальной безопасности и национальным интересам государства распределении национального дохода и богатейших ресурсов России.

Как отмечают эксперты и как следует из данных официальной государственной статистики, 82% производственных фондов страны находится в частной собственности и используется в первую очередь на благо частных, а не национальных интересов. За последние четверть века в этом смысле ничего не изменилось. В государственной собственности находится лишь 18% производственных фондов, причем за период с 2000 по 2015 гг. этот показатель снизился на 7 п. п. (с 25 до 18%). В банковской системе России доля государства составляет 6–7%, иностранного капитала – более 40% [7, с. 13–14].

Исследования, проводимые Вологодским научным Центром РАН, показали, что из-за несовершенства российского законодательства

¹ Рейтинг составлен по результатам исследований, проведенных в 22 странах мира. В первой пятёрке рейтинга фигурируют также Малайзия (13%), Филиппины и Сингапур (по 11%). Замыкают рейтинг Южная Корея, Польша и Германия (меньше 1%). Рейтинг «кумовского капитализма» (Crony-capitalism Index) составляется журналом Economist. Авторы рейтинга оценивают общее богатство миллиардеров, чей бизнес лежит в основном в отраслях, склонных к монополизации, госрегулированию и участию государства (это игорный бизнес, нефтегазовый и оборонный секторы, угольная промышленность и металлургия, недвижимость и строительство, инфраструктурные проекты, банковское дело), и сравнивают его со страновым ВВП. *Источник:* Кумовской капитализм по большей части легален, но всегда нечестен (редакционная статья) / Газета «Ведомости» от 09.05.2016. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/10/640443-kum-korolyu-kak-osnova-ekonomiki (дата обращения: 3.07.2018).

сохраняются (во многом сознательно) условия, которые позволяют крупному бизнесу фактически бесконтрольно увеличивать свои доходы на фоне беднеющего населения, ощущающего на себе последствия кризисных ситуаций в российской экономике. Так, в период с 2006 по 2016 гг. налоговая нагрузка по налогу на прибыль на 10 крупнейших российских компаний уменьшилась почти в 2 раза (с 7,6 до 3,9% к выручке)². При этом доля дивидендов, поступивших от крупнейших национальных корпораций в федеральный бюджет, была и остается крайне низкой (в среднем за последние 10 лет – менее 2%) (см. рис. 1).

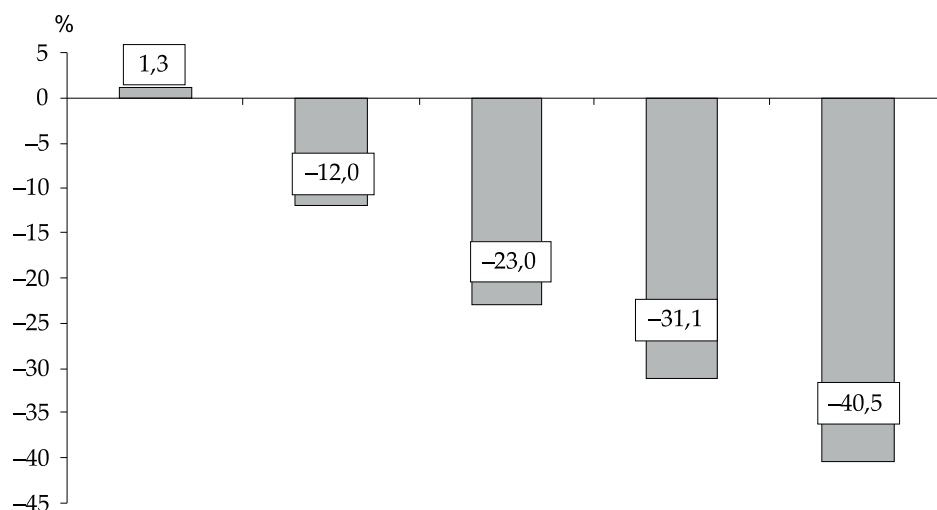
Источник: Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 15.

Рис. 1. Динамика доли дивидендов, поступивших от госкорпораций в Федеральный бюджет в 2008–2016 гг. (в % к доходам бюджета)

Экспорт металлургической продукции, осуществляемый с помощью своих трейдеров по ценам ниже мировых, позволяет предприятиям значительно занижать налогооблагаемую базу, в результате чего недополученный налог на прибыль, по нашим расчетам, в совокупности составляет около 8,4 млрд руб. (см. рис. 2).

При этом значительная часть прибыли от использования национального богатства достается собственникам корпораций и реализуется преимущественно в их частных интересах. Так, например, за

² Расчеты проведены по данным официальной отчетности следующих компаний: Татнефть, НЛМК, Сбербанк, ММК, Транснефть, Газпром, Роснефть, Газпромнефть, Северсталь, Лукойл.

Источник: Ильин В.А. Капитализм для избранных как итог 25-летия рыночных трансформаций в России / Научный доклад на конференции «Итоги рыночной трансформации российской экономики 1991–2016 гг. Что дальше?», Институт экономики РАН, 13 ноября 2017 г.

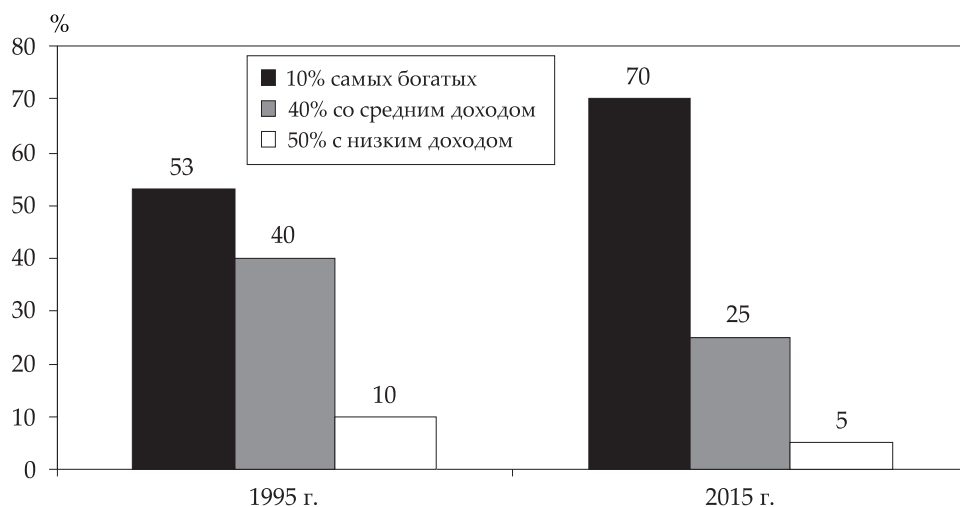
Рис. 2. Средняя разница между мировыми ценами на металлопродукцию и ценами ее реализации на экспорт металлургическими предприятиями в 2011–2016 гг.

период с 2012 по 2016 гг. отношение размера вознаграждения сотрудника органов управления компании по отношению к средней заработной плате работников предприятия³ увеличился в ПАО «РУСАЛ Братск» с 75 до 83 раз; в ПАО «Северсталь» – со 138 до 606 раз; в ОАО ММК – с 37 до 49 раз; в ПАО «НЛМК» – с 41 до 129 раз; в ПАО «Газпром» – с 83 до 127 раз [8, с. 17].

Следствием прочно укоренившейся в системе государственного управления политики «капитализма для избранных» становится рост социального неравенства, по значениям которого Российская Федерация к 2015 г. достигла уровня 1905 г. [9]. За последние 20 лет (1995–2015 гг.) концентрация богатства у 10% наиболее состоятельных жителей России выросла с 53 до 70% (на 17 п. п.), у 40% россиян со средним уровне доходов снизилась с 40% до 25% (на 15 п. п.), а у 50% самых бедных – с 10 до 5% (на 5 п. п.) (см. рис. 3).

Количество миллиардеров в России за последние 10 лет возросло на 60% (с 60 до 96 человек), а их состояние увеличилось на 50% (со 152,8

³ Средний размер вознаграждения одного работника высших органов управления в месяц. Включает все виды вознаграждения, кроме дивидендов, в том числе заработную плату, премии, комиссионные, компенсации расходов.

Источник: составлено авторами по: [9, с. 4].

Рис. 3. Динамика концентрации богатства в России (данные по распределению личного богатства среди взрослого населения России получены путем объединения данных из списка миллиардеров Forbes, обобщенных методик интерполяций Парето и стандартизованного распределения богатства базы данных WID world).

до 230 млрд руб.⁴). Вместе с тем бедность, инфляция, низкий уровень жизни и расслоение на бедных и богатых, как показывают данные социологических исследований⁵, устойчиво занимают лидирующие позиции в структуре самых острых социальных проблем населения за период с 1999 по 2017 г. Причем многие из этих проблем за последние 18 лет даже обострились. Так, проблема расслоения населения по доходам в 1999 г. беспокоила 21% респондентов, в 2017 г. – 39%. Обеспокоенность проблемой коррупции и взяточничества возросла с 15% до 24%. Проблемы инфляции, низкого уровня жизни, бедности волнуют 55–57% опрошенных, как и в 1999 г. (см. табл. 2).

⁴ Рассчитано по данным журнала «Forbes».

⁵ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: учитывались пропорции между городским и сельским населением; пропорции между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастная структура взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таким образом, за последние 27 лет отчетливо прослеживается тенденция к наращиванию доходов и состояний высокодоходных категорий на фоне роста социальной напряженности для основных групп населения. «Проблема социального неравенства имеет особую актуальность для российского общества, поскольку она лежит в основе общественного понимания социальной справедливости – категории, которая занимает важное место в структуре мировоззренческих ценностей российского менталитета и которая неоднократно выступала в роли главной движущей силы массовых народных волнений (включая Революцию 1917 г.)» [8, с. 10].

Таблица 2

Структура наиболее актуальных проблем, волнующих россиян

Проблемы	1999		2007		2012		2017	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Инфляция	54,5	2	43,8	1	55,3	1	56,5	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	40,4	2	43,2	2	54,2	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	31,0	4	37,5	3	39,0	3
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,0	12	19,8	9	23,9	4
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	14,5	13	16,5	11	23,5	5
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	26,7	7	22,3	8	21,5	6
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	31,8	3	28,6	4	21,5	7
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	7	19,3	8
Политическая нестабильность	21,9	8	7,9	15	11,2	16	18,9	9
Рост алкоголизма	15,8	10	30,9	5	27,3	5	17,3	10
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства и т.д.	33,4	5	30,2	6	25,5	6	16,7	11
Увольнения персонала, безработица	43,7	3	25,0	8	11,1	17	15,9	12
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	8,7	16	15,9	9	14,1	12	15,2	13

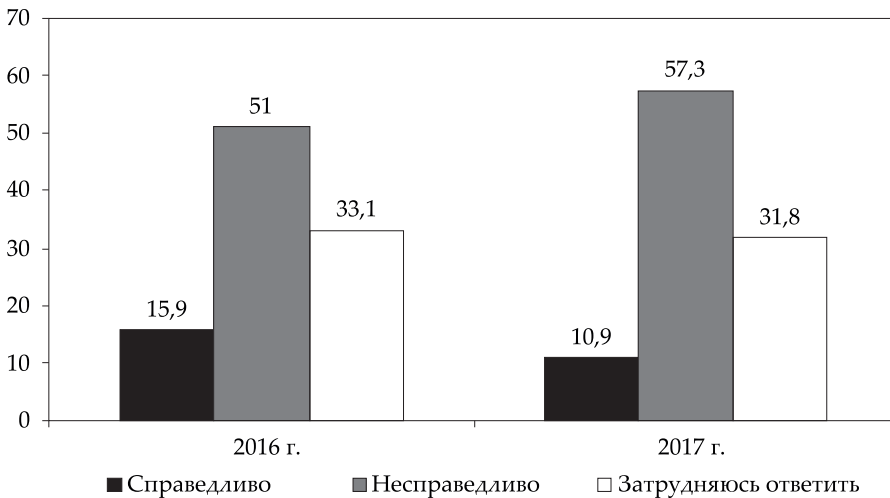
Проблемы	1999		2007		2012		2017	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	12,4	13	15,2	11	18,5	10	13,5	14
Несправедливое налогообложение	7,5	17	5,0	17	8,4	18	12,1	15
Невозможность влияния простых людей на положение дел в стране, регионе, месте своего проживания	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	11,5	14	10,8	16
Бездуховность, разгул безнравственности	11,6	15	11,9	14	12,2	13	9,3	17
Некомпетентность властей	14,1	12	4,5	19	7,2	20	9,1	18
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	н.д.	н.д.	15,8	10	11,4	15	9,1	19
Задержки в выплате заработной платы, пенсий, стипендий	27,2	7	3,3	20	6,9	21	7,3	20
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	5,1	19	4,7	18	7,4	19	5,5	21
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	6,5	18	6,6	16	4,2	22	4,3	22
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	3,9	23	2,7	23

* ранжировано по данным на 2017 г.

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

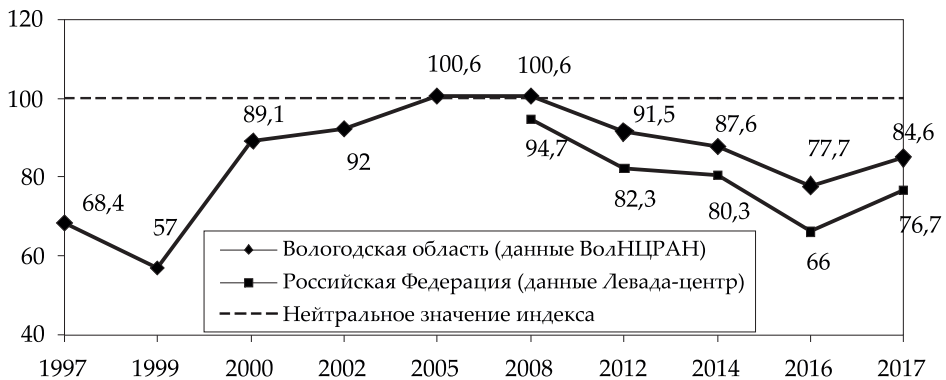
Россияне остро ощущают потребность в социальной справедливости, о чем можно с уверенностью сказать, опираясь на данные социологических опросов, проводимых не только в региональном разрезе, но и по стране в целом. Так, потребность жить «в более справедливом и разумно устроенном обществе» испытывает 33% россиян, и это входит в тройку их главных мечтаний наряду с желанием «жить в достатке» (40%) и «иметь хорошее здоровье» (33%) [10, с. 11]. По данным исследований, проведенных ВолНЦ РАН, за 2017 г. доля тех, кто считает, что нынешнее общество устроено несправедливо, увеличилась с 51 до 57% (на 6 п. п.) (см. рис. 4).

Важно отметить, что многолетнее отсутствие ощутимых позитивных изменений в динамике уровня и качества жизни, в решении вопро-

Источник: данные опросов ВолНИЦ РАН.

Рис. 4. Распределение респондентов при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, современное российское общество устроено справедливо или несправедливо?»

Источник: данные мониторинга ВолНИЦ РАН, данные Левада-Центра (www.levada.ru).

Рис. 5. Динамика индекса потребительских настроений (в пп.)

сов социальной справедливости вынуждает людей пессимистически смотреть в будущее. Об этом, в частности, свидетельствуют изменения Индекса потребительских настроений, который уже почти 10 лет (со времен мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.) находится ниже нормальных значений (менее 100 пунктов, что свидетельствует о преобладании пессимизма в оценках большинства населения) (см. рис. 5). Причем эта ситуация подтверждается не только результатами исследований по регионам, но и по стране в целом.

Неуверенность в будущем, ведущая, по сути, к снижению социальной активности граждан, к росту недоверия к власти, к ослаблению

**Доля людей, сталкивающихся с проблемой неуверенности
в завтрашнем дне (в % от числа опрошенных)*, 2000–2016 гг.**

Категории	2000	2007	2012	2015	2016	2007 +/- к 2000	2012 +/- к 2007	2016 +/- к 2012	2016 +/- к 2000
ПОЛ									
Мужской	55,6	34,6	46,3	57,9	62,3	-21	+12	+16	+7
Женский	65,2	41,4	51,7	62,6	60,0	-24	+10	+8	-5
ВОЗРАСТ									
До 30 лет	47,7	28,0	41,1	52,5	58,9	-20	+13	+18	+11
30–55 лет	66,8	42,4	47,9	59,7	59,9	-24	+6	+12	-7
Старше 55 лет	63,2	40,9	58,8	66,2	63,7	-22	+18	+5	+1
ОБРАЗОВАНИЕ									
Среднее и неполное среднее	58,6	45,6	53,6	60,5	68,3	-13	+8	+15	+10
Среднее специальное	64,7	37,0	49,6	64,4	59,6	-28	+13	+10	-5
Высшее и незаконченное высшее	60,7	31,5	44,2	56,3	54,7	-29	+13	+11	-6
ДОХОДНЫЕ ГРУППЫ									
20% наименее обеспеченных	63,6	49,2	66,2	60,5	64,6	-14	+17	-2	+1
60% среднеобе- спеченных	63,9	39,8	50,1	59,6	60,7	-24	+10	+11	-3
20% наиболее обеспеченных	54,2	33,5	35,3	59,3	57,8	-21	+2	+23	+4
ТЕРРИТОРИИ									
Вологда	53,3	32,4	35,3	63,8	56,5	-21	+3	+21	+3
Череповец	63,8	46,2	45,8	65,2	58,8	-18	0	+13	-5
Районы	63,6	37,4	57,9	55,9	64,8	-26	+21	+7	+1
Область	61,2	38,4	49,3	60,5	61,0	-23	+11	+12	0

* Вопрос был сформулирован так: «С какими из перечисленных ниже проблем Вы столкнулись в прошедшем году?».

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

гражданской позиции населения, к снижению рождаемости, характерна сегодня для 50–60% населения, причем независимо от их возраста, доходов или уровня образования (см. табл. 3). За последние 16 лет доля неуверенных в будущем существенно возросла среди людей в возрасте до 30 лет (на 11 п.п.) и практически не изменилась среди

высокодоходных и низкодоходных категорий населения (65 и 58% соответственно).

Таким образом, фактологический материал (оценки экспертов, данные статистики, результаты общероссийских и региональных опросов) позволяет сделать вывод о том, что начавшаяся формироваться еще в 1990-е годы система «капитализма для избранных» за прошедшие 27 лет рыночных реформ укрепила свои позиции и сегодня ослабляет положение России в рамках международной геополитической конкуренции. В России сложилась такая политическая элита, которая не руководствуется интересами национального развития и национальной безопасности. Это порождает острую потребность общества в социальной справедливости, создает почву для социальной напряженности.

По данным некоторых экспертов, сегодняшняя система государственного управления в России «помимо решения собственно управленческих задач, ориентирована на то, чтобы обеспечить свою устойчивость на длительном временном промежутке. Для этого ей необходимы:

1. Конвертация власти в собственность (через новый этап приватизации, использование бюджетных средств и преференций со стороны властных структур для развития прибыльных бизнесов, создания новых «рент»);
2. Обеспечение передачи обретенной в 1990–2000-х годах собственности по наследству;
3. Легитимации приобретенной собственности, как в России, так и за рубежом» [11, с. 2].

Такие целевые установки правящей элиты блокируют конкретные управленческие решения, которые позволят «перевернуть страницу» 1990-х годов, «завершить этот период... так, чтобы действительно общество приняло варианты закрытия проблемы 1990-х годов, нечестной, прямо скажем, приватизации»⁶. В очередном Послании Федеральному Собранию Президент РФ справедливо отметил, что последовательно решив две задачи (достижение относительной стабильности после «лихих 90-х» и обеспечение безопасности территориальных границ страны при помощи передовых достижений военной промышленности), Россия может и должна заниматься вопросами внутреннего развития, в том числе:

- «серьезно обновить структуру занятости, которая сегодня во многом неэффективна и архаична»;

⁶ Выступление В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 09.02.2012 г. / Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина на 2008–2012. archive.premier.gov.ru/events/news/18052 (дата обращения: 11.07.2018).

- «обеспечить уверенный, долгосрочный рост реальных доходов граждан, а за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности»;
- «на принципах справедливости и адресности выстроить всю систему социальной помощи»;
- «к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза»;
- «к концу следующего десятилетия уверенно войти в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет»;
- «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов»;
- достичь «ежегодного улучшения жилищных условий для не менее пяти миллионов семей»;
- «увеличить объемы строительства с сегодняшних 80 до 120 млн кв. м в год»;
- выстроить экономику «с темпами роста выше мировых»; и т. д. [12].

Решение этих задач в условиях ориентации элит на частный капитал представляется крайне маловероятным, а по большому счету – невозможным. Поскольку «капитализм для избранных», нацеленный на распределение доходов от использования национального богатства не на развитие российской экономики и человеческого капитала, а на удовлетворение частных интересов узкого круга лиц, представляющих те или иные олигархические кланы, полностью противоречит главной целевой установке развития России, озвученной Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию. «Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека. Поэтому в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв», – заявил В.В. Путин [12].

Решение первоочередных задач, стоящих перед Россией, потребует от президента и Федерального Собрания одновременного соблюдения двух условий:

во-первых, политической воли, поскольку сросшиеся интересы политической элиты и крупного олигархата существуют на всех уровнях управленческой системы, системно и комплексно препятствуя достижению национальных интересов. Решение этой проблемы невозможно без принятия жестких внутривнутриполитических решений;

во-вторых, комплексного подхода к повышению эффективности государственного управления. История показывает, что принятие законов и учреждение каких-либо специальных институтов не гаран-

тируют эффективности государственного управления, что в полной мере можно отнести к любым ветвям власти. Ключевая задача заключается в том, чтобы обеспечить реальную работоспособность этих законов и институтов.

Сегодня мы видим, что постепенно иницируется обновление управленческого корпуса, повышается статус независимых экспертов, наблюдаются перемены в Государственной Думе, в Общественной палате, активизируется борьба с коррупцией... В ближайшие годы необходимо завершить процесс «национализации элит», что позволит преодолеть и политику «капитализма для избранных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55.
2. Глазьев С.Ю. Почему не растет российская экономика (29.06.2017) / Официальный сайт С.Ю. Глазьева. www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54326-pochemu-nerastet-rossi-skaja-jekonomika (дата обращения: 17.07.2017).
3. Губанов С.С. Замечания о системных основах экономической безопасности России // Экономист. 2017. № 6. С. 3–12.
4. Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 23–41.
5. Титов Б.Ю., Широков А.А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 24–39.
6. Глазьев С.Ю. Правительство готово сдать власть Западу // Новостной портал newsland.com / Новости от 25.06.2016. newsland.com/user/4296757178/content/sergei-glazev-pravitelstvo-gotovo-sdat-vlast-zapadu/5310381 (дата обращения: 11.07.2018).
7. Губанов С.С. Антинаучный миф (о 70% госсектора и его социальный подтекст) // Экономист. 2017. № 8. С. 3–27.
8. Ильин В.А. Капитализм для своих – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 9–23.
9. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / National Bureau of economic research. Cambridge, MA: August 2017.
10. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е.Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.
11. Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад группы «Минченко консалтинг». www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Politbyuro_i_bolshoe_pravitelstvo-2-2.pdf (дата обращения: 12.07.2018).
12. Послание Президента Федеральному Собранию. 2018. 1 марта. www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения 03.07.2018).

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Supervisor of the Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (the RAS)".

Mikhail Vladimirovich Morev – Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory for the Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (the RAS)".

379post@mail.ru

OLIGARCHIC CAPITAL AND SOCIAL INJUSTICE

The article examines the problems of state administration and oligarchic capitalism that has developed in Russia during the period of market transformations. The data of the official reports of the largest corporations of the fuel and energy and metallurgical complexes of the Russian Federation, as well as the results of long-term sociological studies, conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (the RAS) on the territory of the Vologda region, are analyzed. The data cited point to the systemic nature of social injustice in the distribution of national wealth, which supports a high level of social inequality in the country and contradicts Russia's national interests. The authors emphasize the need to overcome "capitalism for the elite", as the main obstacle in improving the level and quality of life of broad sections of the population.

Key words: *national interests, oligarchic capital, social inequality, social justice.*

JEL: A13, D63, H41, I30.

Г.Х. БАТОВ

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела экономики знаний и опережающего регионального развития

Института информатики и проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра РАН (ИИПРУ КБНЦ РАН)

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ МАКРОРЕГИОНА КАК ИМПЕРАТИВ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

В экономике многих российских регионов до сих пор доминирует третий или четвертый технологический уклад, хотя многие страны уже освоили пятый и переходят к шестому укладу. Основными причинами отставания являются инерционность и консервативность существующего индустриального характера развития. В статье обосновывается необходимость проведения политики реиндустриализации в отдельно взятом макрорегионе (СКФО), которая позволит субъектам федерального округа перейти на более высокий технологический уклад.

Ключевые слова: макрорегион, индустриализация, инвестиции, инновации, малые предприятия, технологическое обновление, технологический уклад, реиндустриализация, СКФО.

JEL: O1, O14, O33.

Реиндустриализация как направление развития экономики

Реиндустриализация (или новая индустриализация¹) предполагает восстановление и модернизацию существующих предприятий, имеющих потенциал для использования в производстве высоких технологий, на основе которых можно производить новую продукцию. Второй аспект реиндустриализации состоит в создании и выпуске инновационных товаров, востребованных рынком, организации новых рабочих мест, которые позволят повысить конкурентоспособность товара, и обеспечат рост производительности труда. В целом реиндустриализация – это процесс восстановления отдельных секторов

¹ Эти два понятия нами используются как синонимы.

и видов производства, изменение индустриальной основы экономики, обновление технологической базы и внедрение новых технологий в производственный процесс. Она обеспечивает ускорение технологического развития экономики, модернизацию действующих производств на базе принципиально новых технологий и создания новых высокотехнологичных отраслей и производств.

Реиндустриализация – это не просто модернизация или переключение производства на новые рельсы развития (и не процесс догоняющего развития). Это уход от технологической цивилизации низких переделов, осуществление инновационно технологического прорыва путем создания новых производств и продуктов, коренная трансформация действующей индустрии, комплексное развитие территорий, отраслей и видов экономической деятельности, усиливающих самостоятельность регионов [2].

Многие исследователи определяют реиндустриализацию как стратегию или как экономическую политику. В частности, О. Сухарев отмечает, что «реиндустриализация – это экономическая политика, представляющая набор мероприятий более широкий, нежели в стандартных вариантах промышленной политики, направленная на плановое восстановление/создание/изменение индустриально-технологической основы экономической системы за счет мер макроэкономического, институционально-организационного, правового, структурно-инвестиционного характера, касающихся не только промышленных организаций как таковых, но и вспомогательной инфраструктуры, финансовой и банковской системы и др.» [3, с. 26].

В настоящее время все страны ищут выходы из стагнирующей ситуации, которая сложилась в мировой экономике. Изменения контуров мировой экономики, связанные со сменой очередного этапа технико-экономического развития и сопровождающиеся спадом промышленного производства как в развитых, так и в развивающихся странах, предопределили необходимость поиска новых стратегий развития экономики. Каждая страна, в зависимости от своих особенностей, предлагает свои методы разрешения экономических проблем и модель дальнейшего развития. Если раньше в странах пребывания (а таковыми в основном были развивающиеся страны) дешевая рабочая сила давала преимущества в издержках, то в настоящее время качество человеческого капитала в этих странах, особенно в части, касающейся образования, возросло, и люди не желают, чтобы его за бесценок эксплуатировали. Кроме того, требования, которые предъявляются корпорациям по соблюдению экологических нормативов, по аренде земли, по заработной плате, налоговым взносам и т. д., также вынуждают возвращать производственные мощности в свои страны. В то же время, как представляется, эти причины хотя и важны, но явля-

ются второстепенными. Основным фактором является то, что в условиях зарождающегося нового технологического уклада корпорациям становится невыгодно вкладывать инвестиции в развитие технологической базы стран пребывания. К разрыву отношений подталкивают и возрастающая мировая конкуренция за ресурсы, поиск конкурентных преимуществ, а также действия правящих элит, которые не хотят проводить политику международного разделения труда и делиться рабочими местами с другими странами.

Так, Е. Ленчук, исследовав состояние промышленности в зарубежных странах, отмечает, что «...в последнее десятилетие в западном мире резко возрос интерес к индустриальному развитию, серьезно развеяв миф о преимуществах постиндустриального общества, лицо которого определяет сфера услуг. Время показало, что «блестящие» перспективы постиндустриального общества так и не сбылись, а недооценка значения промышленного развития привела к упадку (сворачиванию) реального сектора экономики. В этих странах пришло понимание того, что сфера услуг не может быть источником экономического развития, ей нужна материальная база, которая производит материальный продукт» [9, с. 10]. «Именно способность к перманентному технологическому обновлению начинает играть первостепенную роль для поддержания конкурентоспособности и развития как конкретного бизнеса, так и национальной экономики в целом» [9, с. 14].

Сегодня нашей стране приходится пожинать плоды неправильно выбранной политики реформирования материальной сферы экономики идеологами, которые не только пренебрегали развитием промышленности и ее отраслей, формирующих материальную базу любой экономики, но и отрицали целесообразность разработки и проведения промышленной политики, якобы не вписывающейся в «каноны рыночных постулатов». Установка на самоорганизующийся рынок, который может без участия извне организовать производство товаров и услуг, пополнить продовольственные полки и обеспечить социальное благополучие, оказалась несостоятельной. Результат известен – технологическое отставание, деиндустриализация, растущая импортная зависимость страны по некоторым продовольственным продуктам, по многим промышленным технологиям, особенно по машиностроению, низкая эффективность и неконкурентоспособность промышленного сектора.

С высокой долей пессимизма Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев отмечают, что «Россия, некогда один из лидеров индустриального мира, за последние четверть века стала лишь торговой державой. С этим не поспоришь – не потому, что против фактов трудно что-нибудь возразить, а потому, что очевидны причины этого» [10].

Потеря промышленностью целых производственных сегментов привела к тому что страна закупает «китайские клоны бывших советских станков» (Е. Ленчук). Очевидно, что компенсацией, вернее, закупкой импортной продукции, тем более продукции обрабатывающего производства (станкостроение, машиностроение, приборостроение и т. д.) добиться стратегической цели – превращения России в одного из лидеров мировой экономики – невозможно. Материальной основой для этого является наличие в стране комплексной промышленной базы современного технологического уровня [11, с. 45].

Другой важной проблемой на пути реиндустриализации экономики страны является устаревшая материально-техническая база промышленности, которая соответствует уровню третьего и четвертого технологических укладов. Модернизации традиционных отраслей и переходу на новый, более высокий технологический уровень мешает отсутствие связей между наукой и производством. В результате капиталовооруженность и фондовооруженность промышленных отраслей остаются на низком уровне. По данным различных источников [5; 9; 11; 12], фондовооруженность рабочего места в промышленности РФ в разы ниже, чем в западных странах, не говоря уже о США. В связи с этим, например, Т. Гурова и В. Ивантер считают, «что, имея такой уровень капиталовооруженности, нельзя рассчитывать на принципиальный рост производительности труда, а значит, и на принципиальный рост добавленной стоимости. Если не поставить во главу угла экономической политики быстрое накопление основного (не денежного) капитала, то страна не только не будет богатеть, она будет стремительно деградировать» [13, с. 30–31]. Проводимая в настоящее время политика импортозамещения – важнейшее направление реиндустриализации экономики РФ, которая в условиях макроэкономической нестабильности столкнулась с необходимостью воссоздания обрабатывающей промышленности и выводом ее на мировой уровень.

Переход России на рельсы реиндустриализации связан с решением трех задач: во-первых, необходимо восстановить тот уровень промышленного производства, которым располагала страна до реформ; во-вторых, нужно создать технологическую базу, которая будет поставщиком машин и оборудования, при помощи которых можно создать высокотехнологические секторы; в-третьих, развивать высокотехнологические секторы.

Попытки сформировать национальную инновационную систему без опоры на реальный сектор, и прежде всего технологически емкие отрасли промышленности, которые являются основными потребителями инноваций, практически делают такую систему нежизнеспособ-

ной. И лишь определив новую индустриализацию в качестве стратегического курса, можно реально продвинуться на пути формирования инновационной экономики России.

Мы разделяем мнение Е. Ленчук о том, что «такие параметры рынка, как экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, должны быть ориентированы не на коммерциализацию и самоокупаемость всего и вся, а на эффективное удовлетворение интересов общества, прежде всего стимулирования спроса на инновационную высокотехнологичную продукцию. Государство через механизмы промышленной политики должно осуществлять стратегию целенаправленного навязывания инноваций сверху, не только для бизнеса, пока слабовосприимчивого к инновациям, но и для научного и образовательного секторов, которые также нуждаются в ориентирах для организации масштабных исследований, имеющих приоритетное значение для реализации технологических прорывов в различных секторах промышленности. Такие усилия должны быть направлены на создание эффективно функционирующей триады, основанной на знаниях, технологиях и поиске областей, где их можно реально использовать» [9, с. 7].

В настоящее время для России становится насущной необходимостью поиск выхода из кризисного состояния и переход к экономическому росту, который, по нашему мнению, в существующих условиях наиболее эффективно может обеспечить грамотная политика реиндустриализации. Другой альтернативы в нынешней ситуации просто нет. Кроме того, в долгосрочной перспективе она будет способствовать не только повышению темпов роста, но и улучшению качества этого роста. Поэтому совершенно справедливо мнение Р. Гринберга, что «не пройдя этап реиндустриализации, мы не сможем двигаться дальше. Тема реиндустриализации – важнейшая в новой экономической политике, которую должна проводить Россия в ближайшие 10–15 лет. Рост реального сектора должен быть естественным, и только на его основе может быть осуществлен переход в новое качество, гарантирующее нам будущее без техногенных катастроф» [14].

Эффективную политику реиндустриализации в России можно проводить только с учетом особенностей ее регионов. Каждый регион располагает определенным промышленным потенциалом – в одних он высок, а в других недостаточен для формирования крупных промышленных конгломератов. Однако во всех регионах имеются определенные возможности, которые можно использовать для создания на их базе новых отраслей экономики или перенести в такие регионы отдельные элементы технологического процесса, что позволит реализовать сравнительные преимущества каждого региона.

Проблемы реиндустриализации экономики Северо-Кавказского федерального округа

Для экономики Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) проблемы реиндустриализации очень актуальны, и поэтому мы более подробно рассмотрим современное состояние его экономики и основные направления ее развития.

В структуре валового регионального продукта субъектов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, добывающая и обрабатывающая промышленность занимают 8,7% (в РФ – 28%), что свидетельствует о низкой степени индустриализации экономики Округа. За исключением продукции отдельных предприятий (ООО ВТЦ «Баспик» – Республика Северная Осетия–Алания, АО «Терек Алмаз» – Кабардино-Балкарская Республика, ОАО «Невинномысский Азот» – Ставропольский край, ОАО «Завод “Дагдизель”» – Республика Дагестан, ООО «Электропулт - Грозный» – Чеченская Республика), конкурентоспособность промышленной продукции по округу остается на низком уровне.

В ходе реформ СКФО из промышленно-аграрного превратился в субъект, обслуживающий сферу обращения и межрегиональную торговлю, при этом усилились позиции Округа как логистического центра. В результате в структуре валового регионального продукта СКФО значительно выросла доля услуг, что произошло за счет снижения промышленного производства. Деиндустриализация, в свою очередь, привела к сокращению уровня механизации и автоматизации производства, к снижению технологического уровня производственных систем, качества техники и технологий; к росту числа импортных комплектующих, узлов и деталей; к снижению квалификационного уровня персонала и утрате многих рабочих профессий.

Если из структуры ВРП выделить три основных элемента, определяющих базу или вносящих наибольший вклад в формирование валового регионального продукта в субъектах СКФО, то из семи субъектов СКФО в валовом региональном продукте в четырех преобладает торговля, в двух – госуправление и в одном – сельское хозяйство, то есть о промышленных видах деятельности нет и речи. Гипертрофированное развитие торгово-посреднической деятельности, по сути, является следствием деиндустриализации экономики. Но, как известно, при низком уровне внутреннего производства, торговля не может долго функционировать, поскольку дефицит внутреннего производства постепенно сжимает внутренний рынок. Развитие торговли и других видов услуг сами по себе не приведут к экономическому процветанию, ибо они не создают никаких материальных благ. Да и сама сфера услуг

и подобные ей виды деятельности нуждаются в передовом оборудовании, которое создается в промышленности.

Преимущественное доминирование сферы услуг в Округе привело к оттоку вложений из сферы материального производства, к устареванию производственных мощностей, снижению объемов промышленного производства. В ходе рыночных преобразований были потеряны целые отрасли, низкий технологический уровень оставшихся отраслей не отвечает современным требованиям, а производимая ими продукция неконкурентоспособна.

Проблемы новой индустриализации тесно связаны с состоянием основных фондов, с объемами финансовых вложений на их замену на новые типы оборудования, а также на модернизацию и реконструкцию. В субъектах СКФО износ основных фондов высок – он находится в диапазоне от 35,5 до 51,3%, а в среднем по Округу составляет 46,0%, при имеющейся тенденции его возрастания. Наиболее негативным моментом здесь является высокая изношенность активной части основных фондов, которая непосредственно участвует в производстве продукции. В зависимости от вида экономической деятельности степень износа активной части основных фондов колеблется от 38,6% до 57,7%. Доля полностью изношенных основных фондов в Округе составляет 20,1% от общего фонда. Несмотря на такой высокий уровень износа и наличие большого количества полностью изношенных основных фондов, их выбытие составляет чуть более 1%. Это говорит о том, что хозяйствующие субъекты «не расстаются» со старым оборудованием, а его ликвидация происходит только в связи с его физической изношенностью. При этом моральный износ и экономическая неэффективность его эксплуатации в расчет практически не принимаются. Накопление устаревшей техники на предприятиях, по сути дела, становится серьезным препятствием для подлинного производства на базе новой техники и технологий. И хотя в целом по СКФО обновление основных фондов по сравнению с выбытием происходит быстрее, однако темпы его не позволяют обновить производство современным высокотехнологичным оборудованием. К тому же процесс обновления в Округе имеет тенденцию к снижению.

Особенность состояния основных фондов предприятий Округа заключается в том, что основная масса используемой техники и оборудования была создана и вовлечена в производство еще в дореформенный период и эксплуатируется по настоящее время. Рыночные условия функционирования, недостаток финансовых средств у хозяйствующих субъектов и другие проблемы вынуждают их направлять основные потоки вложений на реконструкцию и модернизацию основных фондов, вместо того чтобы вводить новые прогрессивные технологии. Доля инвестиций, направляемых на реконструкцию и модернизацию

по округу составляет более 20%. Данный факт нельзя рассматривать как положительный, потому что хозяйствующие субъекты консервируют существующую технику и технологии, не заменяя их новыми, более современными и более производительными.

В целом же динамика инвестиций в основной капитал по СКФО (в % к предыдущему году) составила в 2013 г. – 111,1%, в 2014 – 99,6%, в 2015 – 93%, что говорит о снижении инвестиций в основной капитал. Стратегия перехода СКФО на путь новой индустриализации может быть успешной при наращивании вложений в основной капитал, приоритетном инвестировании в новые технологии и высокотехнологичное производство. Существующая материально-техническая база Округа, на основе которой предполагается решить проблемы реиндустриализации, характеризуется неоднородностью по инвестициям, по структуре основного капитала и числу используемых передовых технологий. В целом инвестиции в основной капитал по СКФО имеют тенденцию к росту. В республиках Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, в Чеченской Республике происходит их увеличение, а Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания в 2015 г. снизили объемы вложений в экономику.

Суммарные объемы инвестиций увеличиваются, однако вложения в основной капитал в процентах к ВРП уменьшаются. Такая картина наблюдается во всех субъектах СКФО. Увеличивающиеся размеры инвестиций, казалось бы, должны были привести к большей технологизации экономики, однако этого не происходит. Одна из причин такого положения в том, что субъекты львиную долю инвестиций вкладывают в пассивную часть основных фондов, а активная часть остается недоинвестированной. Статистические данные показывают, что инвестиции в здания и сооружения в 2013 г. составили 40,8%, 2014 г. – 35,1%, 2015 г. – 46,1% от общего объема всех инвестиций. За этот же период вложения в машины и оборудование, которые являются носителями новых технологий и технологических процессов, составили: в 2013 г. – 31,5%, в 2014 г. – 23,9%, в 2015 г. – 25,4%. За исследуемые три года в пассивную часть основных фондов было вложено на 41,2% больше средств, чем в активную.

В экономике такие действия не остаются без последствий, а то, что такие последствия имеются, можно определить по результатам использования хозяйствующими субъектами передовых производственных технологий и по удельному весу предприятий, использующих новые технологии. В 2015 г. в СКФО было использовано 2 338 передовых технологий, а удельный вес предприятий, использующих новые технологии, составил 4,3%. Во всех субъектах, за исключением Чеченской Республики, происходит уменьшение числа предприятий, использующих передовые технологии.

Проведенный анализ показывает, что субъектам СКФО для выхода из депрессивного состояния и переходу к поступательному развитию необходимо проводить политику реиндустриализации, устраняя те барьеры, которые мешают процессу и используя тот потенциал, которым они располагают.

Одним из наиболее значимых препятствий для этого является тот факт, что властные структуры субъектов СКФО не уделяют должного внимания институтам развития и объектам инновационной инфраструктуры, которые могут быть, вернее, являются первоначальной основой политики реиндустриализации.

К другим препятствиям относятся:

- высокий уровень физически устаревшего парка технологического оборудования;
- высокий уровень технологического оснащения основной массы предприятий оборудованием третьего технологического уклада;
- недостаток у предприятий собственных оборотных средств, не позволяющих вести расширенное воспроизводство;
- остаточный принцип финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- высокая стоимость заемных финансовых ресурсов для развития и модернизации производств, освоения новой продукции;
- низкая восприимчивость реального сектора экономики к внедрению инноваций, низкий уровень внедрения новых, «прорывных» разработок;
- слабый механизм взаимодействия между наукой и бизнесом, невостребованность новых разработок со стороны бизнеса и непонимание их значения со стороны практиков приводит к общему снижению конкурентоспособности;
- дефицит высококвалифицированных кадров, способных реализовать потенциал реиндустриализации, который сосредоточен в субъектах СКФО;
- отсутствие действенной системы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Особенность и уникальность СКФО состоит в том, что в его состав входят субъекты, являющиеся национальными государственными образованиями, и при этом каждый из них имеет свою историю, свой менталитет, свою конфессию.

Учитывая разноплановый состав Округа, можно к процессу реиндустриализации подойти с позиций более широкой ее трактовки, а именно как к экономическому и структурному маневру по переходу на новый технологический уклад, базирующийся на реализации основных конкурентных преимуществ СКФО. Это может быть диверсификация промышленности в каждом субъекте СКФО, использование конверсионного

потенциала предприятий оборонно-промышленного комплекса, технопарки, индустриальные парки, агротехнопарки и пр. При этом самым главным преимуществом Округа является наличие избыточного количество трудоспособного населения, которое можно превратить в основную «креативную» группу носителей новых технологий.

Другая специфика Округа заключается в том, что здесь нет крупных производственно-территориальных комплексов, транснациональных компаний, которые ориентированы на объемные капиталовложения и крупномасштабный сбыт. Основную массу хозяйствующих субъектов составляют малые и средние предприятия, которые имеют территориальную привязанность, ориентированы на удовлетворение потребностей местных рынков и использование локальной инфраструктуры.

В условиях СКФО малые и средние предприятия могут стать проводниками политики реиндустриализации, и с ними же могут быть связаны перспективы технологического развития. В настоящее время в Округе осуществляют деятельность более 50 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства. Значительная часть этих предприятий сосредоточена в торговле, но много таких предприятий и в приоритетных секторах экономики Северо-Кавказского федерального округа, к которым относятся строительство, агропромышленный комплекс и туризм. Однако эффективность их функционирования остается на низком уровне. К основным причинам, препятствующим полному развертыванию деятельности малых предприятий и малого бизнеса в целом, относится низкая обеспеченность производственными и офисными площадями, низкое качество транспортной и логистической инфраструктуры, затрудненный доступ к энергетическим мощностям, нехватка квалифицированных инженеров и технических специалистов.

Важным инструментом проведения политики реиндустриализации может быть кластерный подход [15]. В общем виде кластерная политика подразумевает комплекс мер преимущественно косвенного характера, направленных на устранение барьеров, возникающих на пути обмена знаниями и идеями, мешающих установлению взаимодействий между различными участниками процесса кластеризации, на поиск и активизацию внутренних источников роста. В условиях СКФО наиболее продуктивным может быть создание межрегиональных окружных кластеров.

Такие кластеры могли бы специализироваться на производстве микропроцессоров и микроэлектроники, программного обеспечения, электронных устройств и телекоммуникационного оборудования. Материальной базой таких кластеров могут послужить бывшие пред-

приятия оборонно-промышленного комплекса, который был здесь в дореформенный период.

Мировая тенденция по развитию кластерных форм показывает, что компании, объединяясь в кластеры, становятся основой хозяйственной деятельности, в то время как традиционная экономика распадается на составляющие. В прошлом базовой ячейкой экономики было предприятие, однако сейчас главный ресурс – знания, перераспределение, конъюнктура [2, с. 43].

Так, Л. Евстигнеева и Р. Евстигнеев констатируют, что «современный рынок больше не создает индустриальных гигантов, включающих все технологические переделы и научные центры. Современный гигант – это кластер, строительство которого финансируют структуры разного типа и разной национальной принадлежности. Такова особенность сетевого рынка, зарождение которого началось в эпоху неоклассики и продолжается в настоящее время, т. е. на глобальном мировом рынке. Сейчас важной, быть может, самой важной, особенностью сетевого рынка является составление карты рыночной кооперации: сетевой рынок становится так называемым системным интегратором» [10, с. 143–144]. Поэтому новая индустриализация, по нашему мнению, затрагивает не только управление и организацию на уровне отдельных фирм, производств и отраслей, но и всю систему социального и политического регулирования.

В каком бы положении ни была экономика, и в целом материальная сфера СКФО, стратегическим направлением развития может быть только политика реиндустриализации. При этом в СКФО имеется определенный потенциал, которому нужно «помочь» полностью раскрыться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрунов С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России/ Монография. / Изд. 2-ое, перераб. и доп. В двух частях. Часть первая. СПб.: ИНИР, 2015.
2. *Сенчагов В.К., Губин Б.В., Иванов Е.А.* Новая индустриализация – основа обеспечения экономической безопасности и выхода из рецессии. М.: ИЭ РАН, 2016.
3. *Сухарев О.С.* Реиндустриализация экономики и технологическое развитие. // Мир новой экономики, 2014. № 2. С. 21–28.
4. *Романова О.А., Бухвалов Н.Ю.* Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 6–1. С. 151–155.
5. *Титов В.В., Маркова В.Д.* Система поддержки инновационного развития промышленности региона // *Мир экономики и управления.* 2016. Т. 16. № 2. С. 89–99.
6. *Кучуков Р.* Неоиндустриальная модернизация и роль государственного сектора / Р. Кучуков // *Экономист.* 2013. № 6. С. 16–25.

7. Воронкова О.Н. Реиндустриализация и неоиндустриализация: концептуальные возможности повышения конкурентоспособности страны в мировой экономике. www.sworld.com.ua/simpoz4/127.pdf.
8. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. Серия «Сверхдержава». М.: Книжный мир, 2012.
9. Новая промышленная политика в контексте обеспечения технологической независимости / отв. Ред. Е.Б. Ленчук. Спб.: Алетейя. 2016.
10. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России: Теоретический аспект. М.: ЛЕНАНД, 2016.
11. Коровин Г.Б. Новая индустриализация как фактор повышения экономического потенциала региона // Региональное развитие: стратегии и человеческий капитал: материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та. 2014. Т. 2. С. 137–149.
12. Беломестнов В.Г., Яжбанова Т.Г. Индустриализация экономики как основа ускоренного развития региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 11(126). С. 73–78.
13. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2012. № 47 (829). С. 30–31.
14. Гринберг Р. С. Предисловие. Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России // Постиндустриализм. Опыт критического анализа. www.rondon.org/society-120402115622.
15. Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Ханина А. В. Кластер как институт реиндустриализации территориально-отраслевых комплексов // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7. № 1. С. 74–83.

ABOUT OF AUTHOR

Humar Khasanovich Batov – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate of the Knowledge Economy and Advanced Regional Development Department of the Institute of Informatics and Problems of Regional Administration of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Science (the RAS).
gumarbatov@mail.ru

REINDUSTRIALIZATION OF THE ECONOMY THE MACRO-REGION AS AN IMPERATIVE TO FORM A NEW TECHNOLOGICAL ORDER

The economy of many Russian regions is still dominated by the third or fourth technological order, although many countries have already mastered the fifth and are now moving on to the sixth order. The main reasons for the lag are inertia and conservatism of the existing industrial character of development. The article substantiates the necessity of carrying out a policy of re-industrialization in a single macro-region (North Caucasian Federal District)), which will allow subjects of the federal district to switch to a higher technological order.

Key words: *macroregion, industrialization, investments, innovations, small enterprises, technological renewal, technological structure, re-industrialization, North Caucasian Federal District.*

JEL: O1, O14, O33.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.А. КВАШНИНА

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИЙСКУЮ СФЕРУ УСЛУГ

В статье рассматриваются особенности привлечения иностранных инвестиций в российскую сферу услуг. Проанализирована структура и динамика поступающих прямых иностранных инвестиций (за 2014–2017 гг.) и специфика их распределения внутри третичного сектора. Подчеркивая схожие с общемировыми тенденциями черты (в частности, увеличение доли услуг по сравнению с добывающей и обрабатывающей промышленностью), автор обращает внимание на значительное отставание РФ в привлечении инвестиций в такие динамичные отрасли как деловые услуги, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, а также услуги, связанные с развитием человеческого капитала. Задачей государства является нахождение оптимального соотношения между либерализацией сферы услуг и использованием в ней протекционистских мер. Автор рассматривает с этой точки зрения действующее в РФ законодательство и сопоставляет с практикой в других странах. Отдельно подчеркивается, что с развитием цифровых платформ роль прямых иностранных инвестиций как формы импорта капитала, скорее всего, будет снижаться.

Ключевые слова: *прямые инвестиции, сфера услуг, индекс ограничения, технологичные услуги.*

JEL: F21, L8, L9.

Сектор услуг – наиболее динамично растущий сегмент мировой экономики, международной торговли и трансграничного перемещения капитала. В мировой экономической науке иностранные инвестиции в сферу услуг уже довольно давно являются объектом пристального изучения. В российской экономической литературе внимание исследователей в основном сосредоточено на иностранном капитале в первичном и вторичном секторах экономики. Что же касается сферы услуг, то ее в целом обходят стороной. Представленные по данной

тематике научные исследования, как правило, связаны с изучением проблем привлечения и использования зарубежных инвестиций в отдельных отраслях - транспортных, информационных, финансовых, лизинговых, страховых и пр. услуг. Цель данной работы – рассмотреть особенности состояния современного рынка услуг как реципиента иностранного капитала и предложить возможные меры по оптимизации структуры иностранных вложений в третичный сектор российской экономики для повышения эффективности их воздействия на экономику в целом.

* * *

Следует отметить, что услуги являются самым крупным и быстрорастущим сегментом мировой экономики. Они играют важнейшую роль в производстве, обслуживая функционирование глобальных цепочек стоимости. Очевидно, что наличием услуг определяется сейчас качество жизни отдельного человека и общества в целом, тем более что как в развитом, так и развивающемся мире в потребительском предпочтении наблюдается сдвиг от товаров в сторону услуг. Трансграничное перемещение товаров также сопровождается использованием различных видов услуг (транспортных, банковских, страховых, телекоммуникационных и др.) [1, с. 45].

Иностранное инвестирование в сферу услуг имеет ряд особенностей, вытекающих из специфики данной отрасли. Значительная часть услуг неотделима от производителя и не может быть предметом классической внешней торговли. В этом случае создание предприятия с иностранными инвестициями, дочерней компании или же филиала является единственным и наиболее эффективным способом перемещения услуги через границу.

Сфера услуг долгое время оставалась закрытой для внешнего воздействия. Осознание выгод от привлечения иностранного капитала в сферу услуг (в частности, получение доступа к зарубежным технологиям, расширение ассортимента и повышение качества предоставляемых услуг) вызвало постепенную либерализацию многих ранее закрытых для иностранных компаний отраслей. Этот процесс сопровождался разгосударствлением, демонополизацией и переводом на коммерческую основу многих видов услуг.

Спецификой сферы услуг является многообразие видов и секторов, которые стремительно множатся и зачастую имеют размытые границы. С начала с 2000-х годов в мировой экономике наблюдается так называемая «революция услуг», которая выражается в быстрорастущей экспансии высокотехнологичных и интеллектуальных услуг, а также в расширении возможностей осуществления международной торговли услугами посредством современных средств связи (интернет-торговля).

Размытость границ между различными отраслями экономики и особенность функционирования ТНК непосредственным образом сказываются на методологии учета объемов перемещаемых иностранных инвестиций. Согласно оценкам ЮНКТАД, мировой объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в сфере услуг в действительности может быть завышен более чем на треть [2, р. 22]. Причина в том, что отраслевые статистические данные базируются в большей степени на отчетности зарубежных филиалов компаний. А многие филиалы крупных сырьевых и промышленных ТНК фактически осуществляют деятельность, относящуюся к третичному сектору, выступая в качестве финансовых и логистических хабов, региональных штаб-квартир по управлению бизнесом, выполняя доставку и послепродажное обслуживание произведенной продукции, научно-исследовательские работы и пр.

Согласно международной статистике, в мире к началу 2016 г. в сфере услуг было накоплено более 62% ввезенных прямых иностранных инвестиций, в то время как на промышленное производство приходилось 27%, а на добычу сырья и создание полуфабрикатов – 8%¹. Даже если принять во внимание возможное искажение статистических данных (в силу упомянутых выше причин), получается, что третичный сектор аккумулирует до половины всех капиталовложений. Увеличение роли сферы услуг в инвестициях, с одной стороны, отражает аналогичный тренд в распределении глобального ВВП, а, с другой – является следствием либерализации данного сегмента, особенно в части таких традиционно закрытых для иностранных инвесторов отраслях, как финансы и телекоммуникации.

После окончания мирового экономического кризиса объем прямых иностранных инвестиций в экономику России стал неуклонно возрастать и достиг своего пика в 2013 г. По этому показателю мы занимали третье место в мире, уступая лишь США и КНР [3, р. XV]. Отраслевая структура распределения ПИИ, поступающих в период 2010–2014 гг., примерно соответствовала среднемировым пропорциям. На долю услуг в эти годы приходилось от 65 до 75 % ввозимого капитала (см. табл. 1).

Снижение темпов роста ВВП, падение мировых цен на нефть и сырьевые товары, повлекшие за собой девальвацию рубля, а также вводимые поэтапно в отношении России западные санкции привели к трехкратному падению прямых иностранных инвестиций в течение 2014–2015 гг. (см. табл. 1). Минимальные значения по поступающему в страну капиталу были зафиксированы в 2015 г – 6,9 млрд долл. «Дно» было достигнуто благодаря оттоку капитала (в размере 12 млрд долл.)

¹ UNCTAD, FDI/MNE database. www.unctad.org/fdistatistics.

Таблица 1

**Структура и динамика прямых иностранных инвестиций в РФ
по секторам экономики (млрд долл. США, %)**

	2010		2011		2012		2013		2014		2015	2016		2017*	
	\$	%	\$	%	\$	%	\$	%	\$	%	\$	\$	%	\$	%
Всего	43,2	100	55,0	100	50,6	100	69,2	100	22,0	100	6,9	32,5	100	25,3	100
Добыча полезных ископаемых	3,8	8,8	4,6	8,4	4,8	9,5	7,1	10,3	4,6	20,9	11,5	22,3	68,6	7,7	30,4
Обрабатывающие производства	9,8	22,7	8,4	15,3	6,4	12,7	16,5	23,8	1,2	5,5	6,9	4,9	15,1	3,3	13,1
Услуги	28,3	65,5	41,4	75,3	38,8	76,7	44,1	63,7	15,9	72,3	-12,0	2,2	6,8	14,3	56,5
Прочие	1,3	3,0	0,6	1,0	0,6	1,1	1,5	2,2	0,3	1,3	0,5	3,1	9,5	0	0

*1-3 квартал.

Источник: расчеты автора по данным Банка России. www.cbr.ru.

из сферы услуг, в то время как в добывающей и обрабатывающей промышленности наблюдался рост. Именно в этих отраслях было реализовано абсолютное большинство проектов ПИИ. На фоне слабого восстановительного роста ПИИ в 2016–2017 гг. третичный сектор вышел из отрицательной зоны и по итогам 9 месяцев 2017 г. вновь привлек больше половины иностранного капитала (см. табл. 1).

Распределение инвестиций внутри сферы услуг отличается неравномерностью. В мире доминируют такие отрасли, как финансы (5,6 млрд долл. накопленных инвестиций), деловые услуги (4,7 млрд долл.) торговля (2,6 млрд долл.) и телекоммуникации (1,8 млрд долл.) [2, р. 21]. Российская классификация услуг практически полностью совпадает с общепринятой международной за исключением одной позиции – оказание деловых услуг. В Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) бизнес-услуги (деятельность головных офисов, консультирование по вопросам управления, правовая, бухгалтерская, архитектурная, инженерно-техническая и пр. деятельность) отражаются в разделе «Деятельность профессиональная, научная и техническая».

С самого начала рыночных реформ в российской экономике оптовая и розничная торговля остается стабильно привлекательным объектом для иностранных инвесторов и аккумулирует наибольшую часть капиталовложений. Даже в провальные 2014–2015 гг. здесь наблюдался определенный прирост инвестиций (см. табл. 2). Вторая по значимости для иностранных инвесторов в России деятельность – финансы. Пик притока капитала в эту отрасль пришелся на 2012–2013 гг., позднее он сменился чистым оттоком, в основе которого лежали девальвация рубля и введенные финансовые санкции. Следует отметить, что в отличие от торговли финансовая сфера имеет большую мобильность и в ней циркулируют большие объемы российских средств в «иностранном мундире». Стабилизация экономической ситуации и укрепление рубля привели к существенному притоку капитала в финансовую деятельность, о чем свидетельствуют итоги 2017 г. (см. табл. 2).

Приток инвестиций в строительство и недвижимость связан, как с сохранением в течение достаточно длительного периода времени высоких цен и повышенного спроса на коммерческую недвижимость, так и с реализацией крупных государственных проектов (проведение олимпийских игр в Сочи и чемпионата мира по футболу в ряде российских городов). В последние три года на фоне спада экономики и повышения рисков многие западные инвесторы стали покидать российский рынок недвижимости, а их место отчасти занимают компании из стран Азии и Ближнего Востока. Пока их интерес ограничивается разовыми приобретениями, а их доля в общем объеме иностранных вложений в недвижимость хотя и выросла, но не превышает 30%.

Таблица 2

Поступление ПИИ в сферу услуг РФ за 2010 – 2017 гг. (млн долл.)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
ВСЕГО:	28 333	41 419	38 781	44 164	15 906	-12 079	2 178	14 253
<i>в том числе:</i>								
1. Оптовая и розничная торговля	5 480	18 096	13 241	20 542	3 240	3 996	1 701	1 831
2. Фин. деятельность страхование	7 661	9 338	14 983	14 456	7 842	-2 825	301	5 601
3. Недвижимость	3 197	2 478	1 984	1 728	-830	339	399	494
4. Строительство	394	3 771	3 928	2 895	2 718	-1 051	-342	2 117
5. Производство и распределение газа, пара, электроэнергии	1 410	2 207	1 869	1 768	1 682	-1 940	-98	1 080
6. Информация и связь	3 317	1 574	-2 182	-1 292	-2 361	-6 514	-362	1 518
7. Транспорт и хранение	-176	1 153	-281	349	-743	-1 689	-72	-291
8. Деятельность профессиональная, научная и техническая	3 611	155	115	75	79	90	15	1 708
9. Образование	-12	4	6	-1	5	2	2	14
10. Здравоохранение	6	182	448	348	156	-84	-37	59
11. Деятельность гостиниц и ресторанов	266	-140	150	187	93	112	79	68
12. Деятельность по организации отдыха и развлечений	341	10	385	30	142	-150	-39	54
13. Прочие услуги	2 838	2 567	4 091	3 053	3 870	-2 345	634	0

Источник: расчеты автора по данным Банка России. www.cbr.ru.

С развитием инфраструктуры связаны и инвестиции в производство и распределение электроэнергии, газа, пара, в транспорт и хранение, в информацию и связь. С начала текущего десятилетия приток капитала в этих отраслях сменяется оттоком и наоборот (см. табл. 2). В наибольшей степени отток капитала коснулся информационно-коммуникационной отрасли: она «потеряла» за пять лет почти 13 млрд долл., несмотря на то, что телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги являются во всем мире наиболее динамичным и привлекательным для инвестиций видом деятельности.

Оттоку капитала из отрасли способствовало, в частности, принятие Федерального закона № 305, запрещающего иностранцам выступать учредителями средств массовой информации в РФ и ограничивающего долю иностранных акционеров в российских СМИ на уровне 20%. Негативно сказался и поэтапный уход с российского рынка связи крупных западных концернов. В свое время они стояли у истоков создания российских телекоммуникационных компаний, но из-за падения доходности и геополитических рисков продали свои активы отечественным инвесторам². Политика импортозамещения, проводимая в отношении программных продуктов для государственных нужд и компаний с государственным участием, продиктованная в том числе соображениями национальной безопасности, фактически привела к замораживанию ряда проектов по созданию новых предприятий с иностранным участием в сфере программного обеспечения. Следует отметить, что в целом ряде сегментов сферы услуг деятельность транснациональных и мультинациональных корпораций осуществляется не в форме прямых иностранных инвестиций, а в виде операций, не связанных с приобретением долей в капитале (франчайзинг, договор об управлении, партнерские отношения). Такие формы привлечения капитала типичны для гостинично-ресторанного бизнеса, розничной торговли, оказания ряда профессиональных услуг и не отражаются в статистике, касающейся суммарного объема и потоков прямых иностранных инвестиций. В частности, в гостиничном бизнесе следует различать материальные и капиталоемкие активы в виде недвижимости и неосязаемые активы – организационные и управленческие компетенции. Собственник отеля как объекта недвижимости далеко не всегда является его оператором. На российском рынке действует 22 международных гостиничных оператора, которые управляют 179 гостиницами в 38 городах [4, р. 4]. На основе франчайзинга развивают свою деятельность и зарубежные ресторанные холдинги (например,

² В 2013 г. шведская группа Tele2 продала свою долю группе ВТБ, шведско-финская компания Telia вышла из Мегафона, а норвежский Telenor из капитала Veon (бывший «Вымпелком»).

закусочные и кафе KFC, Pizza Hut, Burger King, Starbucks и др.) По данным Росстата, в гостинично-ресторанной отрасли на долю компаний с иностранным участием приходится от 37 до 43% инвестиций в основной капитал³.

Большое значение имеет корреляция между притоком инвестиций и формированием устойчивого и расширяющегося инновационного сегмента российской сферы услуг. По методологии платежного баланса к высокотехнологичным и интеллектуальным услугам отнесены следующие статьи расширенной классификации: услуги космического транспорта, плата за пользование интеллектуальной собственностью, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, услуги в области научных исследований и разработок, профессиональные услуги и консультационные услуги в области управления, услуги в области архитектуры, инженерные услуги, услуги в технических областях, услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров, аудиовизуальные и связанные с ними услуги [5, с. 8]. За исключением информационно-телекоммуникационных, перечисленные отрасли «растворены» в более крупных статьях платежного баланса и выделить цифры, поступающих в них инвестиций не представляется возможным. В частности речь идет о разделах 7–10 и 13 табл. 2. Но даже если принимать во внимание завышенные данные, можно констатировать, что доля высокотехнологичных, наукоемких и интеллектуальных услуг в общем потоке инвестиций в эту сферу остается незначительной (см. табл. 2).

Справедливости ради следует отметить, что высокотехнологичные услуги могут проходить и по другим статьям, кроме перечисленных выше, а грань между ними и прочими видами является достаточно условной. В 2017 г. (впервые после 2010 г.) наблюдался существенный приток инвестиций в профессиональную, научную и техническую деятельность. Было ли это разовым всплеском или российский сектор деловых услуг, как и во всем мире, стал привлекателен для иностранного инвестора? – покажет новая статистика.

Важным является и то, откуда поступают инвестиции, положительный эффект от притока капитала усиливается, если его источником является компания из страны с развитым рынком и высокими технологиями. География ввоза и вывоза капитала (Багамы, Бермуды, Кипр и Сингапур), в том числе и в сегменте услуг, не оставляет сомнений в том, что в России все еще в значительной степени имеет место кругооборот отечественного капитала. В последние годы на фоне санкций некоторые западные компании покидают российский рынок, отчасти их уход компенсируют инвесторы из Китая, Индии и стран Персид-

³ Инвестиции в России. 2017: Стат.сб. Росстат. М., 2017.

ского залива. Наиболее крупные проекты с их участием реализуются в инфраструктурной сфере. Так, к примеру, Китай внес 52 млрд руб. в капитал первой фазы проекта (Москва – Нижний Новгород) высокоскоростной магистрали Москва – Казань.

Следует отметить, что в современных условиях, когда в мире повсеместно распространяются цифровые технологии, компании могут продавать товары и услуги без существенных зарубежных инвестиций с использованием принципов франчайзинга. По каналам интернета осуществляется до 12% мировой торговли товарами и до 50% — услугами [6, р. 7]. На российском рынке присутствуют и получают огромные прибыли при минимальных вложениях практически все основные международные игроки этого вида бизнеса: Alibaba (ритейл), Uber (автоперевозки), Airbnb (размещение туристов), Facebook (медиа) и др.

Как уже отмечалось, либерализация сферы услуг становится общемировой тенденцией. При вступлении в ВТО (соглашение было подписано в 2011 г.) РФ приняла на себя ряд обязательств, предусматривающих упрощение допуска иностранных инвесторов в сферу услуг. В наибольшей степени они затронули сектор страховых услуг, где общая квота для иностранцев была повышена с 25 до 50% (как и в банковском секторе). С середины 2017 г. отменен лимит на участие иностранного бизнеса в капитале компаний, занимающихся страхованием жизни и обязательным страхованием, а еще через четыре года на работу в России получат разрешение прямые филиалы иностранных страховых компаний. В банковской сфере после присоединения к ВТО запрет на открытие филиалов сохранился; зарубежные банки могут учреждать только дочерние компании с любой долей участия. Сняты ограничения на участие иностранных провайдеров в капитале компаний, представляющих традиционные телекоммуникационные услуги.

Стимулированию инвестиций в человеческий капитал должно способствовать создание на территории инновационного центра «Сколково» международного медицинского кластера с участием зарубежных клиник. В рамках данного проекта применение медицинского оборудования и технологий, а также деятельность специалистов из стран ОЭСР может осуществляться без прохождения сертификации в РФ. Перспективным направлением могут стать и инвестиции в развитие туристического бизнеса с привлечением иностранных туристов, в том числе в регион Дальнего Востока и Камчатки.

В то же время в стране действует Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (№ 57-ФЗ), который затрагивает 42 вида деятельности и охватывает почти половину экономики. Выше уже упоминались ограничения для иностранных инвесторов в сфере СМИ

и отказ государства от контрактов с иностранцами в IT-секторе. Счетная палата РФ выдвинула предложение не прибегать к услугам иностранных консультантов (речь идет о консалтинговых фирмах «большой четверки») при разработке программ и концепций для государственных учреждений. Эта идея подвергается критике со стороны экспертов – ее реализация может негативно сказаться на развитии государственного сектора экономики.

Разработан, но пока не принят законопроект об отмене ограничений на участие иностранного капитала в малых и средних предприятиях (МСП) при условии, что сами иностранные компании также являются субъектами малого и среднего бизнеса. В настоящее время если доля иностранных собственников в уставном капитале превышает 49%, то компания не может быть включена в реестр МСП, а это, в свою очередь, не дает права на налоговые льготы, допуск к участию к государственным закупкам и льготным кредитам, освобождение от плановых проверок и пр. По мнению экспертов из «ОПОРА России», экономика страны таким образом лишается не только значительной доли иностранных инвестиций, но и возможности получения передового опыта в области организации и ведения малого бизнеса, в том числе инновационного [7].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) осуществляет мониторинг открытости экономик для прямых иностранных инвестиций. Разработанный ею индекс ограничительности регулирования ПИИ (OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index) охватывает 62 страны, в том числе, не входящие в ОЭСР и 22 вида экономической деятельности. Оценка производится по шкале от 0 (открытые) до 1 (закрытые) отрасли и охватывает 4 типа ограничений⁴. Из таблицы 3 видно, что в целом, по степени ограничения ПИИ Россия отстает от стран ОЭСР, но опережает некоторых соседей (КНР и Индию) по БРИКС. Из отраслей, входящих в сферу услуг, у нас наиболее открытыми являются строительство, оптовая и розничная торговля, а наиболее закрытыми СМИ (печатные и электронные), финансовые и страховые услуги, транспорт и недвижимость.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что за последние годы условия ввоза капитала в российскую сферу услуг стали в целом более благоприятными. В то же время политика в отношении иностранных инвестиций носит противоречивый характер: с одной стороны, делаются конкретные шаги по вовлечению иностранных ком-

⁴ 1) ограничения на участие в капитале; 2) дискриминационные механизмы проверок и утверждения; 3) ограничения на использование иностранной рабочей силы; 4) иные ограничения деятельности (создание филиалов компаний, репатриация прибыли, право собственности на землю и др.)

Индекс ограничительности регулирования ПИИ, 2016 г.

Отрасли и виды деятельности	ОЭСР (среднее)	Россия	Бразилия	КНР	Индия	ЮАР
Строительство	0,019	0,050	0,025	0,265	0,050	0,010
Оптовая торговля	0,019	0,050	0,025	0,105	0,000	0,010
Розничная торговля	0,023	0,050	0,025	0,140	0,583	0,010
Транспорт	0,213	0,350	0,275	0,538	0,093	0,193
Гостиницы и рестораны	0,020	0,100	0,025	0,050	0,000	0,110
СМИ	0,158	0,483	0,550	1,000	0,280	0,298
Связь	0,085	0,100	0,025	0,750	0,175	0,010
Мобильная связь	0,079	0,050	0,025	0,750	0,175	0,010
Финансовые услуги	0,033	0,432	0,108	0,493	0,279	0,052
Банковский сектор	0,038	0,500	0,150	0,500	0,413	0,010
Страхование	0,022	0,695	0,125	0,625	0,400	0,060
Деловые услуги	0,065	0,175	0,025	0,250	0,563	0,260
Недвижимость	0,166	0,333	0,025	0,110	1,000	0,060
Общий отраслевой индекс	0,067	0,187	0,101	0,327	0,212	0,055

Источник: OECD. Stat. Dataset: OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index.

паний (в том числе в рамках принятых обязательств при вступлении в ВТО) в экономическую деятельность в РФ, с другой – создаются или не устраняются неоправданные ограничения и барьеры, тормозящие инвестиционную деятельность. Государство могло бы более активно использовать находящиеся в его руках инструменты для привлечения инвестиций. Речь идет о механизмах государственно-частного партнерства (особенно в части развития инфраструктурных проектов), территориях опережающего развития, специализированных кластерах. Снижение стоимости рабочей силы (в результате девальвации рубля) при достаточно высокой ее квалификации в принципе открывает для иностранного капитала различные ниши в сфере услуг (образовательных, медицинских, информационных, туристических и др.). Масштабному притоку ПИИ в проекты, сопровождающиеся применением современных технологий, прежде всего, мешает неблагоприятный инвестиционный климат, недостатки которого лежат не только в экономической плоскости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шуйский В.П. Торговля услугами – перспективный сегмент международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 10.
2. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD.
3. World Investment Report 2014. Investments in the SDGs: an Action Plan. UNCTAD.
4. Ernst&Young International Hotel Brands in Russia 2018. hotelier.pro/management/item/3199-ey/3199-ey.
5. Спартак А.Н., Лихачев А.Е. Долговременные тренды и новые явления в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2.
6. MGI (2016) Digital globalization: The new era of global flow. McKinsey. March.
7. Васильева Ю. Остаться малышом // Российская Бизнес-газета. № 836 (7).

ABOUT THE AUTHOR

Irina Anatolyevna Kvashnina – Candidate of Economic Sciences, Leading Research Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

irina.kvashnina@gmail.com

FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIAN SERVICES

The article examines the peculiarities of attracting foreign investments into the Russian sphere of services. The structure and dynamics of incoming foreign direct investment (for 2014–2017) and the specifics of their distribution within the tertiary sector are analyzed. Stressing the similarities with the global trends (in particular, the increase in the share of services compared to the extractive and manufacturing industries), the author draws attention to the significant backlog of the Russian Federation in attracting investments in such dynamic industries as business services, telecommunications, computer and information services, and services related to human capital. The state's task is to find the optimal balance between liberalization of services and the use of protectionist measures in it. The author considers from this point of view the legislation in force in the Russian Federation and compares it with practice in other countries. It is separately underlined that, with the development of digital platforms, the role of foreign direct investment in services is likely to decline.

Keywords: *foreign investment, sphere of services, FDI regulatory restrictiveness index.*

JEL: F21, L8, L9.

Е.В. ВОИНОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР И НЕРАВЕНСТВО: ПРЯМЫЕ И ОБРАТНЫЕ СВЯЗИ

Проблемы неравенства рассматриваются в данной работе в их взаимосвязи с финансиализацией экономики и несовершенством государственного регулирования, являющихся, по мнению автора, причиной асоциального типа экономического роста, при котором происходит снижение совокупного спроса за счет падения доходов большинства населения. В этих условиях базовые социально-экономические проблемы остаются нерешенными - они лишь камуфлируются посредством различных средств, включая увеличение долговой нагрузки на население. Со временем это приводит к ловушке асоциального роста и существенному замедлению экономической активности.

Ключевые слова: *неравенство, асоциальный рост, экономический рост, коэффициент Джини, финансиализация, совокупный спрос, финансовый сектор, государственное регулирование.*

JEL: E44, G18, O11, D63, D31.

В начале XX в., в период, предшествующий Первой мировой войне и Великой депрессии, в большинстве развитых стран мира стал заметным рост неравенства доходов. Однако позднее, в самом конце 1930-х годов, уровень неравенства начал снижаться, и эта тенденция сохранялась вплоть до начала 1970-х гг. Многие исследователи полагали, что снижение неравенства – это естественный результат процесса экономического развития: после достижения некоторого порога экономической зрелости неравенство будет уменьшаться. Вероятно, именно в свете этой тенденции лауреат Нобелевской премии экономист Саймон Кузнец выдвинул гипотезу о том, что в странах, стоящих на ранних этапах экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, затем стабилизируется на некоторое время, а на более поздних этапах имеет тенденцию снижаться. Это предположение позже легло в основу так называемой «кривой Кузнеца». Следуя логике Кузнеца, можно полагать, что растущее неравенство в бедных странах является переходным этапом, который предшествует развороту тренда в обратную сторону по мере развития экономик этих стран: если нера-

венство снижается в богатых странах, то оно в конечном итоге должно снижаться и в более бедных странах (на более поздних стадиях их экономического развития). На гипотезе С. Кузнецца также основана идея о том, что неравенство не оказывает влияние на экономику развивающихся стран. Предполагалось, что высокое или растущее неравенство является своеобразным компромиссом, особенно если доходы бедных растут и уровень бедности падает. Тем не менее современные статистические данные ставят под сомнение универсальность гипотезы С. Кузнецца, так как указанная им форма кривой неравенства в ряде случаев не соответствует эмпирическим наблюдениям. Кроме того, оказалось, что на практике экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства. Исследователи отмечают случаи, когда рост неравенства происходил на фоне экономического спада (в странах Восточной Европы и Центральной Азии в период 1985–1996 гг.), а также случаи негативного влияния неравенства на экономический рост. Нужно отметить, что в США эволюция значений коэффициента Джини за период 1920–1970 гг. в целом соответствовала траектории, предсказанной гипотезой С. Кузнецца, но начиная со второй половины 1970-х годов нисходящий тренд сменился на устойчиво восходящий, с существенным ростом неравенства во времена администраций Рейгана / Буша I, достигнув в 2010–2015-х гг. уровней, сопоставимых с пиковыми значениями второй половины 1920-х годов.

Проводя историческую параллель, отметим, что финансовализация как экономический процесс возникла еще в конце XIX в. Уже в начале XX в. она привела к тому, что появилась возможность извлекать прибыль без инвестирования в реальный сектор экономики. Тем самым финансовый капитал способствовал формированию весьма специфической инвестиционной среды, позволяющей за счет изменения динамики экономического роста перераспределять создаваемое общественное богатство в пользу узкой группы лиц. В дальнейшем, уже на рубеже XX–XXI вв., финансовый капитал, все более виртуализируясь, разрастался за счет использования принципиально новых финансовых инструментов и смог в значительной мере выйти из-под влияния регулирующей функции государства, достичь значительного отрыва от реального сектора экономики. Так возникла инвестиционная среда, вообще не предполагающая инвестиции в долгосрочное экономическое развитие. Мир столкнулся с противоречием: без финансового сектора экономики как посредника невозможно функционирование ее реального сектора, но при этом финансовый сектор не нуждается в реальном секторе – основополагающем компоненте, обеспечивающем нормальный экономический рост.

В результате развития этих процессов возник целый комплекс негативных эффектов:

1. Гипертрофированный рост финансового сектора и соответствующее сокращение доли реального сектора в современной экономике ведет к перераспределению доходов в пользу владельцев финансового капитала и становится существенным фактором увеличения неравенства, в то же время увеличение неравенства существенно закрепляет и ускоряет рост финансового сектора, а ослабление государственного регулирования стимулирует данную взаимосвязь. Непропорциональное обогащение владельцев финансового капитала повышает их влияние на государственное регулирование, в результате чего у них появляется возможность изменять форму капитала, стремясь обеспечить наиболее эффективную среду для увеличения собственного капитала. Инвестиции из реального сектора экономики все больше перенаправляются в финансовый сектор, обеспечивая финансовым группам получение быстрой и максимальной прибыли при минимальных издержках и рисках.

2. Следствием растущего неравенства и гипертрофированного роста финансового сектора является особый асоциальный тип экономического роста, при котором доходы большинства населения, формирующего основную часть совокупного спроса, снижаются, а владельцы финансового капитала используют экономический рост для дальнейшей интенсификации накоплений и потребления предметов роскоши. Базовые социально-экономические проблемы при асоциальном росте не решаются, а камуфлируются, при увеличении долговой нагрузки на население. Интересы владельцев финансового капитала находятся в противофазе решению социальных задач, а деиндустриализация экономики исключает большинство населения из процесса производства и потребления. Происходит падение общего потребительского спроса, т. к. трудовые доходы и сбережения большинства населения составляют основную долю потребительских расходов. Со временем это приводит к снижению экономической активности. Функция потребления может временно поддерживаться за счет снижения норм потребительского кредитования и других инструментов (таких, как низкая или ультранизкая базовая процентная ставка), но все учащающиеся кризисы вероятно будут вскрывать эту проблему.

3. Формируется ловушка асоциального типа экономического роста, в которую со временем (при высоком неравенстве и гипертрофии финансового сектора) попадает общество, если оно не в состоянии оказывать существенное противодействие росту экономико-политической власти финансового капитала и его влиянию на государственное регулирование. Рост власти финансового капитала подрывает основы социального государства, являющегося конституционным признаком большинства современных развитых и развивающихся стран. При этом допустимый уровень неравенства доходов и отсутствие опережающего роста финансового сектора не приводят к каким-либо негативным последствиям. [1]

Схематично описанные выше взаимосвязи отражены автором на рисунке.

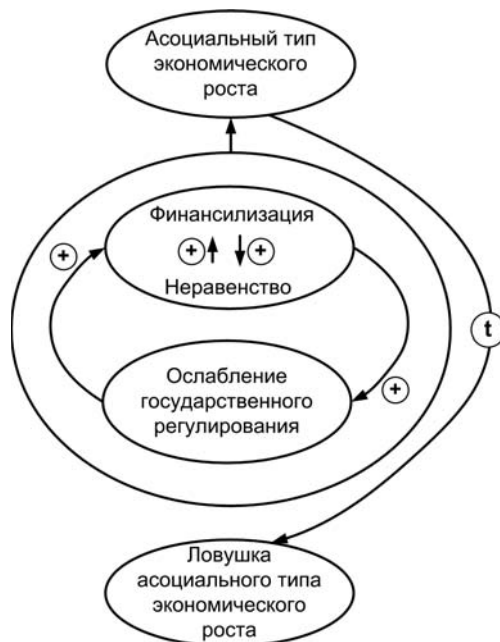

Рис. Взаимосвязь неравенства доходов с финансиализацией и ослаблением государственного регулирования: воздействие на экономический рост.

Здесь необходимо отметить, что динамика финансиализации и уровня неравенства доходов находятся в определенной взаимосвязи между собой и обусловлены ослаблением государственного регулирования, а также рядом других факторов, которые могут быть представлены в виде двух групп¹.

1. Группа глобальных и национально-экономических факторов:

- рентоориентированное поведение элит и их влияние на законодательный процесс;
- прогрессивность налоговой системы государства;
- целевые установки при проведении реформ;
- процесс глобализации;
- конфликты международного национального регулирования;
- экономическая нестабильность.

¹ Приведенная система факторов (включая финансиализацию и ослабление государственного регулирования) отражает многоканальную природу воздействия неравенства на экономический рост.

2. Группа социально-экономических и технико-технологических факторов:

- деиндустриализация экономики;
- национальный менталитет;
- эффективность системы социальных трансфертов;
- доступ большинства населения к общественным благам и информации.

Проблема современного неравенства затрагивает не только вопросы нравственности, но и представляет собой серьезную экономическую проблему: эпизодически возникающие кризисы, падение совокупного спроса требуют изменения институциональных рамок и введения дополнительных механизмов регулирования. Но искусственное поддержание слабого государственного регулирования (особенно если это осуществляется в интересах владельцев финансового капитала) при высоком неравенстве и финансиализации в конце концов приводят к сбою в функционировании рыночной системы, также как и чрезмерное вмешательство государства в рыночные процессы может дать отрицательный результат.

Взгляды различных школ экономической теории на проблему неравенства в ее взаимосвязи с экономическим ростом, при существующих различиях в видении и подходах к данной проблеме в целом, сходятся в вопросе о необходимости, в большей или меньшей степени, государственной регуляторной политики, направленной на устранение провалов рынка, а также с целью обеспечения баланса между частной отдачей и социальным дивидендом. Безусловно, такой консенсус продиктован весьма разными мотивами, которые вытекают из фундаментальных теоретических позиций этих школ, но он находится в рамках капиталистической системы. Р. Гринберг пишет: «утвердилось понимание, что относительная равномерность распределения доходов напоминает киль государственного корабля, который удерживает судно при кризисном шторме. В то же время определенный уровень занятости (безработицы) влияет на соотношение и уровень доходов, хотя, в свою очередь, сам зависит от них» [2, с. 77]. Другими словами, роль дозированного государственного регулирования в достижении приемлемого уровня экономического неравенства является важной, выступая в качестве стабилизатора системы в кризисные периоды, не давая ей (системе) сойти с правильного курса. При этом, определенный уровень занятости является гарантом ее стабильности.

Новейшая история показывает, что периоды ослабления или усиления государственного регулирования связаны с ростом или снижением уровней неравенства и финансиализации в экономике. Причем слабое государственное регулирование в связке с высоким неравенством и гипертрофией финансового сектора имеет тенден-

цию приводить к крупным системным потрясениям. Это показала еще Великая депрессия в США в конце 1920-х годов. Последовавший масштабный экономический кризис, начавшийся в 1929 г., ознаменовался коллапсом финансовой системы страны. Схожие сбои произошли в конце 1990-х годов (технологический пузырь) и 2000 годов (ипотечный пузырь). В ходе образования ипотечного пузыря особенно заметным было развитие финансовых инноваций, которые стали процветать при слабой монетарной политике со стороны Федеральной Резервной Системы США и недостаточном регуляторном контроле, что в конечном итоге привело к краху на рынке ипотечного кредитования, рекордному количеству отчуждений собственности, к банкротству ведущих кредитных учреждений, массовому росту долгов. Существенное отличие заключается в том, что произошло после пика этих кризисов. В период, последовавший за Великой депрессией, правительство США встало на путь проведения фундаментальных реформ и выверенного усиления государственного регулирования экономики, что заложило основательный фундамент для последующего здорового экономического роста (где финансовый сектор не выходил за рамки отведенной ему роли в экономике), при снижающемся неравенстве вплоть до конца 1970-х годов. То, что в схожие с современными условия наблюдалось непосредственно перед упомянутыми выше явлениями, вероятно, не является простым совпадением.

В современных ключевых существующих (и проектных) национальных и наднациональных нормативных актах имеется целый ряд нестыковок, которые ведут к снижению уровня эффективности современного международного регулирования. Основным из противоречий национального и международного регулирования служит отсутствие равнозначности и своевременной согласованности между соответствующими частями национальных правовых систем, а также их частая несовместимость с существующими глобальными регуляторными стандартами. Кроме того, законодательные системы находятся под сильным влиянием представителей корпоративных элит. Это ослабляет их совместимость и открывает дополнительные возможности использования налогового и законодательного арбитража. Изменения, вносимые в национальные и наднациональные нормативные документы владельцами финансового капитала в собственных интересах – одна из причин закрепления нынешнего уровня финансовализации экономики. Главным образом влияние финансовых групп направлено на всестороннее ослабление государственного регулирования финансового сектора. Владельцы финансового капитала не готовы к изменениям, которые так или иначе противоречат их интересам, даже если экономическая обстановка в целом требует именно этого. Более того, они стремятся максимально вывести ключевые ком-

поненты корпоративного сектора (особенно финансового сегмента) из-под контроля национальных регуляторов, минимизировав государственный контроль над арбитражными практиками. Противовесом сложившейся ситуации должен выступить комплекс мер по государственному регулированию экономического неравенства, которые смогут поддерживать баланс между перераспределительной политикой и экономическим ростом, не допуская чрезмерного снижения или повышения уровня неравенства. Результатом эффективной регулирующей политики должен стать некоторый приемлемый уровень экономического неравенства, который позитивно повлияет на экономический рост, вернув его в социальное русло, необходимое для дальнейшего развития гражданского общества. Для этого необходимо не только комплексное национальное и наднациональное регулирование финансового сектора, но и политические решения в интересах всего общества, а не только владельцев финансового капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воинов Е.В. Взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом: новый подход и эмпирическое подтверждение // Проблемы современной экономики. 2017. № 3. С. 54–68.
2. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. М.: ИЭ РАН, 2008.

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny Viktorovich Voinov – Postgraduate Student of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
eugene.voinov@gmail.com

MORDEN FINANCIAL SECTOR AND INEQUALITY: DIRECT AND FEEDBACK RELATIONS

The problems of inequality are discussed in this paper in their relationship to the financialization (Financing) of the economy and the imperfection of state regulation, which are, in the author's opinion, the cause of an antisocial type of economic growth, in which the aggregate demand decreases due to a drop in the incomes of the majority of the population. In these conditions, basic socio-economic problems remain unresolved – they are only camouflaged through various means, including increasing the debt burden on the population. Over time, this leads to a trap of dissocial growth and a significant slowdown in economic activity.

Key words: *inequality, antisocial growth, economic growth, aggregate demand, financialization (financing), state regulation, Gini coefficient, financial sector.*

JEL: E44, G18, O11, D63, D31.

Н.Д. ФРОЛОВА

аспирантка ФГБУН Институт экономики РАН,
научный сотрудник Института проблем развития науки РАН

АГРЕССИВНАЯ КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

В статье анализируются проблемы, связанные с агрессивной кредитной политикой коммерческих банков и ростом уровня просроченной задолженности по их кредитному портфелю. Рассматриваются инструменты, используемые банками при агрессивном, «хищническом» кредитовании и возможные последствия применения такой модели ведения банковского бизнеса для экономики страны. Автор предлагает комплекс мер, ограничивающих возможность применения банками агрессивной кредитной политики.

Ключевые слова: *агрессивная кредитная политика, коммерческие банки, просроченная задолженность, ответственное кредитование, кредитный риск.*

JEL: G21, G28.

Важнейшим показателем стабильности и надежности коммерческого банка является качество кредитного портфеля, одной из характеристик которого является уровень просроченной задолженности по кредитному портфелю как показатель реализованного кредитного риска. Рост просроченной задолженности – серьезная проблема отечественного банковского сектора, для решения которой требуются совместные усилия как со стороны государства и Банка России, так и со стороны банковского сообщества.

В последние годы в России объемы кредитования физических лиц существенно увеличились (статистические данные по портфелю потребительских кредитов представлены в табл. 1), рост портфеля кредитов, предоставленных физическим лицам, за последние 10 лет составил 365,95 %, при этом рост просроченной задолженности сроком более 90 дней (весьма существенный срок нарушения оплаты, свидетельствующий не о временных трудностях или технических причинах возникновения просроченной задолженности, а о серьезном неисполнении условий договора) по данному портфелю за аналогичный период составил 710,55 %. Наиболее высокий темп роста просрочен-

Таблица 1

Данные по кредитному портфелю и уровню просроченной задолженности по кредитам физических лиц

Показатель	Отчетная дата						
	01.07.2008	01.01.2010	01.01.2012	01.01.2014	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018
Ссуды с просроченными платежами свыше 90 дней (далее СПП, млн.руб.)	125 358	296 822	285 092	549 338	1 084 298	977 559	890 726
Общий объем кредитного портфеля (далее КП, млн руб)	3 252 509	3 297 071	5 115 069	9 536 025	10 278 829	10 494 118	11 902 434
Доля СПП в КП, %	3,85	9,00	5,57	5,76	10,55	9,32	7,50
Темп роста КП (цепной), %		89,41	137,05	129,76	94,22	102,09	113,42
Темп роста КП (базисный, базис – 01.01.09), %	100,00	101,37	157,27	293,19	316,03	322,65	365,95
Темп роста СПП (цепной), %		183,62	99,43	164,27	125,31	90,16	91,12
Темп роста СПП (базисный, базис – 01.07.08), %	100,00	236,78	227,42	438,22	864,96	779,81	710,55

Источник: сайт Банка России. www.cbr.ru/statistics/?PrId=pdko_sub (дата обращения 01.05.2018).

ной задолженности отмечался в период с 2011 г. до 2014 г., уменьшение темпа роста данного показателя начиная с 2014 г. во многом обусловлено усилением контроля за деятельностью коммерческих банков со стороны Банка России по вопросам принятия рисков и формирования соответствующих резервов. При этом стоит отметить, что официальная статистика не полностью отражает реальный уровень просроченной задолженности, так как коммерческие банки используют разные инструменты для снижения данного показателя, например, такие как полная или частичная переуступка прав требования по ссудному договору, различные программы рефинансирования и реструктуризации просроченного долга.

Факторы, ведущие к возникновению просроченной задолженности, могут быть разными, соответственно универсального средства по борьбе с просроченной задолженностью нет. Особого внимания заслуживают такие факторы, как агрессивная кредитная политика и недостаточный уровень финансовый грамотности населения, которые в сочетании негативно влияют на социально-экономическое развитие страны.

В наиболее общем понимании кредитная политика регулирует отношения между кредитором и заемщиком, способствуя реализации свойств кредита и выполнению его функций в экономической жизни общества. Значение кредитной политики заключается в том, что она раскрывает важнейшие принципы распределения капитала, предоставления кредитов, ликвидности, рентабельности и, главное, безопасности осуществления банковской деятельности, под которой в данном контексте следует понимать оптимизацию уровня банковских рисков.

Важным для понимания значения кредитной политики, на наш взгляд, является высказывание известного российского ученого О.И. Лаврушина: «Разработка кредитной политики требует определенной культуры, т.е. определенного образа мышления и представления о нормах и ценностях банковской деятельности (например, банк может придерживаться принципов не кредитовать сделки с оружием, по принципиальным соображениям не финансировать те или иные политические партии и т. п.). <...> Наличие культуры кредитного процесса является дополнительным преимуществом <...>. Мировой опыт свидетельствует о том, что культура – фундамент всякого предприятия, в том числе и банка» [1, с. 411–412]. Во многом именно из-за недостатка культуры российские банки нередко прибегают к практике хищнического (грабительского) кредитования, взимая с клиента неоправданно высокую плату за пользование кредитом, намерено вовлекая его в чрезмерные заимствования, навязывая увеличение объемов кредитования, используя агрессивную тактику продаж, рекламу, вводящую в заблуждение, и другие недобросовестные приемы привлечения клиентов и продвижения услуг.

На наш взгляд, «хищническое» кредитование есть производная от «хищнического» поведения на рынке, применяемого с целью вытеснения конкурентов. В институциональной теории оно описано так: «хищническое поведение возникает в качестве рациональной, направленной на максимизацию прибыли стратегии <...> она может сдерживать проникновение на рынок будущих потенциальных конкурентов» [2, с. 592]. Фактически банки сейчас используют эту практику как раз с целью максимизации прибыли и в качестве инструмента конкурентной борьбы, пытаясь «привязать» клиента к банку чрезмерной долговой нагрузкой, пакетными продажами банковских услуг (предоставление дополнительных кредитных продуктов, например, кредитная карта «в подарок» к кредиту, овердрафтное кредитование по зарплатным счетам и т. д.). Современные исследователи отмечают, что «хищническое» кредитование «может охватывать целый диапазон обманной, манипулирующей или злоупотребляющей доверием заемщиков кредитной практики» [3, с. 30]. Ключевой особенностью такого кредитования является навязывание клиенту заведомо невыгодных условий кредитования и дополнительных услуг. При этом жертвами такой банковской политики становятся, как правило, социально незащищенные слои населения, не имеющие возможности получить кредитные средства на других условиях или не обладающие достаточным уровнем финансовой грамотности, чтобы распознать недобросовестное поведение банка.

Важно организовать в стране такую систему банковского кредитования, которая будет способствовать экономическому процветанию, а не формировать системные риски и угрозы для экономики. В связи с этим необходимо обеспечить соблюдение коммерческими банками положений утвержденной ими кредитной политики, ужесточить надзор за ее утверждением и реализацией. Формирование кредитной политики является исключительной прерогативой коммерческих банков, по наличию данного документа (наряду с другими документами) Банк России оценивает систему организации внутрибанковского контроля. Однако нельзя не отметить условность и формальность данного механизма. Между тем именно на базе кредитной политики выстраивается банковская культура кредитования. Сформировать кредитную политику – это значит документально закрепить позицию руководства банка по таким вопросам, как приоритеты банка на кредитном рынке (характер отношений с заемщиком, виды и объекты кредитования, категории заемщиков и т. д.) и цели кредитования (ожидаемая доходность, увеличение доли рынка, содействие развитию приоритетных для государства отраслей производства и т. д.) [4, с. 485].

Традиционно принято выделять три типа кредитной политики:

1. Консервативная кредитная политика, направленная на минимизацию кредитного риска. При ее реализации высокая доходность

не является приоритетом; круг клиентов, как правило, сравнительно узок, характерны высокие требования к заемщикам для получения кредита.

2. Умеренная кредитная политика, предполагающая средний уровень кредитного риска по кредитному портфелю и средний уровень доходности; кредитный портфель характеризуется как сбалансированный.
3. Агрессивная кредитная политика, направленная на максимизацию прибыли. Кредитный портфель характеризуется высоким уровнем риска, круг клиентов достаточно широк и включает рискованные сегменты клиентов. Может применяться не на постоянной основе, а для достижения определенных стратегических целей: увеличение доли рынка, расширение региона присутствия банка, конкурентная борьба и т. д.

В экономической литературе не встречается общепринятого единого определения понятия агрессивной кредитной политики, однако можно выделить два основных подхода к пониманию данного явления. В соответствии с первым подходом агрессивной кредитной политикой считается такая кредитная политика, при которой коммерческий банк формирует чрезмерно объемный кредитный портфель, несопоставимый собственному капиталу и объему привлеченных средств. Такая трактовка понятия агрессивной кредитной политики применяется при количественном анализе качества кредитного портфеля, в котором для оценки кредитной политики и кредитной активности банка используются такие коэффициенты, как коэффициент «агрессивности-осторожности» кредитной политики и коэффициент соотношения кредитных вложений и собственных средств коммерческого банка. При значении коэффициента «агрессивности-осторожности» более 70% и коэффициента соотношения кредитных вложений и собственных средств банка более 80 % кредитную политику принято считать агрессивной [4, с. 37]. На наш взгляд, такое понимание является достаточно узким, поскольку фактически позволяет оценить лишь достаточность капитала, а также то, за счет каких источников осуществляется кредитная деятельность коммерческого банка. Достаточность капитала вполне эффективно можно оценить по обязательным нормативам ЦБ РФ, которые в настоящий момент приведены в полное соответствие с нормативами Базельского комитета по банковскому надзору.

Агрессивность кредитной политики, как нам представляется, – это более сложное понятие, включающее не только несопоставимое наращивание кредитного портфеля, но и предоставление кредитов клиентам с чрезмерно высоким уровнем кредитного риска или клиентам, уровень риска кредитования которых невозможно объективно оценить (что может практиковаться и банками, доста-

точность капитала которых полностью соответствует всем обязательным и рекомендованным нормам), навязывание невыгодных клиенту условий договора, дополнительных банковских и страховых продуктов. Такая кредитная политика банка подразумевает агрессивный маркетинг и агрессивную тактику продаж. Ее можно назвать «грабительским кредитованием», но в понимании российского общества за такой моделью ведения банковского бизнеса уже закрепилось понятие агрессивной кредитной политики. Поэтому предлагаем под «агрессивной политикой» понимать не столько несоразмерную имеющемуся капиталу кредитную активность коммерческих банков, сколько модель недобросовестного взаимодействия с клиентом и осознанное принятие повышенного кредитного риска. Сформулированная проблема вызывает в российском обществе серьезное беспокойство. Она неоднократно обсуждалась как в научных работах [1; 6], так и средствах массовой информации [7; 8; 9].

В последние годы Банк России существенно усилил контроль за деятельностью кредитных организаций, в том числе в направлении кредитной политики, что привело к сокращению количества кредитных организаций в банковском секторе России из-за отзыва лицензий. Так, в 2017 г. свою деятельность прекратило 63 кредитные организации, у 51 из них была отозвана лицензия. В 2016 году были ликвидированы 112 кредитных организаций, из них 97 – в связи с отзывом лицензии. В 2015 году закрыто 105 кредитных организаций, из них у 93 отозвана лицензия (см. табл. 2). Детальный анализ решений ЦБ РФ об отзыве лицензий за указанный период показывает, что основными причинами для этого была высокорискованная кредитная политика (или агрессивная кредитная политика в ее количественном понимании в соответствии с первым из рассмотренных подходов, с отдельными элементами, характерными для второго подхода – осознанное принятие высокого кредитного риска, искусственное занижение его уровня при формировании резервов). Количество банков, у которых были отозваны лицензии именно по данной причине, за рассматриваемый период составляет от 48 до 82% в год от общего числа банков с отозванными лицензиями. Ужесточение контроля со стороны Центрального Банка ведет к очищению рынка банковских услуг от недобросовестных участников, принимающих несоразмерный своему капиталу уровень риска, а потому представляющих угрозу утраты стабильности банковского сектора из-за несостоятельности его отдельных элементов.

Агрессивная кредитная политика неизбежно ведет к формированию высокорискованного кредитного портфеля, к снижению качества банковских активов, – росту просроченной задолженности среди населения. Некоторые исследователи полагают, что одна из причин ее распространения – специфическая конкуренция на российском бан-

Данные об отзыве лицензий

Год	2013	2014	2015	2016	2017	Итого
Количество кредитных организаций, закрытых по причине отзыва лицензий, ед.	31	86	93	97	51	358
Количество кредитных организаций с отозванными лицензиями по причинам, связанным с высокорискованной (агрессивной) кредитной политикой, низким качеством активов и недостаточным формированием резервов, ед.	15	49	73	80	35	252
Доля кредитных организаций с отозванными лицензиями по причинам, связанным с высокорискованной кредитной политикой, низким качеством активов и недостаточным формированием резервов, в общем числе отозванных лицензий, %	48	57	78	82	69	70
Всего закрыто, ед.	44	95	105	112	63	411

Источник: ИА «Банки.ру». www.banki.ru/banks/memory (дата обращения: 14.05.2018).

ковском рынке: «относительно небольшие банки не могут составить конкуренции крупнейшим, что вынуждает их смещать акцент в своей деятельности на классическое и высокорискованное (экспресс) потребительское кредитование» [6, с. 59]. Характерным примером такого кредитования является предоставление кредитов банками в торговых сетях, как правило, на приобретение бытовой техники или других товаров длительного пользования. Важно отметить, что уровень просроченной задолженности по кредитному портфелю банков, активно предоставляющих описанные выше услуги, как правило, выше среднего уровня. В табл. 3 представлены данные о значении данного показателя по банкам, предлагающим свои кредиты в таких сетях, как М.Видео, Эльдorado, DNS.

В октябре 2016 г. уровень просроченной задолженности по совокупному портфелю потребительских кредитов, предоставленных коммерческими банками России, составлял 10,3%, у 8 из 11 представленных в табл. 3 коммерческих банков данный показатель в октябре 2016 г. превышает среднерыночное значение. При этом следует отметить, что к банкам с уровнем просроченной задолженности ниже среднерыночного относятся Альфа-Банк и Хоум Кредит. Первый из указанных банков хотя и предоставляет услуги по экспресс кредитованию, но не

Уровень просроченной задолженности по кредитному портфелю отдельных банков, предоставляющих услуги экспресс-кредитования

Название банка	Отчетная дата	
	октябрь 2016 г., %	октябрь 2017 г., %
Альфа-Банк	10,50	8,13
Почта Банк	17,85	9,87
ОТП Банк	19,77	14,58
Банк «Ренессанс Кредит»	13,78	5,03
Банк «Русский Стандарт»	36,49	43,25
Сетелем Банк	6,61	5,90
Банк «Хоум Кредит»	8,18	4,49
Русфинанс Банк	10,63	8,15
МТС Банк	36,42	30,29
Восточный Экспресс Банк	23,44	23,76
Кредит Европа Банк	12,61	13,04

Источник: ИА «Банки.ру». www.banki.ru/banks/ratings (дата обращения: 20.11.2017).

специализируется на нем, а «Хоум Кредит» сотрудничает с коллекторскими агентствами, в том числе по полной переуступке прав требования по договорам с длительной просроченной задолженностью, что позволяет снизить совокупный уровень просроченной задолженности по кредитному портфелю. Данный инструмент используют и другие банки, указанные в табл. 3. Например, с долговым агентством «Пристав» (ООО «Национальная служба взыскания») из рассматриваемых сотрудничают такие банки, как ОТП Банк, банк «Ренессанс Кредит», Русфинанс Банк, МТС Банк, Восточный Экспресс Банк. Однако, их уровень просроченной задолженности все равно выше рыночного. За год можно отметить положительную динамику: среднерыночный уровень просроченной задолженности на 01.10.2017 г. составлял 8,2%, и только у шести из рассматриваемых одиннадцати банков уровень просроченной задолженности превышает данный показатель. Высокий уровень просроченной задолженности по кредитному портфелю (у банка Русский стандарт, например, в октябре 2017 года этот показатель превышает 40%) подтверждает то, что агрессивная кредитная политика, характерная для экспресс-кредитования, ведет к формированию кредитного портфеля с низким качеством активов и, соответственно, с высоким уровнем риска.

Особенностью данного кредитования является быстрота и простота оформления кредита, в результате чего стали довольно распространенными ситуации, в которых заемщик, не ознакомившись надлежащим образом с условиями кредитования, принял решение об оформлении несоразмерного с его доходом кредита под влиянием сиюминутного желания нового приобретения и при этом согласился с завышенной процентной ставкой по кредиту, а также на приобретение дополнительных дорогостоящих услуг, например, таких как страхование жизни и здоровья. Низкая финансовая грамотность, а также современные модели кредитного поведения населения способствуют расширению возможности применения такой кредитной политики.

Исследователи проблем кредитного поведения в современной России отмечают, что сейчас активно развивается «новая мораль»: мораль опережающего потребления по отношению к накоплению; мораль убегания вперед; форсированного инвестирования; ускоренного потребления и хронической инфляции. В результате вещь сначала покупают, а затем уже «выкупают» ее своим трудом. Подчас этот «выкуп» становится тяжелым бременем для людей, не рассчитавших свои силы и материальные возможности [10, с. 3]. Прежде чем принять на себя долговые обязательства, заемщик обязан оценить свою платежеспособность, спланировать свой бюджет, продумать действия в случае ухудшения своего финансового положения. Взвешенное и обдуманное решение не должно приниматься под влиянием сиюминутного желания новой покупки, что ставит под сомнение необходимость такого вида кредитования, которое в большинстве случаев неоправданно дорого стоит, ведет к наращиванию некачественных активов и к формированию чрезмерной долговой нагрузки на население, что, в свою очередь, «признано мировым сообществом опаснейшим фактором, создающим системный риск как для национальных экономик, так и для всей мировой финансовой системы» [3, с. 31].

Коммерческие банки в лице своих представителей в торговых организациях в большинстве случаев будут действовать, придерживаясь агрессивной тактики продаж, в соответствии с установленными им плановыми показателями. Умение продать банковский продукт – это основной критерий отбора специалистов на данные вакансии. Одной из задач их деятельности является формирование потребности у клиента, для которой ему потребуются кредитные средства, т. е. они стремятся к продаже кредитных продуктов таким клиентам, которые изначально не планировали пользоваться кредитными средствами. При этом информирование о существенных деталях договора, как правило, производится вскользь, без акцента на полной стоимости кредита. В большинстве случаев клиенту озвучивается лишь размер платежа и срок кредита, которые без детального изучения кажутся заемщику приемлемыми.

Следующим этапом «привязки клиента» становятся «веерная рассылка» кредитных карт, звонки со «специальными» предложениями, возможно, ограниченные по сроку, предложения по рефинансированию долга, которые позволяют снизить платеж, но при этом увеличивают срок, а значит и общую сумму уплаченных банку процентов, а нередко предполагают также и предоставление дополнительных кредитных средств заемщику, что увеличивает долговую нагрузку, а также и другие методы психологического давления на клиента. Описанные практики являются одними из признаков хищнического или грабительского кредитования. Очевидно, что данный кредитный рынок требует жесткого регулирования. Возможно, ограничение или даже запрет некоторых видов «экспресс-кредитования», например, таких как кредитование в торговых организациях станет эффективной мерой, примеры подобных мер встречаются в мировой практике: «в США Бюро по защите прав потребителей финансовых услуг (Consumer Financial Protection Bureau) запретило кредиты, для получения которых предъявлялись минимальные требования или не предъявлялось никаких требований к предоставлению документов (Alt-Aloans). Дорогостоящие краткосрочные необеспеченные кредиты (payday loans), широко распространенные во многих странах, были запрещены в 15 американских штатах и в округе Колумбия» [11, с. 40].

Решение проблемы роста просроченной задолженности необходимо для укрепления надежности всего банковского сектора России, поэтому требуется обязательное вмешательство государства в кредитную политику коммерческих банков, усиление контроля за принципами кредитования, применяемыми коммерческими банками, нормативное ужесточение требований к платежеспособности заемщиков.

В настоящий момент существует Бюро кредитных историй, с помощью которого банки могут получать информацию о том, как потенциальный заемщик обслуживал полученные ранее кредиты, чтобы на основании этих данных строить прогноз о предстоящем погашении кредита. Но для анализа платежеспособности в первую очередь необходимы достоверные данные о доходе. На наш взгляд, представляется целесообразным создать единую базу о доходах населения совместно с ФНС, с условием получения доступа к данным только с письменного согласия заемщика, которое он сможет дать при заполнении заявки на кредит. Это позволит повысить эффективность анализа платежеспособности заемщика и при этом упростит процесс сбора информации. Внедрение такой системы приведет к прекращению возможности предоставления кредитных продуктов лицам, не имеющим стабильного официального дохода, а также для получения кредитов по поддельным документам о занятости и доходе. Отметим, что подобная практика уже применяется в европейских странах [12, с. 121–123]. Данная

мера позволит снизить риски роста просроченной задолженности для банков, а также закрыть доступ к кредитным ресурсам лицам, занятым в теневом секторе экономики, что будет косвенно способствовать его сокращению. На текущий момент большинство банков в том случае, если заемщик получает «серую» заработную плату, принимают для подтверждения справки о доходах, заполненных в свободной форме или по форме банка. Таким образом, складывается ситуация, при которой банковское сообщество официально признает и в некоторой степени поддерживает теневой сектор экономики, что, по нашему мнению, является абсолютно недопустимым.

Эффективная банковская система, функционирующая в интересах всех взаимодействующих сторон в соответствии с принципами ответственного кредитования, учитывающая в качестве приоритетов не только финансовые результаты, но и социальный эффект от деятельности кредитных организаций [13], будет способствовать экономическому росту в стране. Однако, чтобы выстроить такую систему, требуется активное участие государства в регулировании банковского сектора России. На наш взгляд, необходимо ужесточить контроль за утверждением и соблюдением кредитных политик коммерческих банков, привести их в максимальное соответствие стандартам ответственного кредитования, которые подразумевают добросовестные открытые отношения между банками и заемщиками, в рамках которых заемщик имеет возможность ознакомиться со всеми условиями кредитования и принять взвешенное решение по результатам полученной информации, а банки действуют беспристрастно, не оказывая психологического давления на клиентов, не используя агрессивные тактики продаж. В текущих условиях эффективно контролировать деятельность коммерческих банков, чтобы они не навязывали дополнительные платные услуги, не удастся (подтверждением тому служат многочисленные судебные процессы по отказу от участия в навязываемых программах страхования жизни и здоровья, к которым подключают заемщиков [14]).

Также представляется целесообразным ограничить возможности банков по навязыванию дополнительных платных услуг. В контексте продвижения страховых услуг при кредитовании населения необходимо пересмотр самого подхода к реализации данных услуг: страхование заемщика уменьшает не только его личные риски, но и риски коммерческого банка. Соответственно, логично было бы учитывать наличие страхового полиса, как обеспечения по кредиту, которое позволяет снизить процентную ставку. При этом у заемщика должна быть возможность выбора страховой компании и сроков оформления страхового полиса (на год с последующим продлением/на весь срок кредитования). В текущих условиях кредиторы навязывают дорогостоящие услуги по страхованию жизни и при этом не учитывают факт пере-

дачи части рисков страховой компании при определении стоимости кредита для заемщика. В том случае, если банк не готов расценивать договор страхования в качестве обеспечения, снижающего уровень риска и, соответственно, процентную ставку по кредиту, то, на наш взгляд, необходимо исключить этот продукт из линейки продаж данного коммерческого банка во избежание его навязывания клиентам. Заемщик при необходимости сможет получить эту услугу в любой устраивающей его страховой компании по той стоимости, которую сочтет для себя приемлемой и, таким образом, интересы заемщиков не будут ущемлены.

Предложенный комплекс мер (запрет «экспресс-кредитования», создание единой полноценной базы данных для оценки кредитоспособности, усиление контроля за утверждением и соблюдением кредитных политик коммерческих банков, нормативное ограничение возможностей навязывания банковских услуг) будет способствовать применению банками более ответственного подхода к кредитованию, не допускающего агрессивной кредитной политики, а также стабилизации банковского сектора в целом, создания благоприятных условий для экономического роста России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Управление деятельностью коммерческого банка (банковский менеджмент) / Под ред. д.э.н., проф. О.И. Лаврушина. М.: Юрист, 2005.
2. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. и вступ. статья В.С. Катькало; пер. с англ. Ю.Е. Благова, В.С. Катькало, Д.С. Славнова, Ю.В. Федотова. Н.Н. Цытович. СПб.: Лениздат, CEV Press. 1996.
3. Стахович Л.В., Семенкова Е.В., Рыжановская Л.Ю. Модель финансового регулирования и надзора при реализации практики ответственного кредитования: механизмы и инструменты / Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 13 (247). С. 29–41.
4. Банковское дело. Управление и технологии: Учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Под ред. проф. А.М. Тавасиева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
5. Кредитный портфель коммерческого банка. Учеб. пособие / Е.А. Бибикина, С.Е. Дубова. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА. 2013.
6. Муфлиев Р.Я. Реалии последствий агрессивной политики банков по коммерческому кредитованию и необходимость в механизме обеспечения возвратности банковских ссуд // Путь науки. 2015, № 2 (12) С. 59–63.
7. Носкова Е. Кредиты не нужны клиентам: агрессивная кредитная политика раздражает клиентов // Российская Бизнес-газета. 2013. № 910 (32). rg.ru/2013/08/19/banki-site.html (дата обращения 13.05.2018).

8. К чему приведет агрессивная маркетинговая политика банков? // ИА «Банки.ру». www.banki.ru/forum/?PAGE_NAME=read&FID=9&TID=340611 (дата обращения 13.05.2018).
9. Лихницкая Д. Довесок к кредиту: можно ли отказаться от навязываемой страховки // РБК, 27.10.2017. www.rbc.ru/money/27/10/2017/59edefdf9a79472c786b0310 (дата обращения 14.05.2018).
10. Белехова Г.В. Кредитное поведение населения: современные аспекты (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2014. № 1 (11). С. 1–14.
11. Никулина С.И., Урумов Т.Р., Раков И.Д. Ключевые принципы ответственного кредитования и регулятивные подходы в развитых странах и в России // Экономическая политика. 2015. № 12 (246). С. 38–47.
12. Пфау Е.В. Технологии розничного банка. М.: КНОРУС: ЦИПСИР. 2016.
13. Рыжановская Л.Ю., Стаханович Л.В. Ответственное кредитование как императив устойчивого развития // Деньги и кредит. 2015. № 3. С. 40–46.
14. Судебные и нормативные акты РФ. sudact.ru (дата обращения: 14.05.2018).
15. Синки Д. Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг. М.: Альпина Диджитал. 2002.
16. Mbroh J.K., Koomson K.A. The Credit Policies and Credit Finance Creation Practices by Commercial Banks: Perspectives of Staff and Clients of the Prudential Bank Limited // International Journal of Economics Finance and Management Sciences. 2015. Vol. 3. No. 5. Pp. 441–452. DOI: 10.11648/j.ijefm.20150305.15.

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Dmitrievna Frolova – Postgraduate Student of Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.
nrasskazikhina@yandex.ru

AGGRESSIVE CREDIT POLICY OF COMMERCIAL BANKS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The article analyzes the problems associated with the aggressive credit policy of commercial banks and the growth in the level of overdue debt on their loan portfolio. The tools used by banks in aggressive, "predatory" lending and the possible consequences of applying such a model of banking business for the country's economy, are considered. The author offers a set of measures that limit the possibility of banks applying aggressive credit policy.

Keywords: *aggressive credit policy, commercial banks, overdue debts, responsible lending, credit risk.*

JEL: G21, G28.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.М. ВОЛКОВ

кандидат экономических наук, зав. сектором экономики европейских стран
Центра европейских исследований Национального исследовательского
института мировой экономики и международных отношений РАН
им. Е.М. Примакова

МИГРАНТЫ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: ШВЕДСКИЙ ПОДХОД¹

В последние годы проблема миграции резко обострилась. В результате «арабской весны» сменились режимы во многих странах арабского мира, начались гражданские войны в Сирии и Ливии, по-прежнему неспокойно в Ираке и Афганистане. В этих условиях усилился поток беженцев из этих стран, прежде всего в государства Европы. Во второй половине 2015 г. он достиг своего максимума. Большинство европейских стран оказались в сложной ситуации из-за наплыва мигрантов. Эта волна докатилась и до Северной Европы. Швеция в течение длительного времени проявляла либеральный подход в отношении миграции. В этой статье исследуется специфика подхода Швеции к решению современных миграционных проблем. Государство по-прежнему склонно активно принимать иммигрантов. Однако усиление антимиграционных настроений в обществе заставляет приниматься определенные решения, ведущие к пересмотру сложившихся моделей интеграции беженцев и экономических мигрантов.

Ключевые слова: Швеция, Европейский союз, миграционный кризис, беженцы, экономические мигранты, рынок труда.

JEL: F15, J10, J61, J62.

Традиционно считается, что иммиграция обеспечивает принимающие общества недостающими трудовыми ресурсами и вносит весомый вклад в их экономическое развитие. Однако в условиях, когда отчетливо проступают негативные социально-политические последствия иммиграции (усиление угрозы терроризма, потеря национальной иден-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Структурная трансформация интеграционного процесса в ЕС под влиянием глобализирующихся миграционных потоков» (проект №17-07-00040) в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

тичности, рост межэтнических конфликтов и национализма) позитивный хозяйственный эффект иммиграции подвергается сомнению. Сторонники ограничения иммиграции приписывают ей увеличение безработицы, падение заработков среди коренного населения, повышение социальных расходов, замедление экономического роста и пр.

Позиция правительства Швеции по иммигрантам однозначная: надо их принимать, обеспечивать, давать блага и интегрировать в шведское общество. Однако в российских и зарубежных СМИ преобладает иная позиция, а именно критика недальновидной политики в отношении иммигрантов. Цель данной статьи – разобраться в том, каковы перспективы и социально-экономические последствия принятия Швецией за последние годы столь огромной для нее квоты мигрантов.

История миграции в Швецию

Иммиграция была важным источником роста населения и культурных изменений на протяжении почти всей истории Швеции. Управление по делам миграции (Migrationsverket) разделяет прибывающих на протяжении всей истории Швеции мигрантов по национальности: немцы Ганзейского союза – в период Средневековья; финны, поселившиеся на берегу озера Меларен в XVI в.; румыны (с XVI в.); жители Валлонии с конца XVII в.; финны из провинции Саво, которые в XVII в. не облагались налогами в том случае, если они селились в неосвоенных лесах; евреи, которым позволялось селиться в некоторых шведских городах в XVIII в.; французские просветители, художники и философы в XVIII в.; итальянцы, которые привезли с собой технологии создания фресок в XIX в.; шотландцы, которые запустили пивоваренные заводы².

Швеция была активно вовлечена в торговлю с Ганзейским союзом, что и подтолкнуло немецких купцов селиться в таких прибрежных городах, как Кальмар и Висбю. Немецкие иммигранты того времени привезли с собой свои обычаи и традиции, оставившие отпечаток на шведском обществе. Появились немецкие общины, строились церкви. В 1470-х немец Иоганн Шнель (Johann Snel) основал на Риддархольмене (Riddarholmen) в Стокгольме первую в Швеции типографию.

Однако в эпоху Густава Васы и перехода Швеции в протестантизм существовали более строгие правила в отношении приема евреев и цыган в качестве иммигрантов. В 1637 г. вышел указ, согласно которому все румыны (цыгане) должны были покинуть страну под страхом

² Migrationsverket: Historik. www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Fakta-om-migration/Historik.html.

смертной казни. В 1782 г. был введен регламент, по которому только хорошо обеспеченные евреи могли селиться в Швеции. Им было запрещено состоять в браке с жителями другой национальности. Евреи не могли занимать гражданские посты, а также заниматься политикой.

В великодержавный период (1611–1718 гг.) шведские города росли настолько быстро, что дополнительная рабочая сила была просто необходима. Наибольшее количество иммигрантов приезжали из Голландии и Валлонии. Большинство из них занимались добычей железной руды и постройкой кораблей. Кроме того, в университетах появились преподаватели-иностранцы.

В XIX в. рост экономического неравенства среди быстрорастущего населения привели к углублению социальных проблем, и уровень эмиграции значительно превысил иммиграцию в страну. Все это в сочетании с неурожаем и голодом привело к первой массовой эмиграции в 1853–1873 гг., когда 103 тыс. шведов (свыше 3% населения) переселились в Северную Америку. Вторая волна эмиграции наблюдалась через 6 лет: за 1879–1893 гг. в среднем 34 тыс. шведов ежегодно эмигрировали в Северную Америку, а пиковым годом стал 1887 г., когда уехало из Швеции 50 тыс. человек. Всего же за 1865–1930 гг. эмигрировали почти 1,4 млн человек. Из них $\frac{1}{4}$ вернулась на родину, а остальные остались в Северной Америке, прежде всего в США, остальные поселились в других северных странах [1, с. 180].

Начало XX в. можно назвать расцветом шведского национализма. Широкое распространение получила политика расовой биологии (Rasbiologi), которая разделяла всех людей по отдельным наследственным признакам на отдельные расы – низшие и высшие. Данная политика способствовала снижению иммиграции в страну [2]. В 1917 г. для иммигрантов были введены паспорта, появились первые нелегальные иммигранты (около 16000 человек).

В период Второй мировой войны Швеция официально заняла позицию нейтралитета, что привело к еще одной волне иммиграции. В 1939 г. страна приняла 5 000 беженцев, 3 000 из которых были евреями. После оккупации Гитлером Норвегии и Дании еврейские беженцы из этих стран также переселились в Швецию. В число этих беженцев входили этнические немцы из Германии и граждане Дании и Норвегии.

В начале 1950-х годов северные страны создали общий рынок труда, что способствовало крупномасштабной миграции из Финляндии в Швецию. До середины 1970-х годов сюда в основном стремились трудовые мигранты, число которых на рынке труда в 1970 году достигло 78 000 человек.

Между 1980 и 1990 г. рабочая иммиграция (arbetskraftsinvandring) в Швецию стала уменьшаться, а иммиграция с целью получения убе-

жища (*flyktinginvandring*) и в рамках воссоединения семей, в основном из стран Ближнего и Среднего Востока, Восточной Азии, Африки и Латинской Америки, стала возрастать. Причиной стали войны на Ближнем Востоке и в Африке. В этот период в Швецию прибывали иммигранты из таких стран, как Иран, Чили, Ливан, Польша и Турция. В годы войн на Балканах Швеция также активно принимала беженцев. Рекорд был зафиксирован в июле 1992 г. (14 106 беженцев), в всего в 1992 г. в страну прибыло около 84 тыс. беженцев.

В 2000 г. общая численность мигрантов в Швеции превысила 1 млн человек. В 2009 г. среди иммигрантов в Швеции ведущие позиции занимали финны (172 тыс. человек), иракцы (118 тыс.), югославы (72 тыс.), поляки (68 тыс.), иранцы (60 тыс.), боснийцы (56 тыс.), немцы (48 тыс.), датчане (46 тыс.), норвежцы (44 тыс.) и турки (41 тыс. чел.)³.

Современное положение в сфере миграции

На современном этапе наблюдается новая большая волна иммиграции в страну. В 2010–2015 гг. 20% всех мигрантов составляли просители убежища, 18% – граждане из других государств ЕС, имеющие право на свободное передвижение, 17% – шведы-репатрианты, 32% прибыли в рамках воссоединения семей, 4% – с целью получения образования, и только 9% приходилось на трудовых мигрантов из третьих стран, получивших разрешение на работу [3, с. 99]. При этом в последние годы число иммигрантов рекордно растет. Количество шведов, рожденных за границей, составило в 2016 г. 1,784 млн. человек, или 17,9% населения страны⁴. С 2012 г. число мигрантов, ежегодно въезжающих в страну, превышает 100 тыс. человек. Более того, никогда раньше Швеция не принимала столь огромное число беженцев, как в 2015 г. – 163 тыс. человек⁵. Это почти в два раза больше рекорда, установленного в 1992 г. в связи с Балканским кризисом. В 2014 – первой половине 2015 г. около 4 000 – 5 000 беженцев ежемесячно прибывали в Швецию. Резкий скачок произошел летом 2015 г.: в период с июня по октябрь число беженцев увеличилось приблизительно в 6 раз (6 619 человек в июне, 8 065 – в июле, 11 746 – в августе, 24 307 – в сентябре, 39 196 человек – в октябре). Таким образом, октябрь 2015 г. вошел в шведскую историю как месяц, за который было принято наибольшее количество беженцев. В ноябре 2015 г. оно составило 36 726 человек, в декабре,

³ SCB Befolkningsstatistik. www.regeringen.se/contentassets/dd303e8dfe24477cbded3eccac15f88e/forskningsrapport-utrikes-fodda-pa-den-svenska-arbetsmarknaden.

⁴ scb.se. Демография Швеции. svspb.net/sverige/graphic.php?g=demografija.

⁵ Sweden and migration. sweden.se/migration/#2015.

после принятия ряда мер, – 13 872 человек⁶. (В то же время число эмигрантов из Швеции с 2011 по 2015 г. превышало ежегодно 50 тыс. человек, в 2016 г. – 46 тыс.)⁷.

Причины, по которым иммигранты и беженцы выбирают именно Швецию, могут быть, в частности, следующими. Швеция занимает второе место в рейтинге самых социально развитых стран, что включает в себя критерии основных потребностей человека, благополучия человека, возможности развития человека, и входит в тройку стран с наиболее высоким уровнем жизни. В стране имеются различные категории денежных пособий (bidrag). Так, пособие по безработице составляет около 2,8 тыс. крон. Швеция приняла решение давать вид на жительство в своей стране сирийским беженцам (3 сентября 2013 г.), чего не сделала ни одна европейская страна.

Массовый приток беженцев и нелегалов в 2015 г. был связан с обострением миграционного кризиса из-за дестабилизации обстановки и усиления военных действий в Сирии, Афганистане, Ираке и Ливии. Из 1,26 млн официально поданных в 2015 г. в ЕС первичных прошений о предоставлении убежища на Швецию приходилось 12%, и она уступила лишь Германии и Венгрии⁸. По данным Евростата, в 2014–2015 гг. более 50 тыс. сирийцев, 41,2 тыс. афганцев, 20,2 тыс. иракцев, 6,5 тыс. эритрейцев подали прошение о предоставлении убежища⁹. В 2015 г. было подано в общей сложности 58,8 тыс. прошений, из которых 32,5 тыс. (более 55%) оказалось удовлетворено¹⁰. При этом значительное число мигрантов получило отказ в предоставлении убежища, и в ближайшее время Швеция планировала выслать из своих пределов 80 тыс. выходцев из стран Ближнего Востока и Африки.

В 2016 г., согласно данным Управления по делам мигрантов, вид на жительство в Швеции получили 150 тыс. человек. Наибольшая часть обратилась за получением статуса беженца. 68 682 человека получили убежище в Швеции. Кроме того, 1 889 получили ПМЖ по квоте. Из второй категории мигрантов (тех, кто приехал работать и учиться) получили вид на жительство 12 985 человек (работа) и 8 000 (на получение образования). Вид на жительство по причине воссоединения

⁶ Migrationsverket. www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Facts-and-statistics-/Statistics.html.

⁷ Swedensights.ru. Иммиграция и эмиграция в Швеции (2015–2016 годы).

⁸ Eurostat news release 44/2016 of 4 March 2016 on asylum applicants in 2015. ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6.

⁹ Asylum and First Time Asylum Applicants by Citizenship, Age and Sex. Annual Aggregated Data (Rounded). Eurostat, 2016. appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do.

¹⁰ Asylum Decisions. Swedish Migration Agency, 2015. www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Facts-and-statistics-/Statistics.html.

с родственниками (под родственниками понимаются супруг, супруга, зарегистрированный партнер, гражданский супруг/супруга с детьми младше 18 лет) за 2016 г. получили 39 032 человека. В эту цифру были также включены дети, родившиеся в Швеции у тех, кто имел временный вид на жительство.

Также на территории Швеции находятся те, кто не получил разрешение на работу или вид на жительство. Среди них и те, кто получил отказ о предоставлении статуса беженца и скрывается от властей или кто нелегально проник в Швецию.

Шведская миграционная политика

Среди членов ЕС Швеция отличается самой благоприятной и либеральной политикой по приему беженцев и вынужденных переселенцев. В Швеции к беженцам относят тех, кто бежит из своей страны, имея на то веские причины – из страха преследований и гонений из-за расы, национальности, религии, принадлежности к определенным общественным группам (пол, сексуальная ориентация, родственные связи, положение в обществе) или по политическим причинам как со стороны государства, так и террористических организаций. Если Швеция при этом не может по каким-либо причинам предоставить убежище, она должна предоставить гарантию, что заявитель сможет получить его в другой стране. Существуют также и иные причины для предоставления убежища: если человеку грозит смертный приговор, смертная казнь или пытки у себя на родине и если мирный гражданин стремится избежать риска пострадать от военного конфликта¹¹.

К мигрантам относят тех, кто переезжает из одного места в другое, как правило, из-за работы. Переезд может быть как вынужденным, так и добровольным. Большинство стран требует разрешения на работу (*arbetstillstånd*). Те, кто работает в стране без разрешения на работу, являются нелегальными мигрантами (*irreguljära migranter*).

Причины иммиграции могут быть разными: работа, воссоединение с семьей, возвращение эмигрантов или усыновление. К иммигрантам в Швеции относят лиц с постоянным видом на жительство, которые уже имеют или планируют получить гражданство, а также тех, кто уже получил статус беженца (*flykting*) и постоянный вид на жительство¹². К ним не относятся те, кто ожидает получения статуса беженца (*asylsökande*), лица с временным видом на жительство (например, гастарбайтары), студенты из-за границы.

¹¹ Migrationsverket: Asylregler. www.migrationsverket.se/4.5e83388f141c129ba637a0.html.

¹² Migrationsverket: Vanliga begrepp när det gäller statliga ersättningar. www.migrationsverket.se/Andra-aktorer/Kommuner/Statlig-ersattning/Vanliga-begrepp.html.

В Швеции проводится одна из самых либеральных политик в области иммиграции: в середине 2010-х годов положительный ответ получало рекордное число заявителей на предоставление убежища – до 80%, при 44% в среднем по ЕС. В период ожидания решения беженцев размещают в специальных центрах, где им предоставляется медицинское обслуживание, питание, помощь в приобретении одежды, средств первой необходимости и услуги переводчика.

Порядок предоставления статуса беженца регламентируется «Законом об иностранцах» и международными Конвенциями по защите прав и свобод беженцев. Эти законодательные акты определяют критерии отбора, категории лиц и правила предоставления защиты. Иммигрировать в Швецию как беженец может человек, который докажет, что подвергается преследованиям на родине и его возвращение туда представляет реальную угрозу для жизни и здоровья.

Заявление на получение статуса беженца одновременно является просьбой о предоставлении временного вида на жительство (ВНЖ). Если власти не найдут достаточных оснований для предоставления убежища, то принимается решение о депортации. Чаще всего процесс рассмотрения занимает от 6 до 12 месяцев.

ВНЖ в Швеции дает право на пребывание в течение строго определенного времени. Имея шведский вид на жительство, можно пользоваться многими правами и социальными льготами наряду с теми, кто уже имеет гражданство Швеции. С таким документом даже разрешается проживать на территории одной из стран Евросоюза, но не более чем 3 месяца. При соблюдении всех правил и законов страны через 5 лет можно начинать оформление постоянного вида на жительство. В некоторых случаях стать постоянным резидентом можно и за более короткое время. Сроки получения ПМЖ в Швеции могут быть совсем разными – они зависят от вида иммиграционного процесса и конкретной программы иммиграции. Сразу получить ПМЖ могут участники программы воссоединения семей. Два года потребуется иммигрантам, которые собираются заняться бизнесом. Четыре года постоянного проживания нужны для работников по найму, пять лет проживания – для обладателей вида на жительство.

Основная цель Швеции – как можно быстрее предоставить переселенцам доступ к местному рынку труда и интегрировать их. Помочь в этом могут специальные языковые курсы, уроки страноведения, ориентированные на последующую трудовую деятельность, курсы и стажировки. Однако, несмотря на столь активную работу, в Швеции уже возникают проблемы с нехваткой жилья для мигрантов, растет безработица среди них, усиливается нагрузка на небольшие коммуны. Чем больше политики стараются интегрировать беженцев, тем серьезнее становится раскол в шведском обществе.

Осенью 2015 г. в связи с кризисом беженцев, когда каждую неделю в Швецию прибывало около 10 тыс. человек, были внесены изменения в порядок приема беженцев. Например, теперь большинство из них получает не ПМЖ, а временный вид на жительство. Также стало сложнее перевезти семью. На границе был введен паспортный контроль.

В Швеции существует годовая квота беженцев, возвращение домой которых, согласно Комиссии ООН по беженцам, не предполагается. До 2016 г. эта квота составляла 1 700–1 900 человек, после 2016 г. эта цифра возросла до 5000 человек в год.

Толерантное отношение к представителям чужих культур и мультикультуралистский подход властей к национальной миграционной политике привели к целому ряду проблем, особенно после усиления притока экономических мигрантов и беженцев из стран Африки и Азии. Наиболее образованные приезжие смогли адаптироваться к местным условиям жизни, получив работу в торговле и сфере услуг. Остальные же, не имея профессиональной подготовки и достаточного уровня образования, предпочитали жить на пособия или заниматься неквалифицированной работой. Они не стремились к ассимиляции и интеграции, селились в этнических гетто и замкнутых анклавах в пригородах крупных городов.

Серьезной проблемой для Швеции, как и для многих других стран ЕС, является нелегальная иммиграция (ситуация заметно ухудшилась со вступлением в силу Шенгенского соглашения). Она осложняется еще и тем, что не все прибывающие беженцы в страну имеют с собой документ, удостоверяющий личность, например, в связи с потерей или кражей документа. За последние четыре года 182 399 беженцев не предоставили паспорт. При этом многие из них получили вид на жительство¹³. Основные страны, из которых в Швецию прибывали беженцы и иммигранты без документов в 2014 г., – Афганистан, Эритрея, Сомали, Ирак, Марокко. Ситуация с «легальными» сирийцами в 2014 г. улучшилась, так как правительство приняло закон, согласно которому сирийские беженцы получали ПМЖ в Швеции.

Масштабы нелегальной миграции достоверно оценить невозможно. Согласно официальным данным правительства Швеции, в стране находятся примерно 54 тыс. нелегальных иммигрантов¹⁴. По существующим прогнозам, эта цифра в ближайшее время может вырасти до 100 тыс. человек.

¹³ Bisarr statistik från Migrationsverket / Thoralf Alfsson. thoralf.bloggplatsen.se/2015/03/30/11059737-bisarr-statistik-fran-migrationsverket.

¹⁴ Sveriges verkliga befolkningensmängd / Skriftlig fråga till statsråd. data.riksdagen.se/fil/5E0F4430-10E3-4092-B960-C0DCE4670142.

Поток беженцев в Швецию уменьшился после введения временного контроля на границе (12 ноября 2015 г.) и требования предъявлять удостоверение личности с фотографией (4 января 2016 г.). Кроме того, шведские власти планировали ужесточить правила приема беженцев, предоставляя им вместо постоянного вида на жительство временный на срок от года до трех лет (соответствующий закон вступил в силу 20 июля 2016 г. и будет действовать три года). Также вводятся ограничения на воссоединение семей беженцев и ужесточаются правила по материальному обеспечению родственников мигрантов, уже имеющих вид на жительство. Постоянный вид на жительство мигрантам до 25 лет предоставляется только при наличии доходов и оконченого школьного образования.

Изменения в шведской миграционной политике частично связаны с тем, что большинство стран ЕС не выполнили своих обязательств по приему беженцев. В начале 2016 г. министр труда Илва Юханссон, координатор работы правительства по приему беженцев, прокомментировала ситуацию следующим образом: «Беспрецедентный рост населения привел к недостатку имеющихся в стране ресурсов – жилья, школ, здравоохранения. И поэтому мы не можем продолжать принимать такое количество людей каждый год – это слишком большая нагрузка для нашего общества».

Последствия миграции для экономики

Для страны с населением в 10 млн человек интеграция вновь прибывших иностранцев стала серьезным вызовом для всего общества и государственных структур. Конечно, высококвалифицированные иммигранты вносят неопределимый вклад в сфере научной деятельности, производства, медицины, образования и др. Кроме того, в последние годы население Швеции стремительно стареет, а поэтому приток новой рабочей силы может влить новую кровь в шведскую экономику. Но структура иммиграции в Швецию свидетельствует о том, что высококвалифицированные специалисты и так называемая «рабочая иммиграция», мотивированная стремлением иммигрантов найти работу в результате высокой безработицы у себя в стране, составляет незначительную долю от общего числа прибывших в Швецию за период с 2014 г. В последние годы лишь 30% беженцев, прошедших программу интеграции, смогли найти работу или продолжить образование. Для многих из них шведский язык является серьезной преградой при поиске работы. Серьезная проблема – низкая квалификация большинства мигрантов.

В результате многочисленных исследований по изучению кратких и долгосрочных позитивных и негативных эффектов притока бежен-

цев в страну выявилась неутешительная картина. Выяснилось, что социальные расходы, приходящиеся на беженцев, превышают все допустимые пределы. Так, на помощь беженцам выделяется до 55% всех средств, предназначенных на социальные нужды, причем они составляют всего 5,1% всего населения. Всего, по оценкам, около 5,6% всех государственных расходов идет на нужды беженцев. При этом государственная казна получила от тех же беженцев лишь 3,4% от общего объема государственных доходов, поскольку уровень занятости среди беженцев в возрасте от 20 до 59 лет на 20% ниже, чем в среднем по стране, что является следствием плохого знания языка, низкой квалификации, слабой вовлеченности женщин в экономическую жизнь и т. д.

Кроме того, шведы дают иммигрантам, и в том числе беженцам, свободный доступ к образованию. Беженцы-подростки могут окончить гимназию в Швеции даже в том случае, если им отказано в убежище и по решению службы миграции их должны депортировать. В стране наблюдается нехватка учителей, а также снижение уровня и качества образования¹⁵.

Если говорить не о беженцах, а о легальных иммигрантах, то статистика такова: по данным на 2012 г., уровень занятости среди проживших в Швеции менее 4 лет из неевропейских стран составлял лишь 37,7%, а среди проживших от 5 до 9 лет – 49,7%. Безработица среди коренных шведов находится на низком уровне (4,7% в апреле 2016 г.). Однако для лиц, родившихся за пределами Швеции, уровень безработицы составлял уже 14,9%. В декабре 2015 г. агентство занятости Швеции (Arbetsförmedlingen) представило мрачный прогноз, что в 2017 г. до 60% безработных, проживающих в Швеции, будут иностранного происхождения. Таким образом, большинство тех, кто живет в Швеции менее 9 лет и кто прибыл из неевропейских стран, не способствуют экономическому росту в Швеции и скорее являются значительной нагрузкой на всю систему социального обеспечения. Еще один негативный фактор заключается в том, что из-за низкого уровня профессиональной подготовки и образования заработная плата мигрантов ниже, чем в среднем в Швеции, и постепенное увеличение их доли в населении приведет к постепенному снижению пенсий, которые рассчитываются на основании средней заработной платы в стране.

В 2013 г. Швеция заняла второе место среди европейских стран по нелегальной экономике, уступив лишь Бельгии. Размер «черного рынка» Швеции оценили в 59 млрд евро исходя из расчета ВВП

¹⁵ Invandring påverkar skolresultatet / SVT. www.svt.se/nyheter/inrikes/invandring-paverkar-skolresultatet.

в 423 млрд евро. Это означает, что 14% от всей шведской экономики – теневой сектор [4]. Рост теневого сектора экономики и связанный с ним целый ряд негативных последствий ведут к обходу законов о налогах и государственных социальных выплатах, бюджеты и социальные фонды лишаются значительных средств, растет уровень криминала и преступности, повышается уровень коррупции и т. д. Однако есть и позитивные моменты, такие, как, например, рост доходов занятых в теневой экономике граждан, а следовательно, в стране повышается уровень платежеспособности, растет спрос на товары и услуги, что стимулирует рост производства. Также благодаря теневой экономике существует больше возможностей для заработка.

По некоторым оценкам, от 45 до 48% мигрантов трудоспособного возраста не работают¹⁶. В 2014 г. безработица среди иммигрантов составляла 16%. Даже для тех мигрантов, которые находятся в Швеции более 15 лет, уровень занятости составляет 60%, что гораздо ниже среднего показателя по ЕС (71,4%)¹⁷. Зарплата мигрантов составляет менее 40% заработка коренных шведов (самый высокий уровень неравенства в оплате труда среди стран Евросоюза).

Быстрый рост миграционных потоков привел к увеличению расходов государства на обустройство новых мигрантов. Если в 2010–2013 гг. они составляли около 1 млрд долл. в год, то в 2015 г. – уже 4 млрд долл. В среднем мигрант, зарегистрированный как беженец, получает в месяц пособие, превышающее 700 долл. США¹⁸. За 2014 г. расходы по приему беженцев в Швеции составляли свыше 108 тыс. крон на одного человека, что почти вдвое больше, чем аналогичный показатель в среднем по ЕС, и почти в 10 раз выше суммы, которую тратят на прием одного беженца в Германии (около 10 тыс. крон в 2013 г.). В связи с этим следует ожидать увеличения нагрузки на социальную систему страны и усиления напряженности в обществе.

В Швеции каждая коммуна ответственна за прием и интегрирование беженцев. В последнее время государственная ревизионная комиссия критикует систему компенсации коммун за прием беженцев. Речь идет о перечислении денег с государственного уровня на уровень коммун. Сегодня этими переводами денег занимаются почти 600 работников, и стоит это 300 млн крон. За 2016 г. шведские коммуны получили от государства почти 20 млрд крон в качестве компенсации за бежен-

¹⁶ Sweden' Ugly Immigration Problem. The Globe and Mail, 11.09.2015. [www/theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254](http://www.theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254).

¹⁷ Migrant Integration Statistics – Employment. Eurostat, 2016. ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_-_employment.

¹⁸ Sweden' Ugly Immigration Problem. The Globe and Mail, 11.09.2015. [www/theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254](http://www.theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254).

цев, и примерно 12 млрд крон – за недавно прибывших. Критика ревизионной комиссии касается и того, что нынешняя система не дает правительству полной картины подлинных расходов коммун. Получается, что коммуны в провинции полагают, что их расходы покрыты, в коммунах крупных городов толком не знают – покрыты их расходы или нет, а в некоторых уголках – дотации не покрывают расходов коммун. Точного обзора положения дел о расходах нет.

Кроме того, государственная ревизионная комиссия предлагает правительству проанализировать и пересмотреть некоторые пособия. Речь идет о почти 30 различных пособиях. Необходимо тщательно рассмотреть разделение обязанностей, а с ними и расходов между государством и коммунами.

В качестве примера расходов на прием беженцев можно отметить выплаты лэна Крунуберг коммунам по статье «прием беженцев» в 2015 г. Сумма за каждого новоприбывшего беженца в базовой основе соответствует 222 500 кронам в год. Кроме того, на различные расходы, связанные с обучением и поселением на каждого человека, коммуны получают еще 83 100 крон в год. На начальные расходы для беженцев типа переезда или покупки мебели из казны идет от 3 до 7,5 тыс. крон. Коммуны, успешно осуществляющие прием, могут рассчитывать на бонус в размере от 5 до 15 тыс. крон. Но эти деньги получают именно принимающие местные власти, а не сами люди.

Кроме того, в 2015 г. из общего бюджета помощи развитию на прием беженцев в самой Швеции изъято 22%, что составляет примерно 9 млрд крон, то есть такую большую сумму не получают страны и проекты по всему миру, которым Швеция помогает материально. Согласно интервью министра по вопросам международной помощи Исабеллы Лёвин газете «Свенска дагбладет», этот рост связан с общим увеличением числа беженцев, а также с ростом числа одиноких детей беженцев, что влечет за собой удлинение сроков рассмотрения дел и, как следствие, удорожание процедуры. Влияет и рост расходов, связанных с расселением беженцев, с высокими ценами на жилье для этой группы. Кроме того, 80% мигрантов, приехавших в Швецию без сопровождения родителей и без документов и выдающих себя за несовершеннолетних (несовершеннолетним легче получить вид на жительство), оказались старше 18 лет¹⁹.

Согласно недавним опросам, 58% шведов считали, что в страну прибывает слишком много мигрантов. Эти данные свидетельствуют о росте антимиграционных настроений. В стране растет влияние оппозиционных партий, в первую очередь «Шведских демократов», выступающих за ужесточение миграционной политики. «Шведские

¹⁹ flashnord.com.

демократы» в случае своего успеха на выборах 2014 г. обещали сократить иммиграцию на 90% и выступили против «смешивания культур». На выборах эта партия добилась крупного успеха и увеличила свое представительство в риксдаге с 20 до 48 мест и получила 12,9%, или 781 тыс голосов (на прошлых выборах – 5,7%). Ее популистская риторика позволила ей стать третьей по величине партией в риксдаге. По оценке, каждый четвертый избиратель, прежде голосовавший за Умеренную коалиционную партию, отдал на этих выборах свой голос за националистов.

Положение с преступностью

Из-за массового притока иммигрантов и беженцев в стране вырос уровень преступности. В 2016 г. количество преступлений на сексуальной почве увеличилось на 10,8%. За десять лет количество экономических преступлений выросло в 4,5 раза. В 2013–2014 гг. исследования показали, что люди иностранного происхождения превосходят шведов в четыре раза по числу таких преступлений, как ограбления и изнасилования. Исследование Стокгольмского университета объясняет это экономическими различиями между мигрантами и беженцами и коренными жителями (к примеру, доходы семьи, происхождение из бедной среды и нежелание улучшать свое экономическое положение и др.)²⁰.

Несмотря на это, в 2017 г. Шведский институт (Svenska Institutet) заявил, что доказательств того, что новая волна миграции способствует повышению уровня преступности, нет²¹. Рассмотрим некоторые доказывающие обратное случаи, которые привлекли внимание мировой общественности.

В 2013 г. произошли молодежные беспорядки в исламских иммигрантских пригородах Стокгольма и Мальмё. 10 августа 2015 г. Абрахам Укбагабир и его сообщник совершили убийство 2 человек в магазине ИКЕА. Подозреваемые в двойном убийстве в магазине ИКЕА в городе Вестерос являются иммигрантами из Эритреи, которые проживали в центре для беженцев. Они объяснили это «местью за непредоставленное убежище в Швеции»²². Убийство Александры Межер 25 января 2016 г. было совершено ожидающим предоставления убежища выход-

²⁰ Immigrants behind 25% of Swedish crime / The Local. Режим доступа: <https://www.thelocal.se/20051214/2683>.

²¹ What the statistics say about Sweden, immigration and crime / Politifact. www.politifact.com/truth-o-meter/article/2017/feb/20/what-statistics-say-about-immigration-and-sweden.

²² Två dödade i en knivattack på Ikea/ Expressen. www.expressen.se/nyheter/ikea-varuhus-i-vasteras-avsparrat.

цем из Сомали. Убийство произошло в здании проживания детей-беженцев, прибывших без сопровождения родителей в Мёлндале (Mölndal). Убийца изначально был идентифицирован как 15-летний ребенок, но потом экспертиза показала, что ему 18 лет²³. Данный факт отражает еще одну проблему, которая наблюдается в Швеции в последнюю волну миграции. Многие беженцы, прибывающие в страну без документов, называют ложный возраст, чтобы подпасть под категорию «Детей без сопровождения родителей» и таким образом получить больше привилегий²⁴. Экспертиза по установлению возраста является финансово затратной и долгой.

7 апреля 2017 г. в Стокгольме произошел первый в современной истории Швеции теракт, повлекший человеческие жертвы. Его исполнитель, Рахмат Акилов, незаконно проживавший в Швеции, угнал грузовик и задавил несколько прохожих в центре столицы. После вынесения решения о депортации мужчина долгое время скрывался от миграционной службы. 24 февраля 2017 г. дело было передано полиции и он был объявлен в розыск. Подозреваемый в совершении террора был арестован в Швеции. Ему оказывалась помимо прочего медицинская помощь на деньги государства²⁵.

В июле 2017 г. был отменен музыкальный фестиваль «Бравалла» близ Норчепинга из-за совершенных на сексуальной почве действий.

Правительство Швеции, соблюдая толерантное отношение к иностранцам, приняло решение, что каждое заявление, где жертва, подозреваемый или допрашиваемый являются мигрантами, должно быть отмечено специальным кодом «291» (R291). Это решение о секретности, которое все же стало известным шведским СМИ, было принято комиссаром Хоканом Нильссоном (Håkan Nilsson) в отделе полиции по чрезвычайным ситуациям. Поэтому официально все поступающие в полицию Швеции заявления в связи с насилием, угрозами, поджогами и другими преступлениями, фигурантами которых являются мигранты, засекречены для журналистов и общественности, а некоторую информацию о наиболее вопиющих проявлениях преступности можно найти лишь в средствах массовой информации. Данные меры, а также сложные условия работы в связи с неконтролируемым потоком мигрантов повлекли за собой массовое увольнение полицейских. К 2020 г. потребуется дополнительно 2 500 поли-

²³ www.bbc.com/news/world-europe-35406072.

²⁴ В 2014 г. в Швецию прибыли примерно 7 049 несовершеннолетних без сопровождения взрослых, в 2015 г. планировалось принять около 7 800 человек, но цифра составила примерно 35 369 человек, что явилось проблемой для шведских муниципалитетов. Большинство из них (66 %) – выходцы из Афганистана.

²⁵ Akilov beviljas tandvård – får bidrag på 2 253 kronor / Expressen. www.expressen.se/nyheter/brottscentralen/akilov-beviljas-tandvard-far-bidrag-pa-2-253-kronor.

цейских и 1 600 офисных работников полиции только для работы с потоком иммигрантов и из-за увеличения риска терактов. Осталось три года, но за каждый год шведские академии выпускают только 350 полицейских-практикантов, а нужно около 850 новых полицейских в год. И это без учета увольняемых по выслуге лет и убегающих из полиции недовольных²⁶.

* * *

Швеция в течение длительного времени охотно принимала беженцев из многих стран и предоставляла им убежище. Она занимает одно из первых мест по притоку и приему беженцев, несмотря на небольшие размеры самой страны. Причины, по которым иммигранты и беженцы выбирают именно эту страну, состоят в том, что Швеция занимает ведущее место в рейтинге самых социально развитых стран, что включает в себя критерии основных потребностей человека, благополучия человека, возможности развития человека, и входит в число стран с наиболее высоким уровнем жизни. Современный приток беженцев, прежде всего из стран арабского мира, вышел за границы обычного явления для этой страны. Миграционный кризис привел к росту доли иностранных граждан в населении, в том числе мусульман, чуждых по своим религиозным обычаям и традициям шведскому светскому обществу. Рост гуманитарной миграции и просителей убежища привел к также к увеличению нагрузки на систему социального обеспечения и на бюджет страны, однако пользы для экономики принес немного, так как мигранты в основной своей массе обладают низкой квалификацией, а также не хотят работать или долго ждут места на рынке труда. Это ведет к росту социальных рисков, к конфликтам между местными жителями и приезжими и росту преступности. Хотя, вряд ли, этот кризис скажется каким-либо образом на участии Швеции в ЕС и приведет к таким последствиям как, например, Брексит. Представляется, что Швеция сама виновата в том, что проводила чрезмерно либеральную политику и увлеклась приемом беженцев, а не сделала упор на трудовую миграцию, плохо просчитала возможные последствия и не приняла вовремя рестриктивных мер.

²⁶ Förkastligt att vi mörkar sanningen / Expressen. www.expressen.se/gt/forkastligt-att-vi-morkar-sanningen.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. М.: Мысль, 1991.
2. Fördjupning: rasbiologi/Ola Larsmo//Forum för levande historia. www.levandehistoria.se/fakta-fordjupning/rasism-intolerans/rasbiologi.
3. Квашнин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 1. С. 97–107.
4. Sverige tar silver i svarta pengar / Erik Melin // *Aftonbladet*. www.aftonbladet.se/av/0e5cb444-4fa3-4153-bc9d-f1c3fffc3199.

ABOUT THE AUTHOR

Aleksey Mikhailovich Volkov – Candidate of Economic Sciences, Head of the Sector of European Countries' Economies of the Center of European Studies of the Primakov National Research Institute of the World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences
volkov@imemo.ru.

MIGRANTS IN THE NORDIC COUNTRIES: SWEDISH APPROACH

During the last years migration problem became acute. As a result of “Arab spring” regimes changed in many Arabic countries, civil wars began in Syria and Libya, the situation is not calm in Iraq and Afghanistan. The flow of refugees from these countries strengthened first of all to European countries. In the second half of 2015 it reached its peak. The majority of European countries were before the option what to do in this difficult situation. This wave reached the Nordic countries. During long time Sweden demonstrated liberal approach to migration. This article describes specific approach of Sweden to the decision of modern problems of migrants. The state is aimed to actively welcome the migrants. But strengthening of antiimmigrant thinkings in the society makes to take the definite decisions that lead to the rebuilding of existing models of assimilation of refugees and economic migrants.

Keywords: *Sweden, European Union, migration crises, refugees, economic migrants, labor market.*

JEL: F15, J10, J61, J62.

ЭКОНОМЕТРИКА

О.А. КЛАЧКОВА

ассистент кафедры математических методов анализа экономики
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

МОДЕЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ИНФЛЯЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

В статье предложена динамическая модель общего равновесия, в рамках которой анализируется влияние волатильности инфляции на экономический рост. Разработана модификация модели экономического роста Сидрауского: в функции прибыли фирмы включены издержки меню, то есть издержки, которые несут фирмы при пересмотре цен на свою продукцию, вызванном изменением общего уровня цен. В результате решения модели получен вывод о том, что при любой ненулевой волатильности инфляции темпы экономического роста будут ниже, чем в случае нулевой волатильности. Волатильность инфляции оказывает негативное влияние также и на потребление агентов в модели: при любой ненулевой волатильности оно будет ниже, чем в случае нулевой волатильности. Показано, что развитые страны сильнее страдают от высокой волатильности инфляции по сравнению с развивающимися.

Ключевые слова: волатильность инфляции, экономический рост, динамическая модель общего равновесия, издержки меню

JEL: С61, Е52, О42.

Введение

Волатильность инфляции может оказывать влияние на экономический рост и на другие реальные показатели по двум основным причинам. Во-первых, большая волатильность инфляции, как и любая другая высокая неопределенность, может привести к неоптимальным решениям экономических агентов. Во-вторых, волатильность может привести к искажениям в ценообразовании, что, в свою очередь, приведет к неэффективному распределению ресурсов. Накоплено достаточно большое количество эмпирических свидетельств того, что волатильность инфляции оказывает негативное влияние на экономический рост [5; 6; 11; 16].

К построению теоретических моделей влияния на экономический рост такой характеристики инфляции, как ее волатильность, в основном подходят с двух принципиально разных сторон. Во-первых, может быть построена новокейнсианская модель общего равновесия, как это сделано, например, в [7]. Инфляция при этом вводится в модель через задачу потребителя – домохозяйство сталкивается с ограничением на предоплату наличностью при приобретении потребительских благ. Увеличение темпов роста денежной массы уменьшает эффективную отдачу от труда, поскольку денежная единица, заработанная в текущем периоде, не может быть потрачена до следующего периода вследствие ограничения на предоплату наличными. Таким образом, влияние денег на реальную экономику может возникать потому, что высокая инфляция искажает выбор между трудом и досугом.

Во-вторых, в качестве базовой модели можно взять модель принятия решений, используемую Центральным Банком (ЦБ) (см., например, [18]), опирающуюся на результирующие уравнения моделей общего равновесия. Такой подход реализован в работе [11]. В рамках данного подхода минимизируется функция ожидаемых суммарных потерь Центрального Банка, которая зависит, в частности, от отклонения текущей инфляции от таргетируемой. При таком подходе влияние волатильности инфляции на экономический рост возникает, например, если функция потерь ЦБ несимметрична и превышение таргета «хуже» ситуации, когда текущая инфляция ниже таргетируемого уровня.

Однако до сих пор в научной литературе не рассматривалась модель общего равновесия, учитывающая волатильность инфляции, в которой инфляция вводилась бы со стороны производителей (модификация задачи фирмы), что позволило бы проанализировать неоптимальность решений фирмы в условиях высокой неопределенности, порожденной волатильностью инфляции. Для устранения этого недостатка в нашей работе будет рассмотрена модификация модели Сидрауского [17]. Отдельно отметим, что в эконометрических работах [10] зафиксировано разное воздействие инфляции на рост в развитых и развивающихся странах, чему пока не предложено теоретического объяснения. Наша модель позволяет восполнить этот пробел.

Мы будем работать с дискретной постановкой модели Сидрауского [17] (приводимая дискретная версия читается в курсе «Макроэкономика – 3» Е.А. Тумановой и Н.Л. Шагас в магистратуре экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). Сама по себе эта модель является развитием модели Рамсея, в которую добавлен денежный рынок, так как предполагается наличие денежных средств у домохозяйств. Мы будем рассматривать закрытую экономику без государственного сектора, в которой действуют независимые домохозяйства и фирмы.

Предлагаемая в нашей работе модификация заключается, во-первых, в том, что в функцию прибыли фирмы в явном виде включены издержки меню, то есть издержки, которые несут фирмы при пересмотре цен на свою продукцию при изменении общего уровня цен. Это могут быть издержки, связанные с печатью новых ценников, каталогов, прейскурантов и меню, с необходимостью новой рекламы. Наконец, это могут быть издержки от принятия решений при пересмотре цен. Важно отметить, что даже небольшие издержки меню могут приводить к существенным колебаниям совокупного выпуска, как показано в работах [14; 15]. В рамках предлагаемой модификации будет продемонстрировано, что учет издержек меню важен для объяснения долгосрочного влияния кредитно-денежной политики на экономический рост. Во-вторых, в стандартную модель Сидрауского вводятся шоки кредитно-денежной политики: темпы эмиссии денег могут колебаться и для фирмы выступают случайной величиной. Они порождают волатильность инфляции, которая, в свою очередь, приводит к неоптимальным решениям фирм.

В модели Сидрауского, как и в модели Рамсея, поведение экономических агентов определяется решениями соответствующих оптимизационных задач: задачи максимизации полезности репрезентативного домашнего хозяйства (потребителя) и задачи максимизации прибыли фирмы, что делает каждую из моделей экономически обоснованной. Принимая во внимание, что в модель добавлен фактор случайности, важно понимать, какой информацией обладают агенты в модели. Мы предполагаем, что шоки кредитно-денежной политики реализуются в начале каждого периода времени, то есть агенты принимают решения, зная о шоке. В итоге нас будут интересовать средние темпы экономического роста, наблюдаемые в результате решений агентов модели, принятых с учетом реализации шоков кредитно-денежной политики.

Рассмотрим сначала решение каждой из задач в отдельности, а затем общее равновесие в модели.

Введем следующие обозначения: P_t – общий уровень цен в экономике в момент времени t ; L_t – численность населения в момент времени t , все население является занятым; K_t – запас капитала в момент времени t ; Y_t – выпуск репрезентативной фирмы в момент времени t ; C_t – совокупное потребление всех домохозяйств в момент времени t ; S_t – совокупные сбережения всех домохозяйств в момент времени t ; M_t – количество денег на душу населения в номинальном выражении в момент времени t ; $P_t w_t L_t$ – номинальный фонд заработной платы в момент времени t ; X_t – эмиссия денег на душу населения в номинальном выражении в момент времени t ; $K_t = K_t / L_t$ – уровень капиталовооруженности в момент времени t ; $yt = Y_t / L_t$ – уровень производительности в момент времени t ; $c_t = C_t / L_t$ – потребление на душу

населения в момент времени t ; $s_t = S_t / L_t$ – сбережения на душу населения в момент времени t ; $m_t = M_t / L_t$ – количество денег на душу населения в реальном выражении в момент времени t ; $x_t = X_t / P_t$ – эмиссия денег на душу населения в реальном выражении в момент времени t ; $\rho > 0$ – коэффициент межвременного дисконтирования; n – темп роста численности населения, не меняется во времени, t ; $L_{t+1} = (1 + n) L_t$; i_t – номинальная ставка процента в момент времени t ; r_t – реальная ставка процента в момент времени t , $(1 + i_t) = (1 + r_t)(1 + \pi_{t-1})$; π_t – темп инфляции в момент времени t , $P_{t+1} = (1 + \pi_t) P_t$.

Задача потребителя

Совокупное бюджетное ограничение потребителей в экономике имеет вид:

$$P_t C_t + P_t S_t + \underbrace{M_t L_t}_{\text{совокупный запас денег}} = P_t w_t L_t + \underbrace{(1 + i_t) P_{t-1} S_{t-1}}_{\text{процентный доход от сбережений прошлого периода}} + \underbrace{M_{t-1} L_{t-1}}_{\text{неистраченный деньги от прошлого периода}} + X_t L_t \quad (1)$$

В левой части выражения (1) записаны все расходы всех потребителей в момент времени t : совокупное потребление в денежном выражении, совокупные сбережения в денежном выражении, совокупный запас денег. В правой части выражения (1) записаны все доходы всех потребителей в момент времени t : фонд заработной платы, процентный доход от сбережений прошлого периода, неистраченный запас денег от прошлого периода, совокупная эмиссия денег.

Разделим обе части уравнения на $P_t L_t$ и получим индивидуальное бюджетное ограничение потребителя в реальном выражении:

$$c_t + s_t + m_t = w_t + \frac{1 + r_t}{1 + n} s_{t-1} + \frac{m_{t-1}}{(1 + \pi_t)(1 + n)} + x_t \quad (2)$$

Переход от выражения (1) к выражению (2) по каждому слагаемому представлен в приложении.

Каждый потребитель максимизирует следующую функцию полезности на бесконечном временном горизонте:

$$u = \sum_{t=0}^{\infty} \frac{u(c_t, m_t)}{(1 + \rho)^t} \rightarrow \max. \quad (3)$$

Функция полезности является сепарабельной по времени, то есть полезность в каждый момент времени зависит только от потребления и количества денег в реальном выражении в этот момент. Кроме того, выполняются стандартные предпосылки относительно пре-

дельной полезности $u'_c > 0, u'_m > 0, u''_c < 0, u''_m < 0$ и условия Инада: $\lim_{c \rightarrow 0} u'_c = \infty, \lim_{m \rightarrow 0} u'_m = \infty, \lim_{c \rightarrow \infty} u''_c = 0, \lim_{m \rightarrow \infty} u''_m = 0$. Отметим также, что чем выше коэффициент межвременного дисконтирования ρ , тем меньше индивид ценит будущее потребление по сравнению с текущим.

Решение задачи потребителя следует из максимизации соответствующей функции Лагранжа.

После преобразований решение оптимизационной задачи потребителя представимо в виде:

$$\begin{cases} \lambda_t = \frac{u'_c}{(1+\rho)^t} \\ u'_{m_t} = u'_c \frac{i_{t+1}}{1+i_{t+1}} \\ \lambda_{t+1} = \frac{\lambda_t(1+n)}{1+r_{t+1}}, \end{cases} \quad (4)$$

где λ_t – множитель Лагранжа в момент времени t .

Система условий (4) является также достаточным условием максимума функции полезности потребителя (3) при условии (2) в силу предпосылок относительно функции полезности.

Задача фирмы

Экономика работает в условиях совершенной конкуренции. Технология производства репрезентативной фирмы задается производственной функцией со стандартными предпосылками постоянной отдачи от масштаба и убывающей предельной производительности факторов:

$$Y_t = F(K_t, L_t). \quad (5')$$

Если перейти к показателям на единицу труда:

$$y_t = f(k_t). \quad (5'')$$

Источником средств фирм на кредитном рынке являются только свободные средства домашних хозяйств. Фирмы в каждом периоде формируют спрос на труд и на капитал, максимизируя свою текущую прибыль.

Издержки меню – издержки, которые несут фирмы при пересмотре цен на свою продукцию, являются одним из последствий инфляции. В рамках предлагаемой модификации введем в задачу фирмы издержки меню, как это сделано в работе [1]: $\gamma = b \cdot |\Delta P|, b = \text{const} \in (0; 1)$.

γ – издержки меню на единицу выпускаемой продукции – пропорциональны изменению уровня цен с коэффициентом пропорциональности b . Этот коэффициент принимает небольшие значения, меньшие 1, как показано например в [13]. При этом эти издержки возникают как при повышении, так и при понижении уровня цен, однако мы будем рассматривать в модели ситуацию положительной инфляции, поэтому откажемся от модуля. Предполагая, что уровень цен на капитальные товары совпадает с общим уровнем цен на конечную продукцию, запишем реальную прибыль (PR) фирмы:

$$PR = (1 - b \cdot \pi) Y - wL - rK = (1 - b \cdot \pi) F(K, L) - wL - rK \rightarrow \max \text{ по } K, L. \quad (6)$$

Необходимое условие экстремума реальной прибыли в терминах показателей на единицу труда, являющееся также достаточным в силу предпосылок производственной функции, имеет следующий вид:

$$\begin{cases} (1 - b \cdot \pi) f'(k) - r = 0 \\ (1 - b \cdot \pi)(f(k) - f'(k) \cdot k) - w = 0. \end{cases} \quad (7)$$

Для нас представляет особенный интерес первое равенство в системе (7): $f'(k) = r / (1 - b \cdot \pi)$.

Учитывая предпосылку об убывающей предельной производительности капитала видно, что с ростом уровня инфляции оптимальный уровень капиталовооруженности снижается. Таким образом, на содержательном уровне понятно, что с ростом уровня инфляции растут издержки меню, так как они пропорциональны изменению уровня цен, что снижает предельную выгоду от создания нового капитала. Это в свою очередь приводит к снижению стимулов фирм к инвестированию.

Перейдем теперь к анализу общего равновесия модели с учетом найденных оптимальных решений задачи потребителя и задачи фирмы.

Общее равновесие модели

Равновесной траекторией будем называть набор

$$\{c_t^*, m_t^*, s_t^*, r_t^*, w_t^*, \pi_t^*, x_t^*, k_t^*, p_t^*\}_{t=0}^{\infty}$$

с заданными начальными условиями $\{s_0, m_0, k_0, x_0, p_0, 1\}$, при котором выполняются условия максимизации полезности потребителя, максимизации прибыли фирмы, а также достигаются равновесия на товарном и денежном рынках.

Стационарной траекторией будем называть неизменный во времени набор $\{c_t^* = c^*, m_t^* = m^*, s_t^* = s^*, r_t^* = r^*, w_t^* = w^*, \pi_t^* = \pi^*, x_t^* = x^*, k_t^* = k^*\}$, находящийся на равновесной траектории. При этом p_t^* растет с постоянным темпом π^* , т.е. $p_t^* = (1 + \pi^*)p_{t-1}^*$.

Условие равновесия на товарном рынке в закрытой экономике без государственного сектора имеет вид:

$$Y_t = C_t + I_t, \quad (I_t = S_t) \quad (8)$$

Равновесие на денежном рынке достигается, когда совокупный запас денег в момент времени t равен сумме запаса денег прошлого периода и совокупной эмиссии денег:

$$M_t L_t = M_{t-1} L_{t-1} + X_t L_t$$

$$m_t = \frac{m_{t-1}}{(1 + \pi_{t-1})(1 + n)}. \quad (9)$$

Зададим правило динамики эмиссии денег:

$$X_{t+1} L_{t+1} = (1 + z) X_t L_t$$

$$x_t = (1 + z) \frac{x_{t-1}}{(1 + \pi_{t-1})(1 + n)}, \quad (10)$$

где z – темп эмиссии денег. Покажем, что на стационарной траектории в закрытой экономике с гибкими ценами (без государственного сектора) в долгосрочном периоде темпы инфляции полностью определяются темпами эмиссии денег z .

В стационарном состоянии: $x^* = (1 + z)\{x^*/[(1 + \pi^*)(1 + n)]\}$.

Таким образом, при любой стационарной эмиссии будет верно, что $(1 + \pi^*)(1 + n) = (1 + z)$ или при небольших значениях переменных

$z \approx \pi^* + n$. Из решения задачи потребителя (4) известно, что $\lambda_t = u'_{c_t} / (1 + \rho)^t$.

Тогда в момент времени $t + 1$ верно, что $\lambda_{t+1} = u'_{c_{t+1}} / (1 + \rho)^{t+1}$. Однако на стационарной траектории $c_t = c_{t+1} = c^*$, тогда $\lambda_{t+1} / \lambda_t = 1 / (1 + \rho)$.

Таким образом, на стационарной траектории получаем:

$$\lambda_{t+1} / \lambda_t = (1 + n) / (1 + r^*) = 1 / (1 + \rho) \quad (11)$$

или при небольших значениях переменных $r^* \approx n + \rho$.

Добавляя результаты задачи фирмы, получаем:

$$f'(k^*) = \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi)} \quad (12)$$

Заметим, что в отсутствие издержек меню, мы бы получили $f'(k^{**}) = n + \rho$.

При наличии ненулевых издержек меню $f'(k^{**}) < f'(k^*) \Rightarrow k^{**} > k^*$ (в силу предпосылки об убывающей предельной производительности капитала), то есть стационарный уровень капиталовооруженности при учете издержек меню ниже, чем стационарный уровень в случае их отсутствия. Также отметим, что чем больше темпы инфляции, тем ниже стационарный уровень капиталовооруженности, а тем самым и выпуск в расчете на одного работника.

Общее равновесие модели с учетом волатильности инфляции

Модифицируем правило динамики эмиссии денег (10). Пусть теперь темпы эмиссии могут колебаться, как в модели [7]:

$$X_{t+1} L_{t+1} = (1 + z + \sigma_t) X_t L_t \quad (13)$$

где σ_t – независимые одинаково распределенные случайные величины, принимающие равновероятно два значения $\{-\sigma, \sigma\}$, причем по абсолютной величине $\sigma < \pi$. Тогда в стационарном состоянии $\pi = \pi^* + \sigma_t$. При этом ожидаемая инфляция в стационарном состоянии $E\pi = \pi^* + \frac{1}{2}(-\sigma) + \frac{1}{2}\sigma = \pi^*$.

Покажем, что в модели, учитывающей издержки меню, при любой ненулевой волатильности σ уровень выпуска в расчете на одного работника будет ниже, чем в случае нулевой волатильности.

Для получения аналитических результатов рассмотрим производственную функцию Кобба-Дугласа: $y = f(k) = Ak^\alpha$, $0 < \alpha < 1$. Поскольку в неоклассических моделях роста под капиталом понимают только физический капитал, отдача на который, как следует из многих эмпирических оценок ([4; 8]) меньше $\frac{1}{2}$, мы будем рассматривать случай α меньше $\frac{1}{2}$.

Из условий равновесия модели следует

$$f'(k) = A\alpha k^{\alpha-1} = \frac{n + \rho}{(1 - b \cdot \pi)}.$$

Выразим уровень капиталовооруженности:

$$k = \left(\frac{n + \rho}{A\alpha(1 - b \cdot \pi)} \right)^{\frac{1}{\alpha-1}}. \quad (14)$$

Подставив (14) в функцию Кобба-Дугласа, получим выпуск в расчете на одного работника:

$$y = A \left(\frac{A\alpha(1-b \cdot \pi)}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}}, \quad \frac{\alpha}{1-\alpha} > 0. \quad (15)$$

Посчитаем ожидаемый выпуск в расчете на одного работника с учетом того, что инфляция может принимать равновероятно два значения $\pi = \pi^* \pm \sigma$:

$$E_y = \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha(1-b \cdot (\pi^* + \sigma))}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} + \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha(1-b \cdot (\pi^* - \sigma))}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}}. \quad (16)$$

Во-первых, отметим, что ожидаемый выпуск в расчете на одного работника отрицательно зависит от темпов инфляции вне зависимости от их величины.

Во-вторых, чтобы выяснить направление влияния волатильности инфляции на ожидаемый выпуск, рассчитаем производную ожидаемого выпуска по волатильности σ :

$$\frac{\partial E_y}{\partial \sigma} = \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \frac{b\alpha}{1-\alpha} \left(\frac{1}{(1-b \cdot (\pi^* - \sigma))^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}}} - \frac{1}{(1-b \cdot (\pi^* + \sigma))^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}}} \right). \quad (17)$$

Полученное выражение нужно сравнить с нулем. Если оно имеет отрицательный знак, то это значит, что любая ненулевая волатильность оказывает отрицательное влияние на выпуск в расчете на одного работника. Выражение $(1-2\alpha)/(1-\alpha) > 0$, а значит $\partial E_y / \partial \sigma < 0$, если:

$$\begin{aligned} (1-b \cdot (\pi^* - \sigma))^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}} &> (1-b \cdot (\pi^* + \sigma))^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}}, \\ \pi^* + \sigma &> \pi^* - \sigma. \end{aligned} \quad (18)$$

Последнее неравенство является верным для любой ненулевой волатильности σ и при выполнении соотношения $b(\pi^* + \sigma) < 1$. Можно утверждать, что $b(\pi^* + \sigma) < 1$, так как издержки меню относительно невелики, то есть b мало, как, например, показано в [13].

Таким образом, уровень выпуска в расчете на одного работника уменьшается по мере увеличения волатильности инфляции.

Отметим также, что $\partial E_y / \partial \sigma$ отрицательно зависит от n – темпов роста численности населения. То есть если в стране А темпы роста численности населения равны n_A , в стране В – n_B причем $n_A > n_B$, то для страны А $|\partial E_y / \partial \sigma|_A < |\partial E_y / \partial \sigma|_B$, следовательно волатильность инфля-

ции имеет более сильный негативный эффект на выпуск в расчете на одного работника в стране В.

На основе показателей с 2012 по 2017 г. из базы данных Мирового Банка WDI¹ были произведены расчеты темпов роста трудоспособного населения для развитых и развивающихся стран. Получены следующие результаты: в развивающихся странах темпы роста численности трудоспособного населения существенно больше (в среднем 2,02% в год), чем в развитых странах (в среднем 0,73% в год). Аналогично, на основе данных с 1970 по 2015 год из базы данных МВФ WEO Database 20162 получены следующие результаты относительно темпов роста общей численности населения: в развивающихся странах темпы роста численности населения существенно больше (в среднем 1,91% в год), чем в развитых странах (в среднем 0,68% в год). Различия являются статистически значимым на 1% уровне значимости. Таким образом, содержательно этот результат можно проинтерпретировать так, что для развивающихся стран по сравнению с развитыми волатильность инфляции оказывает менее сильное отрицательное воздействие на выпуск в расчете на одного работника.

Полученный теоретический результат соотносится с существующими эмпирическими исследованиями [10]. Результат также соответствует тому, что во многих эмпирических работах, посвященных оценке порогового уровня влияния инфляции на экономический рост [3; 12], пороговые уровни для развитых стран существенно ниже по сравнению с развивающимися.

Покажем теперь, что в модели, учитывающей издержки меню, при любой ненулевой волатильности σ уровень потребления в расчете на одного работника будет ниже, чем в случае нулевой волатильности.

Из равновесия на товарном рынке (8) в стационарном состоянии получаем, что:

$$\begin{aligned} c &= y - nk, \\ Ec &= Ey - nEk. \end{aligned} \quad (19)$$

$$Ek = \frac{1}{2} \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{1}{1-\alpha}} (1-b \cdot (\pi^* + \sigma))^{\frac{1}{1-\alpha}} + \frac{1}{2} \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{1}{1-\alpha}} (1-b \cdot (\pi^* - \sigma))^{\frac{1}{1-\alpha}}. \quad (20)$$

$$\frac{\partial Ek}{\partial \sigma} = \frac{1}{2} \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{1}{1-\alpha}} \frac{b}{1-\alpha} \left((1-b \cdot (\pi^* - \sigma))^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} - (1-b \cdot (\pi^* + \sigma))^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \right). \quad (21)$$

¹ См. data.worldbank.org/products/wdi.

² См. www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx

Выражение (21) является положительным, так как $\alpha/(1-\alpha) > 0$ и $1 - b(\pi^* - \sigma) > 1 - b(\pi^* + \sigma)$.

$$\frac{E_c}{\partial \sigma} = \frac{E_y}{\partial \sigma} - n \frac{E_k}{\partial \sigma}. \quad (22)$$

Это выражение является отрицательным, так как $\partial E_y / \partial \sigma < 0$, а $\partial E_k / \partial \sigma > 0$.

Таким образом, при любой ненулевой волатильности σ уровень потребления в расчете на одного работника будет ниже, чем в случае нулевой волатильности (при точно таком же среднем уровне инфляции).

Случай волатильности инфляции, пропорциональной уровню инфляции

Во многих эмпирических работах [5; 16; 19] показано, что более высокому среднему уровню инфляции обычно соответствует более высокая ее волатильность:

$$\sigma_t = d \cdot \pi^*, \quad d > 0. \quad (23)$$

Пусть равновероятно σt принимает значения $\{-\sigma, \sigma\} = \{-d \cdot \pi^*, d \cdot \pi^*\}$. Тогда в стационарном состоянии $\pi = \pi^* \pm d \cdot \pi^*$, $0 < d < 1$.

Посчитаем ожидаемый выпуск в расчете на одного работника:

$$\begin{aligned} E_y = & \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \left(1-b \cdot (1+d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} + \\ & + \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \left(1-b \cdot (1-d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}}. \end{aligned} \quad (24)$$

Рассчитаем производную ожидаемого выпуска по коэффициенту пропорциональности d :

$$\begin{aligned} \frac{\partial E_y}{\partial d} = & \frac{1}{2} A \left(\frac{A\alpha}{n+\rho} \right)^{\frac{\alpha}{1-\alpha}} \frac{b\alpha}{1-\alpha} \cdot \pi^* \cdot \\ & \cdot \left[\frac{1}{\left(1-b \cdot (1-d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}}} - \frac{1}{\left(1-b \cdot (1+d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{1-2\alpha}{1-\alpha}}} \right]. \end{aligned} \quad (25)$$

Выражение (25) является отрицательным при α меньше $1/2$ и $b \cdot (1+d) \cdot \pi^* < 1$ тогда, когда:

$$\begin{aligned} 1 - b \cdot (1 - d) \cdot \pi^* &> 1 - b \cdot (1 + d) \cdot \pi^* > 0, \\ b \cdot (1 + d) \cdot \pi^* &> b \cdot (1 - d) \cdot \pi^*. \end{aligned} \quad (26)$$

Таким образом, ожидаемый уровень выпуска в расчете на одного работника уменьшается по мере увеличения волатильности инфляции.

Теперь посмотрим, как зависит предельный эффект волатильности от инфляции. Для этого посчитаем вторую смешанную производную:

$$\begin{aligned} \frac{\partial^2 E y}{\partial d \partial \pi^*} &= \frac{1}{2} A \left(\frac{A \alpha}{n + \rho} \right)^{\frac{\alpha}{1 - \alpha}} \frac{b \alpha}{1 - \alpha} \cdot \\ &\cdot \left(\frac{1}{\left(1 - b \cdot (1 - d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{1 - 2\alpha}{1 - \alpha}}} - \frac{1}{\left(1 - b \cdot (1 + d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{1 - 2\alpha}{1 - \alpha}}} \right) + \\ &+ \frac{1}{2} A \left(\frac{A \alpha}{n + \rho} \right)^{\frac{\alpha}{1 - \alpha}} \frac{b \alpha}{1 - \alpha} \cdot \pi^* \cdot b \cdot \frac{2\alpha - 1}{1 - \alpha} \cdot \\ &\cdot \left(\frac{1 + d}{\left(1 - b \cdot (1 + d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{2 - 3\alpha}{1 - \alpha}}} - \frac{1 - d}{\left(1 - b \cdot (1 - d) \cdot \pi^* \right)^{\frac{2 - 3\alpha}{1 - \alpha}}} \right). \end{aligned} \quad (27)$$

Выражение (27) имеет отрицательный знак, так как отрицательными являются оба слагаемых: первое аналогично выражению (25), а второе – так как $(2\alpha - 1)/(1 - \alpha) < 0$ в скобках числитель первой дроби больше числителя второй, а знаменатель первой дроби меньше знаменателя второй – аналогично (26). Следовательно, при росте темпов инфляции значение $\partial E y / \partial d$ уменьшается, но так как $\partial E y / \partial d < 0$, то уменьшение значит увеличение по модулю. Иными словами, если $\pi_2^* > \pi_1^*$, то $\partial E y / \partial d_2 < \partial E y / \partial d_1$, но $|\partial E y / \partial d_2| > |\partial E y / \partial d_1|$, из чего следует, что если в стране А темпы инфляции были выше, чем в стране В, то для страны А негативное влияние волатильности инфляции на ожидаемый выпуск в расчете на одного работника сильнее, чем в стране В.

Заключение

В статье рассмотрена модель общего равновесия, учитывающая волатильность инфляции, при этом влияние инфляции вводится со стороны производителей (в рамках модификации задачи фирмы). Подобный подход позволяет проанализировать неоптимальность решений фирмы в условиях высокой неопределенности, порожденной волатильностью инфляции.

Если в модели общего равновесия (на основе модели Сидрауского) в задаче фирмы учесть издержки меню, которые являются одним из последствий инфляции, то принцип нейтральности денег нарушается. Стационарный уровень капиталовооруженности при учете издержек меню при любой ненулевой инфляции ниже, чем стационарный уровень без их учета. Кроме того, чем больше темпы инфляции, тем ниже стационарный уровень капиталовооруженности, а тем самым и выпуск в расчете на одного работника. Это объясняется тем, что с ростом издержек меню снижается предельная выгода фирмы от аренды капитала, а вследствие падения капиталовооруженности снижается и стационарный выпуск.

В рамках предложенной модели инфляция порождается эмиссией денег. Волатильность инфляции, в свою очередь, является следствием колебаний темпов эмиссии: если на денежном рынке темпы эмиссии могут колебаться, то при любой ненулевой волатильности темпов инфляции уровень выпуска в расчете на одного работника будет ниже, чем в случае нулевой волатильности (при точно таком же среднем уровне инфляции). Этот эффект объясняется тем, что выпуск несимметрично реагирует на изменения капиталовооруженности в силу свойств производственной функции, в частности убывающей отдачи от масштаба: падение капиталовооруженности оказывает более сильное воздействие на выпуск, нежели ее увеличение на ту же самую величину. Волатильность инфляции оказывает негативное влияние также и на потребление агентов в модели: увеличение волатильности инфляции приводит к снижению потребления в расчете на одного работника.

В рамках анализа выявлены разные по силе эффекты воздействия изменчивости инфляции для развитых и развивающихся стран: развитые страны сильнее страдают от высокой волатильности инфляции по сравнению с развивающимися. Таким образом, представленная модель позволяет дать теоретическое объяснение выявленному в эконометрических работах [10] факту разного воздействия инфляции на рост в развитых и в развивающихся странах. Стоит отметить, что во многих эмпирических работах, посвященных оценке порогового

уровня влияния инфляции на экономический рост [3; 12], пороговые уровни для развитых стран существенно ниже по сравнению с развивающимися, что тоже может быть следствием разного эффекта воздействия волатильности инфляции для развитых и развивающихся стран. При этом каналы разного влияния волатильности инфляции на экономический рост для развитых и развивающихся стран могут быть самыми разнообразными, в частности институциональными, как показано, например, в работах [3; 9]. Взаимосвязь волатильности инфляции и институционального развития страны требует дальнейшего изучения.

Для случая, когда волатильность инфляции пропорциональна темпам инфляции (что соответствует эмпирическим данным [5; 16]) расчет показал, что в странах с более высокими темпами инфляции негативное влияние волатильности на ожидаемый выпуск в расчете на одного работника сильнее по сравнению со странами с более низкими темпами инфляции (при прочих равных).

Полученный результат является дополнительным аргументом в пользу того, что таргетировать инфляцию стоит на уровне в 2–4%, так как в этом случае можно избежать не только негативного эффекта самой инфляции на экономический рост, но и ее волатильности, несмотря на то, что пороговый уровень инфляции для развивающихся стран, в число которых входит и Россия, согласно эмпирическим исследованиям [2; 3], составляет около 10%.

Приложение

$$P_t C_t + P_t S_t + \underbrace{M_t L_t}_{\text{совокупный запас денег}} = P_t w_t L_t + \underbrace{(1+i_t) P_{t-1} S_{t-1}}_{\text{процентный доход от сбережений прошлого периода}} + \underbrace{M_{t-1} L_{t-1}}_{\text{нейстраченные деньги от прошлого периода}} + X_t L_t \quad (1)$$

$$c_t + s_t + m_t = w_t + \frac{1+r_t}{1+n} s_{t-1} + \frac{m_{t-1}}{(1+\pi_t)(1+n)} + x_t. \quad (2)$$

Рассмотрим переход от выражения (1) к выражению (2) согласно введенным обозначениям по каждому слагаемому.

$$P_t C_t / P_t L_t = c_t;$$

$$P_t S_t / P_t L_t = s_t;$$

$$M_t L_t / P_t L_t = m_t;$$

$$P_t w_t L_t / P_t L_t = w_t;$$

$$\begin{aligned} \frac{(1+i_t)P_{t-1}S_{t-1}}{P_t L_t} &= \frac{(1+i_t)P_{t-1}S_{t-1}}{(1+\pi_{t-1})P_{t-1}(1+n)L_{t-1}} = \\ &= \frac{(1+i_t)s_{t-1}}{(1+\pi_{t-1})(1+n)} = \frac{(1+r_t)s_{t-1}}{(1+n)}, \end{aligned}$$

так как верно, что

$$\begin{aligned} (1+i_t) &= (1+r_t)(1+\pi_{t-1}); \\ \frac{M_{t-1}L_{t-1}}{P_t L_t} &= \frac{M_{t-1}L_{t-1}}{(1+\pi_{t-1})P_{t-1}(1+n)L_{t-1}} = \frac{m_{t-1}}{(1+\pi_{t-1})(1+n)}, \\ X_t L_t / P_t L_t &= x_t. \end{aligned}$$

ЛИТЕРАТУРА

1. Картаев Ф. Издержки меню, монетарная политика и долгосрочный экономический рост // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2012. Т. 4. №2. С. 37–48.
2. Картаев Ф., Клачкова О. Инфляция и экономический рост // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 4. С. 147–151.
3. Клачкова О. Моделирование влияния инфляции на экономический рост для различных по уровню экономической свободы стран // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 22–41.
4. Bernanke B., Gürkaynak R. Is Growth Exogenous? Taking Mankiw, Romer, and Weil Seriously // NBER Macroeconomics Annual 2001. National Bureau of Economic Research, Inc. 2002. Vol. 16. Pp. 11–72.
5. Bhar R., Mallik G. Inflation, inflation uncertainty and output growth in the USA // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2010. Vol. 389. No. 23. Pp. 5503–5510.
6. Dang T., Jha R. Inflation variability and the relationship between inflation and growth // ASARC Working Papers. The Australian National University, Australia South Asia Research Centre. 2011.
7. Dotsey M., Sarte P. Inflation Uncertainty and Growth in Cash-in-advance Economy // Journal of Monetary Economics. 2000.
8. Douglas P. H. The Cobb-Douglas Production Function Once Again: Its History, Its Testing, and Some New Empirical Values // Journal of Political Economy. 1976. Vol. 84. Issue 5. Pp. 903–915.
9. Ibarra R., Trupkin D. R. Reexamining the relationship between inflation and growth: Do institutions matter in developing countries? // Economic Modelling. 2016. Vol. 52. Part B. Pp. 332–351.
10. Judson R., Orphanides A. Inflation, volatility and growth // International Finance. 1999. Vol. 2. Issue 1. Pp. 117–138.
11. Kandemir O., Mouratidis K., Caglayan M. The Impact of Inflation Uncertainty on Economic Growth // The University of Sheffield, Department of Economics. 2013.

12. Khan M., Senhadji A. Threshold effects in the Relationship between Inflation & Growth // IMF Staff Papers. 2001. Vol. 48. No. 1.
13. Levy D., Bergen M., Dutta S., Venable R. The Magnitude of Menu Costs: Direct Evidence From Large U.S. Supermarket Chains // The Quarterly Journal Of Economics. 1997. P. 791–825.
14. Lucas R., Golosov M. Menu Costs and Phillips Curves // Journal of Political Economy. 2007. Vol. 115. Pp. 171–199.
15. Mankiw N.G. Small menu costs and large business cycles: A macroeconomic model of monopoly // Quarterly Journal of Economics. 1985. No. 2.
16. Neanidis K.C., Sava C.S. Macroeconomic uncertainty, inflation and growth: Regime-dependent effects in the G7 // Journal of Macroeconomics. 2013. Vol. 35. Pp. 81–92.
17. Sidrauski M. Rational choice and patterns of growth in a monetary economy // American economic review. 1967.
18. Svensson L. Inflation forecast targeting: Implementing and monitoring inflation targets // European Economic Review. 1997. Vol. 41(6). Pp. 1111–1146.
19. Wilson B. K. The links between inflation, inflation uncertainty and output growth: New time series evidence from Japan // Journal of Macroeconomics. 2006. Vol. 28. No. 3. Pp. 609–620.

ABOUT THE AUTHOR

Olga Aleksandrovna Klachkova – Teaching Assistant at Department of Economics of Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia.
sparrow889@gmail.com

MODEL OF INFLATION VOLATILITY IMPACT ON ECONOMIC GROWTH

In this paper we propose a dynamic general equilibrium model of the impact of volatility of inflation on economic growth. Inflation is introduced from firm's side: menu costs are included in the profit function of the firm. Menu costs are the costs of reviewing the prices on firm's products as a result of changes in the general level of prices. As a result of the analysis of the model we obtain that non-zero volatility of inflation lead to lower economic growth than in the case of zero volatility. The volatility of inflation also has a negative impact on the consumption of agents in the model: in case of non-zero volatility it will be lower than in the case of zero volatility. Also we obtain different results for developed and developing countries: developed countries more vulnerable to the high volatility of inflation compared with the developing.

Key words: *Inflation volatility; economic growth; dynamic general equilibrium model; menu cost.*

JEL: C61, E52, O42.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ю.В. ЗИНЧЕНКО

аспирантка Финансового университета при Правительстве РФ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются проблемы перехода российской экономики к новой модели устойчивого («зеленого») роста и предлагаются направления совершенствования указанного процесса. Поднимается вопрос о совместимости устойчивого развития и экономического роста, анализируется динамика внедрения систем экологического менеджмента корпоративным сектором разных стран, дана оценка конкурентоспособности российского корпоративного сектора в указанном процессе. Подчеркивается особая актуальность перехода российской экономики к новому, устойчивому пути развития, основанному на природоохранных и природоподобных технологиях, а также важность участия корпоративного сектора (в особенности ТНК) в осуществлении указанного перехода.

Ключевые слова: вызовы устойчивого развития, устойчивый экономический «зеленый» рост, экологическая ответственность, конкурентоспособность российской экономики.

JEL: Q01, Q56, O14.

Введение

В последнее время «зеленый» фактор развития мировой экономики, под которым принято понимать комбинацию экологических и климатических вызовов долгосрочному экономическому росту и развитию общества в целом [1, с. 3], оказывает заметное влияние на темпы роста российской экономики. Достаточно сопоставить объемы потерь ВВП от введенных Евросоюзом, США и другими странами санкций против России за прошедшие три года, которые, по оценке экспертов, составили 1% ВВП [2], с объемами экономических потерь от вредного воздействия загрязнения окружающей среды на здоровье населения, которые ежегодно достигают 6% ВВП, а с учетом последствий для здоровья людей – 15% [3].

Российская Федерация является четвертой страной в списке стран с наибольшим значением экологического следа [4, с. 17]. Так, если бы каждый житель Земли вел образ жизни среднестатистического россиянина, то человечеству понадобилось бы 3,3 планеты как наша Земля [4, с. 7]. Аналогичная картина недостаточного учета экологических факторов в экономическом развитии в той или иной степени наблюдается по всему миру, также как и потери ВВП: по оценкам экспертов, последствия изменений климата обходятся мировому хозяйству в 1,2 трлн долл., или в 1,6% мирового ВВП ежегодно¹.

Усиление негативного влияния техногенных, экологических и климатических факторов привело мировое хозяйство к осознанию необходимости гармонизации техно- и биосферы, выработки нового, «зеленого» экономического курса, базирующегося на устойчивых видах деятельности в разных отраслях («зеленое» производство, энергетика, строительство, сельское хозяйство и пр.) Мощная система экономических стимулов для улучшения экологической обстановки уже создана. Резолюция Генеральной Ассамблеи, принятая ООН в 2015 г. на саммите «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»², Декларация министров Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию, принятая ООН в 2017 г.³ и другие решения по обеспечению устойчивого развития мирового хозяйства сказываются на макроэкономических процессах в каждой стране. Учитывая необратимость запущенного «зеленого» тренда развития мировой экономики, для Российской Федерации становится особо актуальным переход к новой модели устойчивого экономического («зеленого») роста, под которым понимается эффективное использование природных ресурсов, минимальное антропогенное загрязнение природной среды и устойчивость экономических систем к природным рискам благодаря стратегии адаптации, экологического менеджмента и управления природным капиталом⁴.

¹ Climate change is already damaging global economy, report finds. The Guardian. www.theguardian.com/environment/2012/sep/26/climate-change-damaging-global-economy (дата обращения: 20.12.2017).

² Резолюция 70/1 (2015), принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 г. www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer; www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/&Lang=R (дата обращения: 20.12.2017).

³ Ministerial declaration of the 2017 high-level political forum on sustainable development, convened under the auspices of the Economic and Social Council, on the theme Eradicating poverty and promoting prosperity in a changing world. E/2017/L.29–E/HLPF/2017/L.2. UN.2017.

⁴ Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development // The World Bank, 2012. P. 2.

Проблемы перехода российской экономики к новой модели устойчивого («зеленого») роста

Переход российской экономики к новой модели экономического роста осложняется рядом факторов, главные из которых мы рассмотрим в данной статье.

Отсутствие движущей силы для экологизации экономического развития. Особенность экономики России заключается в том, что она не зависит от импорта углеводородов, отсутствие которых для большинства ведущих экономик мира представляет угрозу национальной безопасности. Существующая отраслевая структура российской экономики не способствует созданию производств «высокого передела».

Вместе с тем в долгосрочной перспективе рынок углеводородов перестанет быть «рынком продавца», что создаст угрозу для экономики, подавляющую долю экспорта которой составляют углеводороды. России в следующем технологическом укладе придется конкурировать на рынке товаров и услуг в условиях падающих цен на нефть и газ. Начавшийся в мировом хозяйстве процесс перехода к новой модели промышленного производства, основанной на принципах экономики замкнутого цикла (от англ. «circular economy») и ряде других ее направлений (например, низкоуглеродной экономики), создает серьезную стратегическую угрозу для России и ведет ее к дальнейшему технологическому отставанию и закреплению за ней ресурсно-сырьевой специализации.

Проблема мониторинга целей устойчивого развития (ЦУР) в процессе формирования национальной системы индикаторов ЦУР. Прогресс в области достижения ЦУР во многом зависит от надежности статистических данных. Главная роль в сборе и подготовке индикаторов социально-экономического развития нашей страны закреплена Правительством РФ за государственной статистической службой «Росстат»⁵. На данный момент ею разрабатывается 87 показателей ЦУР, 56 из которых закреплено в федеральном плане статистических работ подразделения по мониторингу целей устойчивого развития⁶.

Основным препятствием в указанном процессе являются отсутствие ряда статистических данных и несовершенство методологии их определения. Около трети индикаторов не имеет международной

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2017 г. № 1170-р. www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71592698 (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ Федеральный план статистических работ, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р (с учетом изменений, внесенных распоряжением Правительства Российской Федерации от 09 декабря 2017 г. № 2750-р). www.gks.ru/metod/fpl08-10.html (дата обращения: 20.12.2017).

согласованной методологии [5]. В России при достаточном количестве индикаторов ЦУР в социальной и экономической сферах ощущается дефицит данных по экологизации экономики, которая является важной составляющей устойчивого развития.

Еще одной трудной задачей в процессе формирования национальной системы индикаторов ЦУР является достижение их международной сопоставимости. Возникает актуальная методологическая и практическая дилемма: отказаться от нерелевантных в той или иной степени по отношению к специфике нашей страны показателей (например, такого, как индикатор размера убытков от стихийных бедствий в городских районах, не связанных с климатическими изменениями, – землетрясений, извержений вулканов, цунами и прочих отсутствующих на территории страны явлений) или каким-либо образом видоизменить их и найти им место в формирующейся системе. По некоторым ЦУР «Росстат» не может представить на данный момент ни одного показателя – например, по 12-й цели (ответственное потребление и производство) и 13-й цели (борьба с изменениями климата); по 4-ой цели (качественное образование) разрабатывается всего один показатель, и то не самый главный; по 9-й цели (индустриализация, инновации и инфраструктура) не разработаны показатели по малым предприятиям, что является существенным пробелом.

Задача формирования национальной системы индикаторов ЦУР и их международной сопоставимости лежит не только в области деятельности статистических служб, но и других министерств и ведомств. Здесь возникает дополнительное препятствие – трудности координации между ними. Если рассмотреть, например, отрасль обращения с отходами (включающую регулирование, контроль и надзор), то в этой области заняты 15 федеральных министерств и 14 федеральных служб и агентств⁷. Такое количество, очевидно, усложняет выработку комплексных решений.

Проблемы реализации концепции устойчивого развития в российском законодательстве. Развитие правового регулирования важно не только с точки зрения учета мировых тенденций, но и с точки зрения стимулирования внутреннего экономического роста, минимизации рисков, возможностей реализации крупных инфраструктурных мегапроектов. Российское законодательство содержит ряд основополагающих документов, определяющих приоритеты, задачи и механизмы достижения целей устойчивого развития в экономической, экологической и соци-

⁷ Заседание Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». www.kremlin.ru/events/president/news/53602 (дата обращения: 20.12.2017).

альной составляющих устойчивого развития до 2030 г., в том числе следующие:

- Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию⁸;
- Экологическая доктрина РФ⁹;
- Доктрина продовольственной безопасности РФ¹⁰;
- Климатическая доктрина РФ¹¹;
- Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года¹²;
- Энергетическая стратегия РФ на период до 2030 года¹³;
- Водная стратегия РФ на период до 2020 года¹⁴;
- Стратегия развития морской деятельности в РФ¹⁵;
- Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 года¹⁶;
- Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года¹⁷;
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года¹⁸;

⁸ Указ Президента РФ от 01 апреля 1996 года № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». www.base.garant.ru/1548498 (дата обращения: 20.12.2017).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁰ Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». www.ivo.garant.ru/#/document/12172719:2 (дата обращения: 20.12.2017).

¹¹ Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации». www.kremlin.ru/acts/bank/30311 (дата обращения: 20.12.2017).

¹² Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». www.garant.ru/hotlaw/federal/688504 (дата обращения: 20.12.2017).

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р. www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96681 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2009 № 1235-р. www.base.garant.ru/58042695 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2010 № 2205-р. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107955 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». www.kremlin.ru/acts/bank/41879 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁷ Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». www.base.garant.ru/191961 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 07.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период

- Концепция государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию¹⁹;
- Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года²⁰;
- Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года²¹;
- О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации²².

Несмотря на ряд принятых документов, на данный момент в России нет целостной, реализуемой на всех уровнях стратегии устойчивого развития, которая комплексно охватывала бы все направления деятельности. Принятие стратегии устойчивого развития России важно как с точки зрения необходимости сбалансированного социально-эколого-экономического развития, так и с точки зрения принятых международных обязательств страны [6, с. 28]. Важно отметить, что у некоторых соседних стран стратегии устойчивого развития уже есть. У Монголии – это «Mongolia Sustainable Development Vision 2030» (Стратегия устойчивого развития до 2030 года)²³, у Беларуси – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года²⁴.

Также в российском законодательстве существует ряд действующих нормативных актов, напрямую или косвенно тормозящих переход к устойчивому развитию, необходимость корректировки которых неоднократно отмечалась представителями государственной власти [7]. Руководители производственных компаний также отмечают несовершенство российского законодательства, что не способствует осу-

до 2020 года». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁹ Указ Президента РФ от 20.04.2014 № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию». kremlin.ru/acts/bank/38334 (дата обращения: 20.12.2017).

²⁰ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117 (дата обращения: 20.12.2017).

²¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165823 (дата обращения: 20.12.2017).

²² Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416645 (дата обращения: 20.12.2017).

²³ Mongolia Sustainable Development Vision 2030. www.un-page.org/files/public/20160205_mongolia_sdv_2030.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

²⁴ Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. www.minpriroda.gov.by/ru/nsur2020-ru (дата обращения: 20.12.2017).

ществлению устойчивого производственного процесса, не наносящего вреда человеку и окружающей среде. При этом потенциал для улучшения законодательной базы России велик²⁵.

Так, например, требует изменений технический регламент Таможенного союза «О безопасности синтетических моющих средств и товаров бытовой химии», вступивший в силу с 1 ноября 2016 г. В частности, в п. 11 «Синтетические моющие средства и товары бытовой химии должны соответствовать следующим требованиям безопасности», в подпункте г) «Экотоксикологические показатели» указано, что массовая доля фосфорнокислых солей, входящих в состав синтетических моющих средств, содержащих фосфаты, не должна превышать 17%, в водосмягчающих средствах – 30%²⁶, в то время как в Европейском союзе предельно допустимое значение – 2% и меньше [8].

Важным препятствием также является проблема гармонизации законодательств стран ЕАЭС в сфере сотрудничества. Так, например, в контексте формирования общего рынка энергетических ресурсов ЕАЭС России необходимо согласовать экологические требования в энергетической сфере к 2019 г. (согласно ст. 104 Договора о Евразийском экономическом союзе²⁷), например, с учетом того, что у Казахстана ведется торговля квотами, а в России – нет.

Угроза конкурентоспособности корпоративного сектора. Как отмечалось ранее, заметное влияние на политику устойчивого развития в России оказывает политика других стран. Например, регламент ЕС № 1907/2006 Европейского Парламента и Совета ЕС от 18 декабря 2006 г., касающийся правил регистрации, оценки, санкционирования и ограничения химических веществ (REACH), является одним из инструментов реализации политики устойчивого развития отраслей и компаний. Регламент напрямую влияет на их конкурентоспособность, поскольку компании, оказавшиеся за рамками принятых регулятивных норм, не в состоянии вести бизнес.

Так, например, для работы по регламенту REACH в компании ПАО «Газпром нефть» была создана специальная рабочая группа, сформированная из специалистов разных областей. Компания успела вовремя

²⁵ В России необходимо формировать спрос на «зеленую» экономику. philanthropy.ru/novosti-organizatsij/2017/12/28/59625 (дата обращения: 20.12.2017).

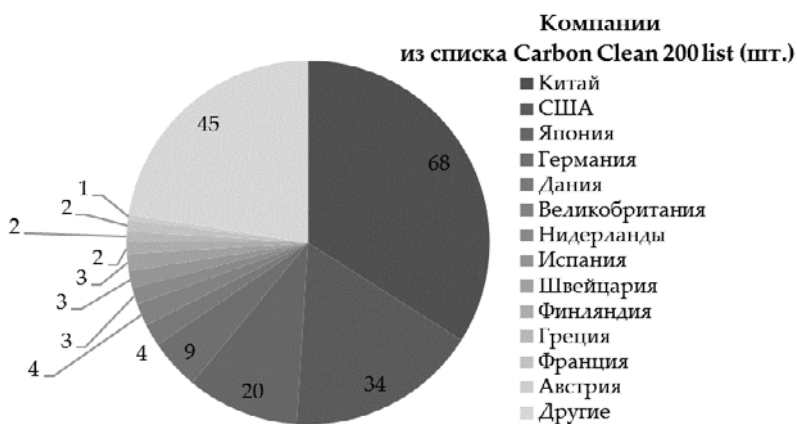
²⁶ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 15 октября 2013 г. № 231 «О проекте технического регламента Таможенного союза «О безопасности синтетических моющих средств и товаров бытовой химии»». www.alt.a.ru/tamdoc/13kr0231 (дата обращения: 20.12.2017).

²⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017). www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/394038fb02f2b2147adab733193e95_ae0f405a73 (дата обращения: 20.12.2017).

пройти этап предварительной регистрации, получив право осуществления деятельности на рынке ЕС²⁸. Компании, которые не успели получить разрешение, лишились права свободного доступа на рынок ЕС.

Устойчивое развитие Vs экономический рост

Одно из новых требований к промышленному развитию состоит в осуществлении модернизации производства на основе использования природоохранных технологий и соблюдения жестких экологических ограничений [9]. Совместим ли путь устойчивого развития с экономическим ростом? С возможностью компаний генерировать высокие темпы дохода? Многочисленные компании уже сейчас получают весомые доходы, например, от возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это демонстрирует рейтинг наикрупнейших компаний мира, получающих доход от «зеленой» энергетики (где в качестве главного критерия берется величина выручки)²⁹, составленный «Carbon Clean 200» по результатам 3 квартала 2017 г. Рассмотрим подробнее результаты рейтинга (см. рис. 1).

Источник: составлено автором по данным «Carbon Clean 200» Report. www.clean200.org/report-form.

Рис. 1. Количество компаний из рейтинга «Carbon Clean 200» за 3 квартал 2017 года в разбивке по странам (в шт.)

Стоит отметить, что наибольшее количество компаний из списка – это китайские компании. Далее лидируют США и Япония. Европейская часть списка представлена 34 компаниями из 13 стран. В рейтинг

²⁸ «Газпром нефть» получила входной билет на рынок ЕС. www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2009-may/1104552 (дата обращения: 20.12.2017).

²⁹ The Carbon Clean 200 - 2017 Q3. www.clean200.org (date of request: 20.12.2017).

не попала ни одна российская компания, что неудивительно, если принять в расчет крайне небольшое количество российских компаний, занятых в области ВИЭ (по данным экспертов, их доля в энергобалансе страны не превышает 1%³⁰), а также отсутствие раскрытой информации по финансовым результатам их деятельности в последние годы. Степень конкурентоспособности российских компаний, занятых в области ВИЭ, можно сравнить при сопоставлении объема выручки компании «Foshan Electrical & Lighting Co., Ltd» занимающих одну из последних позиций в рейтинге «Carbon Clean 200», –имеющей выручку 3 млрд долл.³¹, с выручкой одной из ведущих российских компаний – ООО «Хевел», занятой в области ВИЭ и имеющей выручку 40 млн руб.³²

Тенденции перехода к устойчивому развитию на корпоративном уровне

Экологическая ответственность в современных условиях становится одним из главных факторов конкурентной борьбы, и бизнес демонстрирует способность адаптироваться к новым требованиям в рыночных условиях. Компании внедряют эффективные системы менеджмента, получают международные сертификаты соответствия, что является частью процесса перехода к устойчивому развитию на корпоративном уровне.

Как определить успешность перехода стран и их корпоративного сектора к устойчивому развитию? Можно, например, оценить динамику сертификации по международным стандартам на системы экологического менеджмента для компаний. Одним из главных и наиболее распространенных стандартов является ISO 14001. Рассмотрим динамику сертификации стран, лидирующих по количеству полученных сертификатов соответствия указанному стандарту в период с 2005 по 2016 гг.

Анализ динамики за последние десять лет показывает, что Китай в 2005 г. занимал второе место в мире после Японии по числу полученных сертификатов экологического менеджмента; через десять лет лидером стала Япония. В 2005 г. китайскими компаниями было получено приблизительно 13 000 сертификатов, тогда как российскими –

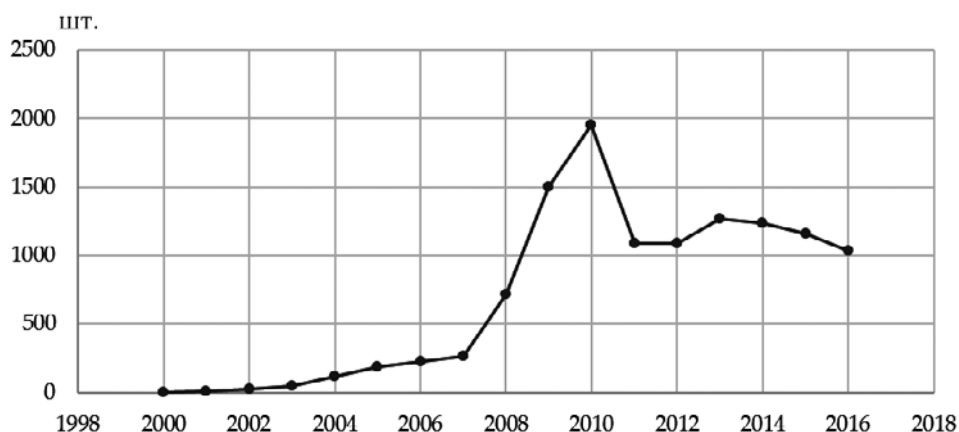
³⁰ Доля ВИЭ в РФ к 2020 г. должна вырасти до 4,5%. www.bigpowernews.ru/markets/document75588.phtml (дата обращения: 20.12.2017).

³¹ MarketWatch Foshan Electrical & Lighting Co. Ltd. ww.marketwatch.com/investing/stock/200541/profile?countrycode=cn. (date of request: 20.12.2017).

³² ООО «Хевел». www.list-org.com/company/5739169 (дата обращения: 20.12.2017).

всего 185³³. Данные факты свидетельствуют о том, что крайне низкий процент российских компаний, получивших сертификаты, а также отрицательные темпы прироста количества полученных сертификатов могли стать одним из препятствий для диверсификации российской экономики, для экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости, ориентированной на рынки экологически ответственных покупателей. Поэтому, в отличие от экспорта углеводородов и минерального сырья, несоответствие продуктов с высокой долей добавленной стоимости экологическим требованиям могло стать основным препятствием для входа российских компаний на зарубежные рынки.

К 2010 г. из числа лидеров выбыли США и Швеция, но появились такие страны, как Корея и Чехия. Свои позиции улучшили Китай, Корея и Россия. К 2016 г. Корея и Чехия выбыли из числа лидеров, уступив место Индии и США. Положительную динамику показали европейские страны. С 2005 по 2010 г. Россия поднялась с 46 места в мире на 18 место с темпом прироста количества полученных сертификатов в 91%. Однако сейчас корпоративный сектор страны демонстрирует явно отрицательные темпы прироста получения сертификатов (–47%) и из двадцатки лидеров в 2010 г. страну фактически отбросило до уровня 2005 г. Динамику сертификации по стандарту ISO 14001 в России иллюстрирует рис. 2.

Источник: составлено автором по данным «ISO Survey of certifications to management system standards», Международная организация по стандартизации. www.iso.org/the-iso-survey.html.

Рис. 2. Динамика получения сертификатов ISO 14001 в России.

³³ ISO Survey of certifications to management system standards. www.isotc.iso.org/livelink/livelink?func=ll&objId=1880_8772&objAction=browse&viewType=1 (date of request: 20.12.2017).

Из рис. 2 видно, что начиная с 2010 г. динамика внедрения сертификации у нас в стране отрицательная. Но для того, чтобы определить место российского корпоративного сектора в области сертификации по стандарту ISO 14001, абсолютных показателей недостаточно, поэтому стоит оценить, какова доля российских компаний, внедряющих системы экологического менеджмента, от общего количества компаний в стране и сравнить ситуацию с некоторыми странами. Так, количество сертификатов за период с 1999 по 2016 г. и их доля в общем количестве компаний страны показаны в табл. 1. По подсчетам автора, за 17 лет в российской экономике доля компаний, имеющих систему экологического менеджмента, соответствующую сертификации ISO 14001, в 5 раз меньше, чем в Китае, и в 17 раз меньше, чем в Италии³⁴.

Таблица 1

**Количество сертификатов ISO 14001 за период с 1999 по 2016 гг.
и их доля в общем количестве компаний страны**

Страна	Округленное количество сертификатов ISO 14001 за период 1999–2016 гг.	Доля компаний, имеющих сертификацию ISO 14001, от общего количества компаний в стране
Россия	≈ 12 000	≈ 0,2%
Италия	≈ 215 000	≈ 3,5%
Китай	≈ 800 000	≈ 1%

Источник: составлено автором по данным «ISO Survey of certifications to management system standards». www.isotc.iso.org/ и OECD Stats www.stats.oecd.org.

Важно отметить, что корпоративному сектору стран, лидирующих на данный момент по темпам внедрения сертификатов экологического менеджмента, удастся извлекать заметные доходы от освоения «зеленых» технологий и внедрения принципов устойчивого развития в промышленных производствах. Судя по рейтингу «Carbon Clean 200», в 2016 г. Китай, будучи лидером в области сертификации (имея количество сертификатов ISO 14001 в размере 137 230 шт.), находится также на первом месте в рейтинге компаний, извлекающих доходы от устойчивой энергетики. Япония, имея 27 372 сертификата, является третьей страной по количеству успешных доходных компаний, и такую корреляцию можно проследить по всем странам, представленным в табл. 2.

³⁴ Рассчитано по данным «ISO Survey of certifications to management system standards» www.isotc.iso.org/livelihood/livelihood?func=ll&objId=18808772&objAction=browse&viewType=1 и OECD Stats www.stats.oecd.org/index.aspx?queryid=69557.

Таблица 2

Количество полученных сертификатов соответствия стандарту ISO 14001 компаниями некоторых стран мира в 2005–2016 гг.

№	2005 г.	ISO (шт.)*	№	2010 г.	ISO (шт.)*	Темп прироста 2005–2010, %	№	2016 г.	ISO (шт.)*	Темп прироста 2010–2016, %
1	Япония	23466	1	Китай	58116	358	1	Китай	137230	136
2	Китай	12683	2	Япония	34852	49	2	Япония	27372	-21
3	Испания	8620	3	Испания	18347	113	3	Италия	26655	51
4	Италия	7080	4	Италия	17675	150	4	Великобритания	16761	17
5	Великобритания	6055	5	Великобритания	14346	137	5	Испания	13717	-25
6	США	5061	6	Респ. Корея	9681	95	6	Германия	9444	57
7	Респ. Корея	4955	7	Румыния	7418	886	7	Индия	7725	99
8	Германия	4440	8	Чехия	6629	212	8	Франция	6695	27
9	Швеция	3682	9	Германия	6001	35	9	Румыния	6075	-18
10	Франция	3289	10	Франция	5251	60	10	США	5582	27
46	Россия	185	18	Россия	1953	956	44	Россия	1037	-47

Примечание: накопленная динамика сертификатов.

Источник: составлено автором по данным «ISO Survey of certifications to management system standards», Международная организация по стандартизации. www.iso.org/the-iso-survey.html.

Заключение

Учитывая современные тенденции в развитии мирового хозяйства, России не удастся остаться в стороне от перехода к политике устойчивого «зеленого» роста. Процесс перехода к новому пути развития, основанному на природоохранных технологиях, вписывающихся в новый технологический уклад, открывает перед странами, и в том числе и перед Россией, ряд возможностей для повышения конкурентоспособности своих экономик в глобализирующемся мире, что в дальнейшем может обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны и повышение качества жизни нашего населения. Опыт ведущих стран показывает, что бизнес может быть одновременно «зеленым» и прибыльным, причем доходы компаний могут увеличиваться высокими темпами.

В заключение стоит подчеркнуть и роль ТНК, выступающих в качестве эффективной преобразующей силы. За последние 25 лет в России в отдельных сегментах экономики начался процесс перехода к устойчивому развитию: формируется представление об устойчивом развитии на уровне компаний, изменилась бизнес-среда, появились новые отрасли, придерживающиеся принципа экологической ответственности, а существующие отрасли претерпевают изменения³⁵. Если мы хотим перестать быть страной, основная доля доходов которой генерируется за счет экспорта углеводородов, компаниям необходимо принять глобальный вызов устойчивого развития и рассматривать его не только как угрозу, но и как источник возможностей для развития бизнеса. Придерживаясь ценностей устойчивого развития, бизнес может способствовать созданию вертикальных и горизонтальных связей в цепочках создания глобальной стоимости, производить и экспортировать товары конечной переработки, а не экспортировать сырье и природные ресурсы нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порфирьев Б.Н. «Зеленый» фактор инновационной модернизации экономики: вызов для России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 3. С. 3–14.
2. Колоков Е. Война санкций // РБК. 28.04.2017. www.rbc.ru/economics/28/04/2017/590332b69a7947ae385244b0 (дата обращения: 20.12.2017).
3. Путин В.В. Заседание Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». www.kremlin.ru/events/president/news/53602 (дата обращения: 25.12.2017).

³⁵ Устойчивое развитие в России: руководство для транснациональных корпораций. МШУ «Сколково». 2016. www.amr.ru (дата обращения: 20.12.2017).

4. Боев, П.А., Буренко, Д.Л., Шварц, Е.А., Вакернагель М., Дьеп А., Хэнком Л., Катсунори И., Келли Р., Мартиндилл Дж., Зокаи Г. Экологический след субъектов Российской Федерации. Основные выводы и рекомендации / Всемирный фонд дикой природы (WWF). М.: WWF России. 2017 .
5. *Бедрицкий А.И.* Выступление советника Президента Российской Федерации, специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата на Международной научно-практической конференции «Повышение статистического потенциала для мониторинга целей устойчивого развития» 30 ноября 2017 г., Москва / Росстат. www.gks.ru/publish/cur/open/bedrizki.pdf (дата обращения: 20.12.2017).
6. *Бобылев С.Н., Соловьева С.В.* Экологические приоритеты в целях устойчивого развития: российский контекст // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / Под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 26–41.
7. *Иванов С.Б.* Заседание Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений». kremlin.ru/events/president/news/53602 (дата обращения: 20.12.2017).
8. *Колесниченко А.* Минимум фосфатов // Аргументы и факты. www.aif.ru/society/ecology/minimum_ftora_radi_baykala_poroshki_i_geli_budut_proizvodit_po-evropeyski (дата обращения: 20.12.2017).
9. *Сильвестров С.Н., Зинченко Ю.В.* Устойчивое развитие и «зеленая» модернизация как условия перехода к новой промышленной революции // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 6–13.

ABOUT THE AUTHOR

Yulija Vladimirovna Zinchenko – Postgraduate Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation, the faculty of international economic relations. Moscow, Russia.
yuvzinch@mail.ru.

NEW CHALLENGES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

The challenges of the transition to a new model of sustainable economic «green» growth for the Russian economy are considered in this paper. The author suggests some directions of improving that process. The issue of compatibility of sustainable development and economic growth is raised. The author carries out the analysis of the implementation of environmental management systems by corporate sector of different countries and assesses the competitiveness of the Russian corporate sector in this process. The special importance of the transition of the Russian economy to a new, sustainable development path based on environmentally-friendly technologies and the importance of the participation of the corporate sector (in particular TNCs) in the implementation of that transition are emphasized.

Keywords: *sustainable development challenges, sustainable economic «green» growth, environmental responsibility, Russian economy competitiveness.*

JEL: Q01, Q56, O14.

П.А. НОСКО

аспирантка Финансового университета при Правительстве РФ

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ЧИСТОЙ ЭНЕРГИИ

Предметом настоящей работы является разработка рекомендаций для развития возобновляемых источников энергии в России. С этой целью в статье анализируются происходящие в мировой энергетике тенденции, связанные с международной экологической повесткой, изучен конкретный опыт реализации экологически ориентированных мер, рассматривается связь международной экологической повестки и мировой экономики, отмечается, что озабоченность состоянием окружающей среды оказывает влияние на трансформационные процессы в энергетике. Практика европейских стран-лидеров в области возобновляемых источников энергии показана посредством сравнения двух основных механизмов поддержки данной отрасли. Проанализированы особенности внедрения мер стимулирования чистой энергии в России, даны рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: экологические риски, мировая энергетика, инвестиции в чистую энергию, возобновляемые источники энергии, возобновляемые источники энергии.

JEL: L94, O13, Q40, Q42, Q47.

Экологический вектор развития мировой экономики

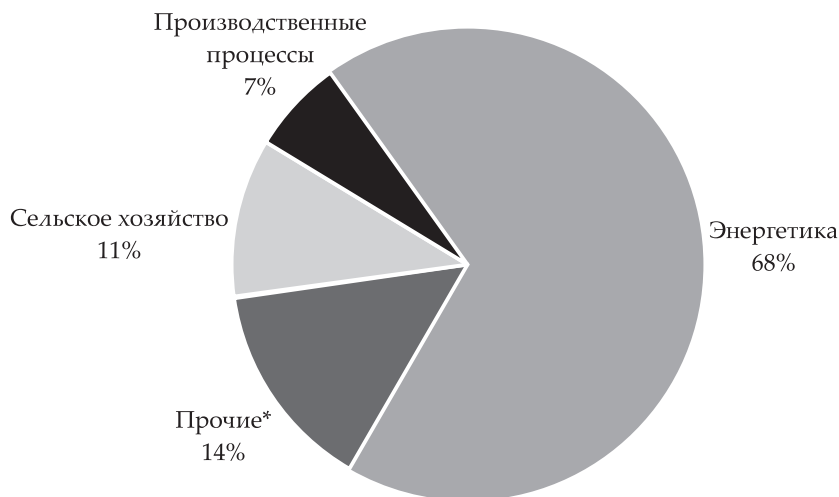
Согласно Докладу экспертов Всемирного экономического форума [1] изменяющийся климат входит в число пяти главных тенденций, которые будут определять глобальное развитие в течение последующих десяти лет. Эта перспектива несет в себе риски как для национальных экономик в отдельности, так и для мировой экономики в целом.

В свою очередь, как минимум, с начала 2000-х гг., когда государствами-членами ООН были приняты Цели развития тысячелетия и вступил в силу Киотский протокол по сокращению выбросов парниковых газов, международная климатическая повестка сама является драйвером изменений в мировой экономике. На сегодняшний день оба международных документа обрели новые формы – Целей в области устойчивого развития, вступивших в силу 1 января 2016 г. и охва-

тывающих период до 2030 г., и Парижского соглашения по климату, обязательства по которому будут выполняться с 2020 г. (по завершении второго этапа Киотского протокола). Все перечисленные инициативы вносят свой вклад в трансформационные процессы в глобальном энергетическом секторе.

Следует иметь в виду, что, помимо наличия объективных глобальных рисков, вызванных антропогенными изменениями климата, за международными климатическими договоренностями стоят заинтересованные лица, которые продвигают определенные экологические нормы регулирования, акцентируя внимание на рисках в целях реализации своих коммерческих интересов и вывода произведенной продукции на международные рынки сбыта.

Главным объектом национальных и международных норм экологического регулирования является энергетический сектор, поскольку на выбросы углекислого газа от производства и потребления энергии приходится 60% мировых выбросов парниковых газов [2, с. 10], см. рис. 1. Энергоэффективность, развитие возобновляемой энергетики, использование более чистых технологий при сжигании ископаемого топлива и снижение доли угля в энергобалансе стран – основные акценты международной климатической повестки в отношении самого загрязняющего сектора экономики.

* Прочие включают крупномасштабное сжигание биомассы, разложение после процесса горения, разложение торфа, косвенные выбросы N_2O от несельскохозяйственных выбросов NO_x и NH_3 , отходы и использование растворителей.

Источник: Международное энергетическое агентство [2, с. 9].

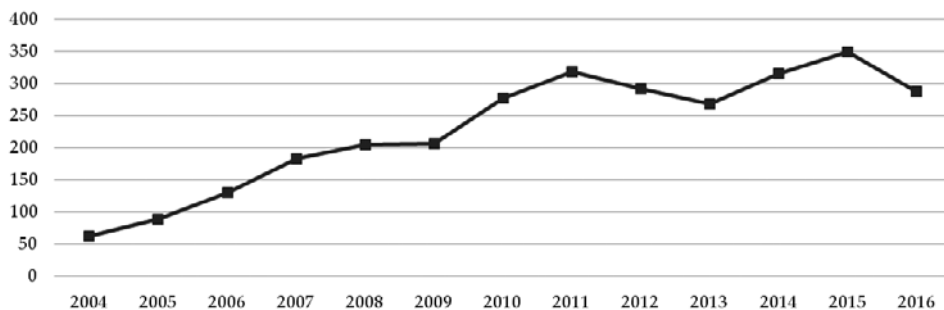
Рис. 1. Оценочные доли секторов в антропогенных выбросах парниковых газов

Уже сегодня наблюдаются признаки структурных сдвигов в глобальной энергетике.

1. Имеет место устойчивый рост возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Несмотря на то, что доля альтернативных источников в мировом потреблении первичной энергии пока невелика – 3,2%¹, они тем не менее обеспечили 30% роста данного показателя в 2016 г. Причем 40% увеличения использования ВИЭ в прошлом году обеспечил Китай, который вышел на первое место в этой области, обогнав США.

2. На протяжении последних 13 лет значительно росли инвестиции в чистую энергию (рис. 2): с 61,7 млрд долл. в 2004 г. до 348,5 млрд долл. в 2015 г. (отметим, что в 2016 г. объем инвестиций показал снижение на 18% по сравнению с предыдущим годом и составил 287,5 млрд долл.) [3]. Крупнейшими инвесторами в возобновляемую энергетику являются Китай (88,2 млрд долл.), ЕС (71,2 млрд долл.), США (58,8 млрд долл.) и Япония (22,8 млрд долл.) Больше всего средств направляется на развитие солнечной и ветровой энергетики.

3. В мировом первичном потреблении энергии сокращается доля угля (составив 28,1% в 2016 г.) По сравнению с годом ранее мировое потребление угля упало на 1,7%, а объемы добычи сократились на рекордные 6,2%. [4, с. 2]. Это произошло, в частности, вследствие повышения доступности и конкурентоспособности природного газа и возобновляемых источников энергии [4, с. 5]. Другим значимым фактором выступила внутренняя политика Китая по сокращению избыточных мощностей путем закрытия неэффективных угольных шахт, а также введению ограничений на добычу и мер по повышению производительности оставшихся месторождений. Это привело к значительному росту цен на уголь не только в стране, но и на мировых рынках, что способствовало сокращению глобального спроса на данный вид топлива.

*Исключая крупные ГЭС мощностью более 50 ГВт.

Источник: составлено автором по данным Bloomberg New Energy Finance.

Рис. 2. Инвестиции в чистую энергию, в млрд долл.

¹ В данное значение не включаются атомная и гидроэнергетика.

Согласно последнему прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА) о развитии мировой энергетики до 2040 г. трансформационные процессы в мировом энергетическом секторе, направленные на сокращение вредных выбросов в атмосферу, будут набирать обороты. Из четырех будущих крупномасштабных сдвигов в мировой энергетике (усиление роли природного газа, развития ВИЭ и повышения энергоэффективности, а также переход Китая к более экологически чистому энергобалансу) два относятся как раз к экологическому аспекту [5]. При увеличении глобальной потребности в энергии на 30% к 2040 г. возобновляемые источники энергии, предполагается, будут удовлетворять 40% роста спроса; на них придется две трети инвестиций в электростанции, наибольший среднегодовой прирост новых мощностей (160 ГВт за период с 2017 по 2040 гг., в сравнении со среднегодовым приростом в 128 ГВт за период с 2000 по 2016 гг.) и 40% в суммарной выработке электроэнергии. Эксперты МЭА прогнозируют ввод новых мощностей угольных электростанций в объеме 400 ГВт за период с 2017 по 2040 гг., что значительно меньше прироста в объеме 900 ГВт за период с 2000 по 2016 гг. [5, с. 2].

Практика показывает, что долгосрочные прогнозы сами по себе не могут служить основой для развития тех или иных отраслей, технологий и т. п. на национальном уровне. Однако ввиду вышеупомянутых текущих тенденций и имеющихся обязательств стран по сокращению выбросов в рамках Парижского соглашения по климату, у многих подписантов которого уже есть национальные планы по реализации экологических мер, можно утверждать, что в отношении мирового энергетического сектора в кратко- и среднесрочном периоде многие ведущие развитые и развивающиеся страны будут идти по пути, обозначенном Международным энергетическим агентством.

Европейский опыт «зеленой» энергетики

Цели стимулирования развития чистой энергии в большинстве стран достаточно близки, страны стремятся к:

- обеспечению безопасности энергоснабжения (снижению зависимости от импорта, диверсификации источников энергии);
- сокращению отрицательного воздействия на окружающую среду;
- стимулированию инноваций и расширению производственных возможностей (увеличению экспортного потенциала, появлению новых компетенций и повышению конкурентоспособности);
- социально-экономическому развитию регионов (за счет создания рабочих мест, производств).

Для достижения данных целей страны разрабатывают стратегии, которые должны быть не только эффективными, но и экономич-

ными. Наиболее часто используемыми механизмами поддержки возобновляемых источников энергии являются зеленый тариф (feed-in tariff) и требования к портфелю ВИЭ (renewable portfolio standard). Первый представляет собой выплату компенсации лицам, производящим электроэнергию из альтернативных источников. Поставщикам гарантируется доступ к единой энергетической системе, а обеспечение стабильности рынка и инвестиционной привлекательности достигается за счет заключения долгосрочных контрактов. Спрос существует благодаря тому, что государство обязывает энергосбытовые компании покупать электроэнергию на основе ВИЭ у производителей. Отличительной чертой зеленого тарифа является фиксированная цена, которая зависит от вида используемых технологий. В некоторых странах предусмотрено постепенное снижение тарифа, поскольку при долговременном использовании технологии затраты обычно сокращаются [6].

Требования к портфелю возобновляемых источников энергии обязывает энергосбытовые компании закупать определенный объем (квоту) электроэнергии, производимой на основе альтернативных источников. Отличие от зеленого тарифа состоит в том, что регулятором является квота, а цена за электроэнергию и выбор источника (технологии) определяется рынком. За несоблюдение квоты вводится штраф. Зачастую механизмом предусмотрена возможность торговли квотами.

Каждый из механизмов имеет свои преимущества и недостатки, на которые указывают их критики (табл. 2).

Противники введения зеленого тарифа считают, что он возлагает чрезмерную нагрузку на потребителей и налогоплательщиков, поскольку фиксированная цена препятствует конкуренции [7]. Однако проведенное в 2007 г. исследование, изучившее опыт Германии, Дании и Великобритании показало, что на практике требования к портфелю ВИЭ могут оказаться более дорогостоящим методом поддержки для государства, чем зеленый тариф [6].

Остановимся подробнее на опыте поддержке ВИЭ, осуществляемом в Германии и Великобритании – странах-лидерах по производству ВИЭ в Европе.

Германия начала оказывать поддержку научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам в области энергетики еще в середине 1970-х гг. в связи с нефтяным кризисом (тогда объектом поддержки выступали невозобновляемые источники энергии). В конце 1980-х гг. пришло понимание перспективности развития ВИЭ и были приняты программы по продвижению ветровой и солнечной энергетики, предоставлявшие субсидии генерирующим субъектам, и создана правовая основа для того, чтобы сбытовые компании оплачивали более высокие затраты по ВИЭ. Предпринятые шаги оказались

Преимущества и недостатки зеленого тарифа и стандарта портфеля возобновляемых источников энергии

	Преимущества	Недостатки
Зеленый тариф	существует дифференциация по технологиям ВИЭ, которые находятся на разном уровне развития и отличаются по расходам на производство электроэнергии различие по ценам создает стимул развития ВИЭ в различных географических точках поскольку цена гарантирована, данный метод поддержки позволяет выходить на рынок нетрадиционным производителям энергии (например, домохозяйствам) Известная на средне- и долгосрочный период цена создает уверенность, необходимую для привлечения инвестиций и роста отрасли	дороговизна: чрезмерная нагрузка на потребителей и налогоплательщиков фиксированные цены не поощряют конкуренцию, в результате чего чистая энергия не производится по самой низкой цене чрезмерное государственное вмешательство на энергетический рынок
Требования к портфелю ВИЭ	Определяемая рынком цена способствует конкуренции, вследствие чего разрабатываются и используются более экономичные технологии	Территориальное распределение: критерий наименьших затрат часто ведет к тому, что развитие происходит в концентрированных зонах Высокая конкуренция со стороны крупных участников рынка препятствует генерации ВИЭ небольшими игроками

Источник: составлено автором на основе [6].

эффективными: если в 1989 г. установленная мощность в ветроэнергетике составляла 20 МВт, то в 1995 г. – уже 1000 МВт [8]. Успех Германии в реализации мер, стимулирующих развитие чистой энергии, обуславливается рядом факторов, а именно:

- выбором зеленого тарифа, его грамотной разработкой и своевременным внесением корректировок для решения сложившихся проблем;
- дополнением другими мерами (субсидиями, программами льготного кредитования, введением налога на потребление электроэнергии и повышением налога на ископаемое топливо, за исключением угля, программами обучения);

- институциональными механизмами: вопросы ВИЭ была переданы в ведение Министерства окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности;
- созданием рабочих мест и новых производств, увеличением установленной мощности [6].

Некоторые исследователи считают последний фактор ключевым, поскольку именно положительные социально-экономические результаты привели к тому, что меры стимулирования сохранялись даже при смене правящих партий.

Одновременно в процессе функционирования тарифа обозначился ряд проблем, требующих решения, в частности:

- неравномерное распределение бремени затрат, так как ВИЭ развивались в определенных частях страны;
- поскольку ставка платы производителям была привязана к ценам на электроэнергию, то при падении цен в результате либерализации рынка производители столкнулись с падением выручки;
- были опасения относительно объема финансирования, необходимого для поддержки развития проектов;
- не была предусмотрена плата энергокомпаниям за их производство чистой энергии.

Стимулирование развития ВИЭ в Великобритании стало разворачиваться только в начале 1990-х гг. Механизм поддержки представлял собой систему конкурентных торгов (проводимых в период с 1990 по 1998 гг.), в результате которых соответствующие критериям отбора технологии получали ценовую премию. В течение указанного периода в связи с выявленными недостатками несколько раз менялись правила и цены, прежде всего по причине недостаточного уровня конкуренции на первых раундах торгов и большого спроса на участки с высокой скоростью ветра, что привело к недостаточному разнообразию технологий.

В 2002 г. произошли кардинальные изменения в политике стимулирования возобновляемых источников энергии в Великобритании. Энергосбытовые компании обязали покупать и поставлять в сеть ВИЭ энергию согласно квотам, которые увеличивались каждый год. В случае невыполнения квоты на компанию накладывался штраф, выполнение же квоты финансово поощрялось.

Однако использование инструмента квот не привело к достижению целевых показателей по доле ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии, развивались лишь отдельные направления. Это может быть объяснено следующими причинами:

- в рамках используемого механизма инвесторам не была гарантирована цена;
- частотой изменений в регулировании;

- доминирующей рыночной идеологией, в рамках которой и был выбран механизм поддержки [6].

В итоге в Великобритании ВИЭ развивалась более медленными темпами по сравнению с Германией; требования к портфелю ВИЭ оказались более дорогостоящим способом стимулирования чистой энергии в Великобритании, чем зеленый тариф в Германии.

Чистая энергетика в России

Являющаяся глобальной энергетической державой и ищущая источники структурных изменений в целях стимулирования экономического роста и инновационного развития Россия не может игнорировать тенденции, происходящие в мировой экономике. На сегодняшний день доля ВИЭ в России, к которым относят солнечную, ветровую и малую гидроэнергетику², составляет менее 1% в общем объеме электрогенерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2015 г. №1472-р установлены планы по доведению доли ВИЭ в общем объеме выработки электроэнергии до 2,5% путем ввода новых 5,9 ГВт за период с 2014 по 2024 гг. (Предполагается, что 3,6 ГВт придется на новые ветровые электростанции, 1,52 ГВт – на солнечные³ и 751 МВт – на малые гидроэлектростанции мощностью менее 25 МВт)^{4,5}.

Для реализации намеченных целей в России создано нормативно-правовое поле, предусмотрены механизмы поддержки развития ВИЭ. В Постановлении Правительства Российской Федерации №449 от 28 мая 2013 г.⁶ прописано, что продавать электроэнергию на оптовом рынке можно через договоры поставки мощности (ДПМ) по цене и в порядке, установленном регулятором, отбор мощностей происхо-

² В соответствии с указанными далее по тексту нормативно-правовыми документами страны. В этой связи в разделе по России аббревиатура относится именно к данным источникам энергии, если не оговорены прочие.

³ Прим.: функционирующие на основе использования фотоэлектрического преобразования энергии солнца.

⁴ government.ru/docs/all/102917.

⁵ Для сравнения, в Германии только за 2016 г. было введено 6,3 ГВт новой мощности суммарно по ветру и солнцу, в Индии – 8,2 ГВт, в США – 16 ГВт, а в Китае новые мощности по данным видам энергии в 2016 г. составили 53,5 ГВт (IRENA. Renewable Capacity Statistics 2017). www.irena.org/publications/2017/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2017.

⁶ «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности». base.garant.ru/70388616.

дит на конкурсной основе ежегодно на четыре года вперед по критерию наименьших капитальных затрат [9].

В 2015 г. были приняты меры поддержки ВИЭ и на розничном рынке. Механизм поддерживает объекты чистой энергетики, использующие энергию солнца, ветра, биогаз, биомассу, свалочный газ, и малую гидроэнергетику. Постановление Правительства от 23.01.2015 г. № 47 обязало сетевые организации закупать электроэнергию, производимую «зелеными» электростанциями, в объеме не выше 5% от совокупного объема планируемых в очередном году потерь⁷.

Используемые в России меры поддержки чистой энергии стоит сравнить с механизмами, разработанные европейских странах. Для российской практики характерно следующее:

- цены определяются на основе установленной мощности генерирующих объектов, то есть формула цены установлена (как и в случае зеленого тарифа);
- если не производится минимальный объем электроэнергии, то производители несут потери за счет того, что плата снижается в соответствии с установленными коэффициентами (объем установлен и в стандарте портфеля ВИЭ, но за его несоблюдение в Великобритании предусмотрен штраф);
- существует дифференциация по технологиям;
- Федеральный закон № 35 «Об электроэнергетике» обеспечивает спрос, поскольку обязывает сетевые компании покупать электроэнергию генерирующих объектов ВИЭ по регулируемым тарифам (схожесть с зеленым тарифом);
- привлекательность для инвесторов, наряду с ясностью в отношении цены и объемов, гарантируется долгосрочными контрактами (отсутствие данных стимулов стало причиной медленного развития ВИЭ в Великобритании);
- поставлены стратегические цели по ВИЭ. Достижение этих целей и ограничение объемов поддержки обеспечивается тем, что проекты отбираются в пределах максимально установленного объема мощности на каждый год (то есть государственный бюджет застрахован от перерасхода средств на стимулирование развития ВИЭ);
- наличие установленных государством уровней предельных капитальных затрат позволяет контролировать расходы и развивать технологии с наименьшими издержками;
- требование локализации сформировало основы для достижения цели, к которой стремятся страны при разработке мер стимули-

⁷ Постановление Правительства от 23.01.2015. № 47. п. 2.

рования чистой энергии, – получение социально-экономических выгод для регионов, в которых строятся электростанции.

Таким образом, можно утверждать, что разработанные в России меры регулирования на рынке электроэнергетики в отношении альтернативных источников энергии содержат в себе черты как зеленого тарифа, так и требования к портфелю ВИЭ, поскольку регулируются и цены, и объемы вводимых мощностей. Важно, что эти меры учитывают те узкие места, которые были выявлены в процессе функционирования механизмов поддержки в европейских странах.

Однако действующий в России механизм также не свободен от недостатков, за истекший период выявлен целый ряд препятствующих развитию отрасли ограничений.

Результаты конкурсов, проведенных за период 2013–2015 гг., обнаружили перекося в сторону отбора большего объема мощностей солнечной генерации в рамках выполнения квот по сравнению с ветро- и гидроэнергетикой (за указанный период: 94,7, 15,9 и 11,9% квот соответственно) [11]. Налицо серьезное отставание от целевых показателей [12], что, вероятно, связано с проблемами, которые будут освещены ниже.

Несмотря на развитие местного производства ряда технологий ВИЭ за счет положения о локализации, локализационные требования⁸ оказались изначально слишком высокими: невозможно в столь короткие сроки развернуть производство компонентов генерирующих установок возобновляемой энергетики [13]. Причем, при невыполнении требований локализации инвесторы несут риск потерь, поскольку предусмотрены штрафные коэффициенты к расчетной величине платы за мощность [9].

Ряд проблем связан с существующими нормами технического регулирования, которые затрудняют прогнозирование сроков согласования проектной документации, что приводит к росту издержек по реализации проектов.

Применительно к ветроэлектростанциям (ВЭС) эксперты отмечают следующие проблемы:

- К ветротурбинам применяются требования по обеспечению устойчивости элементов конструкции, которые действуют в отношении высотных зданий и сооружений. Такой порядок влечет за собой необходимость перепроектирования и перерасхода материалов, в результате чего фундаменты российских ветропарков обойдутся инвестору дороже, чем в Европе.

⁸ Требование локализации заключается в том, что для включения в схему государственной поддержки инвесторы должны использовать отечественные технологии в определенном процентном соотношении.

- В российской энергетике существует требование стопроцентного резервирования на случай проведения ремонта основной линии, что по мнению некоторых экспертов, препятствует развитию ВЭС ввиду удорожания проектов. В качестве решения предлагается не строительство дополнительной ЛЭП, а приостановка работы станции [13].
- Строительные нормы проектирования автодорог на территории предприятия, коим является и ВЭС, предписывают прокладывать асфальтированные дороги, соответствующие по качеству дорогам общего пользования. Однако в зарубежной практике, на которую обычно ориентируются при строительстве электростанций на основе альтернативных источников энергии, используются гравийные и даже грунтовые дороги (при условии, что они обладают необходимой несущей способностью), что дешевле асфальта.

Для того, чтобы нивелировать описанные выше факторы, ограничивающие развитие чистой энергетики в России, предлагается следующее.

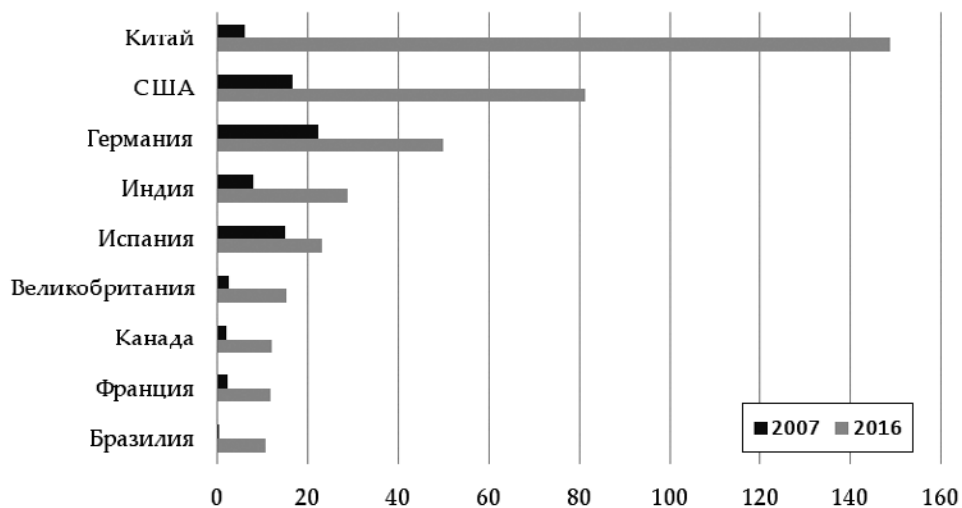
Как и любой другой отрасли, возобновляемой энергетике нужен долгосрочный сигнал, что данное направление будет развиваться в России и после 2024 года. Из сопоставления имеющихся планов по вводу новых мощностей по Распоряжению Правительства №1472-р к 2024 г. и по суммарному объему генерирующих мощностей ВИЭ к 2035 г. (согласно Энергетической стратегии России на период до 2035 г.) эксперты делают вывод, что по завершении действия программы ДПМ мощности с потенциалом выпуска до 800 МВт/год объектов ВИЭ будут либо не загружены полностью, либо простаивать [13]. Такие перспективы неблагоприятны для отрасли. Во-первых, по причине существующего и предстоящего наращивания рынка ВИЭ в мире, где Россия могла бы стать участником за счет использования уже приобретенных компетенций и получать с этого выгоду, а во-вторых, поскольку благодаря развитию, пусть и не в больших пока масштабах, альтернативной энергетики создаются высокотехнологичные отрасли в отечественной экономике: производство оборудования для возобновляемой энергетики, а также строительство и эксплуатация данных объектов.

В условиях чрезмерной нагрузки на проекты ВИЭ действующие игроки рынка указывают на необходимость внесения изменений в нормативно-правовые акты в сфере строительства и эксплуатации объектов с учетом специфики и международной практики функционирования отрасли альтернативной энергетики. В частности, требуется пересмотр коэффициентов локализации с учетом сроков, необходимых для сертификации и развертывания производства. Кроме того, необходимы поправки в законодательство в части требований к строительству и эксплуатации объектов ВИЭ для снижения излиш-

ней финансовой нагрузки проектов и, следовательно, повышения их привлекательности для инвесторов.

Следует развивать уже приобретенные компетенции и продвигать на мировой рынок продукцию, которая уже производится в нашей стране (примером являются композитные материалы).

Поскольку состоявшиеся конкурсные отборы показали недостаточно высокую заинтересованность отечественных компаний в проектах строительства ВЭС, а также ввиду наличия высокого потенциала получения электроэнергии из биоэнергии, прежде всего, из отходов сельского хозяйства, целесообразно осуществлять поиск партнеров в странах-лидерах по данным направлениям (см. рис. 3).

Источник: составлено автором по данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии. www.irena.org/publications/2017/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2017.

Рис. 3. Объемы мощности установок, производящих электроэнергию из энергии ветра, в ГВт

Заключение

Обеспокоенность глобальными экологическими проблемами, выраженная в международных соглашениях, оказывает влияние на направления развития мировой экономики, в частности, на трансформационные процессы в энергетике. Развитие чистой энергетики в мире будет набирать обороты в кратко-, средне- и, вероятно, долгосрочном периодах.

Рядом развитых стран уже накоплен опыт разработки и реализации политики стимулирования возобновляемых источников энергии. Анализ внедрения механизмов поддержки отрасли в Гер-

мании и Великобритании демонстрирует, что зеленый тариф оказывается более эффективным с точки зрения социально-экономических результатов, достижения целей по альтернативным источникам и объема бюджетных затрат по сравнению с требованием к портфелю ВИЭ по причине того, что последний не дает долгосрочных гарантий инвесторам.

В 2013 г. в России, хоть и с задержкой по сравнению с общемировой практикой, законодательно был дан старт развитию возобновляемых источников энергии. В российских нормативно-правовых актах учтены многие факторы, которые обеспечивают привлекательность инвестиционных вложений в отрасль. За этот период определилась специфика развития отечественных ВИЭ (в частности, отбор мощностей намного ниже предоставляемых на конкурсах квот по ветровой и малой гидроэнергетике), сформировались определенные компетенции, но и наметились проблемы, требующие решения. Изменение коэффициентов локализации, создание специальных требований к строительству и эксплуатации ветроэлектростанций с учетом их специфики и развитие экспортного потенциала композитных материалов будут способствовать более эффективному развитию чистой энергии в России. Нет сомнения в перспективности развития данного сектора: это позволит не упустить выгоду как от развития высокотехнологичных отраслей внутри страны, так и от реализации продукции на международном рынке. Партнерами по развитию ВЭС и биоэнергетики могут стать некоторые страны БРИКС, с которыми уже налажено экономическое взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Forum. The Global Risks Report 2017: 12th Edition. Geneva: World Economic Forum, 2017.
2. IEA. CO₂ Emissions from Fuel Combustion: Highlights. Paris: OECD/IEA, 2016.
3. Bloomberg New Energy Finance. Record \$30bn for offshore wind but overall investment down. about.bnef.com/blog/record-30bn-year-offshore-wind-overall-investment.
4. BP Statistical Review of World Energy. London: BP Statistical Review of World Energy, 2017.
5. IEA. World Energy Outlook 2017: Executive Summary. OECD/IEA, 2017.
6. Lipp J. Lessons for effective renewable electricity from Denmark, Germany and the United Kingdom // Energy Policy. 2007. № 35. Pp. 5481–5495.
7. Komor P. Renewable Energy Policy. New York: iUniverse Inc., 2004.
8. Grotz C. Handbook of Renewable Energies in the European Union: Case Studies of the EU-15 States / Second ed. Peter Lang Verlag. Frankfurt: In: Reiche, D. (Ed.), 2005.
9. Eichhammer W. et al. Greenhouse Gas Reductions in Germany and the UK: Coincidence or Policy Induced? An Analysis for International Climate Policy. German Environment Ministry, Berlin, 2001.

10. Гречухина И.А., Кудрявцева О.В., Яковлева Е.Ю. Эффективность развития рынка возобновляемых источников энергии в России. // Экономика регионов. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 1167–1177.
11. Национальное рейтинговое агентство. Развитие альтернативной энергетики в России. www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Развитие%20альтернативной%20энергетики%20в%20России%201.pdf.
12. Осмаков В. Ватты и технологии: зачем России возобновляемая энергетика // Forbes. 21.09.2017. www.forbes.ru/tehnologii/350313-vatty-i-tehnologii-zachem-rossii-vozobnovlyaemaya-energetika.
13. Каланов А. Возобновляемая энергетика в России: стоять на месте или сделать первый шаг // Forbes. 18.04.2017. www.forbes.ru/biznes/342905-vozobnovlyaemaya-energetika-v-rossii-stoyat-na-meste-ili-sdelat-pervyy-shag.

ABOUT THE AUTHOR

Polina Anatolyevna Nosko – Master of Science, Postgraduate Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

polina.nosko@gmail.com

ECOLOGIZATION OF WORLD ENERGY: FOREIGN EXPERIENCE AND THE RUSSIAN SPECIFICITY OF CLEAN ENERGY DEVELOPMENT

The subject of this work is the development of recommendations for the development of renewable sources energy in Russia. To this end, the article analyzes the trends in the world energy, related to the international environmental agenda, specific experience was studied in the implementation of environmentally-oriented measures, the relationship between the international environmental agenda and the world economy is considered, it is noted that concern over the state of the environment affects the transformation processes in the energy sector. The practice of European countries-leaders in the field of renewable energy sources is shown by comparing the two main mechanisms of supporting this industry. The specifics of the introduction of measures to stimulate clean energy in Russia were analyzed, and recommendations for their improvement were given.

Keywords: *environmental risks, world energy, investments in clean energy, renewable energy sources, renewable energy.*

JEL: L94, O13, Q40, Q42, Q47.

Л.О. АНТОНЯН

сотрудник кафедры политической экономики
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

О ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ОТРАСЛЕЙ РОССИИ

В статье рассмотрен ряд тенденций изменения структуры российской нефтяной и газовой отраслей. Выявлено значительное увеличение индекса концентрации в нефтяной отрасли и снижение концентрации в газовой отрасли, происшедшие в течение последних 20 лет, определены проблемы, возникшие в связи с такими изменениями. Отмечены процессы взаимопроникновения нефтяной и газовой отраслей. Автором проанализированы динамика и важнейшие факторы изменения продуктовой структуры нефтеперерабатывающей промышленности России.

Ключевые слова: нефтяная отрасль, газовая отрасль, нефтепереработка, индексы концентрации.

JEL: L13, L16, L71.

Нефтегазовый сектор, при экспортно-сырьевой ориентации российской экономики, вносит существенную долю в ВВП и бюджет страны, поэтому конъюнктура мировых рынков нефти и газа остается важным фактором динамики российской экономики, курса рубля, структуры и объема внешнеторговых операций. Однако за последние 25 лет стали оформляться и укрепляться и внутренние тенденции, которые отражают как взаимодействие компаний нефтяного и газового секторов, так и глубокие преобразования в структуре и технологиях каждой отрасли.

Российская нефтяная и газовая отрасли до распада СССР развивались как самостоятельные, однако, начиная с 1990-х гг. и до последнего времени наблюдается взаимопроникновение указанных отраслей: нефтяные компании наращивают добычу природного газа, газовые – добычу нефти.

В данном сегменте экономики преобладают крупные вертикально-интегрированные компании. В газовой отрасли компанией-лидером является Газпром¹, который имеет монопольное право на экспорт

¹ Здесь и далее для упрощения восприятия информации в наименовании компаний не будет указываться их организационно-правовая форма.

трубопроводного газа из России. В результате преобразований в состав Газпрома были также интегрированы газотранспортная система (магистральные газопроводы на территории России) и подземные хранилища газа [6, с. 95]. В нефтяной промышленности в ходе реформирования в 1990-х годах было создано несколько вертикально-интегрированных нефтяных компаний. Но в отличие от газовой отрасли, транспортировка сырой нефти по магистральным трубопроводам по территории России с 1993 г. осуществляется государственной компанией Транснефть, которая стала естественной монополией. Транспортировка нефтепродуктов по магистральным нефтепродуктопроводам осуществляется другой государственной компанией – Транснефтепродукт, которая с 2008 г. была интегрирована в систему группы Транснефть².

Анализ тенденций изменения структуры российской нефтяной и газовой отраслей, а также их трансформаций необходим для оценки целесообразности применения различных инструментов государственного регулирования, в том числе антимонопольными органами власти, и оценки инициатив со стороны предприятий отрасли.

В рамках статьи рассмотрены сектора добычи нефти и газа и нефтепереработка.

Нефтяная отрасль

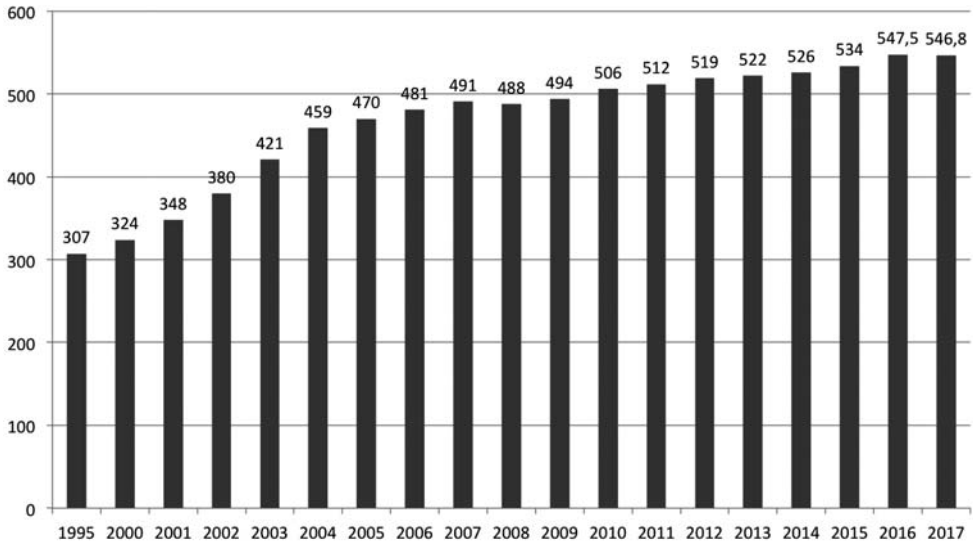
Согласно данным компании ВР (BP Statistical Review of World Energy 2017) на конец 2016 г. запасы нефти в России составили 15 млрд т (6 место в мире). Добыча нефти и газового конденсата в России в течение 2000-х годов растет, но темпы роста нефтедобычи сокращаются (рис. 1). Это вызвано как объективными причинами (Россия выходит на «плато» нефтедобычи), так и конъюнктурой рынка, в первую очередь мирового.

Согласно государственной программе Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики»³ планируется стабилизация добычи нефти и газового конденсата на уровне 548 млн т в год до 2020 г., что соответствует консервативному сценарию проекта Энергетической стратегии России до 2035 г.

На объем добычи нефти в России оказывают влияние и внешние факторы: динамика мировых цен на нефть (двукратное снижение цен

² Официальный сайт компании АО «Транснефтепродукт». transnefteproduct.transneft.ru/about/deyatelnost (дата обращения: 12.12.2017).

³ Государственная программа «Энергоэффективность и развитие энергетики» утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 321 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 № 1709).

Источник: построено автором на основе данных Росстата и ЦДУ ТЭК.

Рис. 1. Добыча нефти, включая газовый конденсат, в 1995, 2000–2017 гг., млн т

на нефть в 2014 г. и их сохранение на низком уровне), соглашения с ведущими нефтеэкспортерами мира (соглашение в рамках ОПЕК+). Так, с 2014 г. В России наблюдался рост объемов добычи нефти в сравнении с запланированными в документах стратегического планирования уровнями. Подобным образом поступили и некоторые другие страны-экспортеры нефти, стремившиеся за счет увеличения масштабов экспорта обеспечить более высокие поступления в свои бюджеты в условиях низких мировых цен. Однако уже в конце 2016 г. в целях стабилизации и повышения уровня мировых цен на нефть страны ОПЕК заключили соглашение об ограничении объемов добычи нефти с начала 2017 г. до 32,5 млн барр. в сутки (сокращение на 1,2 млн барр.). При этом обязательства по снижению добычи взяли на себя и страны, не входящие в ОПЕК (суммарное снижение добычи на 558 тыс. барр. в сутки⁴), в том числе и Россия (сокращение на 300 тыс. барр. в сутки)⁵. В конце ноября 2017 г. состоялись новые встречи стран ОПЕК и ряда государств, не входящих в организацию, включая Россию, на которых принято решение о продлении соглашения об ограничении добычи нефти до конца 2018 г. По указанному

⁴ Россия с 1 января начинает сокращать добычу нефти по соглашению с ОПЕК. РИА Новости 01.01.2017. ria.ru/economy/20170101/1485049810.html (дата обращения: 02.12.2017).

⁵ ОПЕК договорилась о сокращении добычи нефти. РИА Новости 30.11.2016. ria.ru/economy/20161130/1482542968.html (дата обращения: 02.12.2017).

соглашению добыча нефти в России в 2018 г. сохранится уровне 2017 года и составит около 547 млн т за год⁶.

Крупнейшими игроками в нефтедобывающей отрасли России являются вертикально-интегрированные нефтяные компании (ВИНК), хотя работают и малые и средние предприятия. Крупнейшими являются Роснефть (188,7 млн т в 2017 г.), Лукойл (81,7 млн т в 2017 г.), Сургутнефтегаз (60,5 млн т в 2017 г.), Газпром нефть (39,5 млн т в 2017 г.)⁷.

Индексы концентрации в нефтяной отрасли. В целях анализа отраслевых рынков экспертами широко применяются индексы концентрации, характеризующие степень концентрации производителей и/или покупателей, то есть «плотность размещения рыночных структур и совокупность разных удельных весов агентов рынка по объему предложения и спроса»⁸. Среди наиболее часто используемых индексов концентрации можно выделить коэффициент концентрации и индекс Херфиндаля-Хиршмана (НИ). Существуют и другие показатели рыночной концентрации: индекс Хана и Кея, индекс энтропии, коэффициент Джини и пр.⁹

Коэффициент концентрации рассчитывается как сумма рыночных долей нескольких наиболее крупных компаний отрасли (обычно рассматривают крупнейшие 3, 5, 10 компаний)¹⁰.

Основываясь на данных публикации ЦДУ ТЭК «Оперативные итоги работы ТЭК России за декабрь и период с начала 2016 года (уточненные итоги)», 25.01.2017 г. [8], а также в справочно-аналитическом сборнике Мастепанова А.М. [6], нами были рассчитаны индексы концентрации в нефтяной отрасли (секторе добычи нефти) за 1996, 2006, 2016 годы и проведена оценка изменения уровня концентрации за последние 20 лет (см. табл. 1).

Индекс концентрации CR3 рассчитан как доля трех крупнейших компаний отрасли по показателю «добыча нефти, включая газовый

⁶ Новак дал прогноз по добыче нефти в России и доходах от сделки ОПЕК+. Российская газета 30.11.2017. rg.ru/2017/11/30/novak-dal-prognoz-po-dobyche-nefti-v-rossii-i-dohodah-ot-sdelki-opek.html (дата обращения: 02.12.2017).

⁷ Данные ЦДУ ТЭК.

⁸ Анализ отраслевых рынков : учебник / Л.В. Рой, В.П. Третьяк; МГУ им. М. В. Ломоносова. Эконом. фак-т. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 32

⁹ Экономика отраслевых рынков / А. Вурос, Н. Розанова. МГУ им. М.В. Ломоносова. Эконом. фак-т. М.: ТЕИС, 2000. С. 25–32.

¹⁰ Данный индекс имеет ряд преимуществ, в первую очередь, легкость в применении, расчетах, а также отсутствие необходимости иметь полную статистику по всей отрасли. Однако он не позволяет сравнивать изменение численности фирм отрасли, и учитывает распределение рыночных долей только нескольких крупных компаний. Индекс Херфиндаля-Хиршмана позволяет учесть как изменение численности фирм отраслевого рынка, так и изменение распределения рыночных долей этих фирм, он представляет собой сумму квадратов рыночных долей компаний отрасли.

конденсат», индекс Херфиндаля-Хиршмана рассчитан только с учетом указанных в табл. 1 компаний. В связи с тем, что в расчет индекса ННІ не были включены другие компании с меньшей долей добычи, можно говорить о том, что значение индексов Херфиндаля-Хиршмана по всем компаниям отрасли в рассматриваемые годы будет несколько выше. Стоит отметить, что даже без учета менее крупных компаний в 2016 г. можно говорить о высокой концентрации нефтяной отрасли России: согласно общепринятым критериям уже начиная со значения ННІ=1800 отрасль считается высококонцентрированной.

Таблица 1

Добыча нефти в России в разрезе крупнейших компаний и индексы концентрации в нефтяной отрасли в 1996, 2006, 2016 годах

Добыча нефти в 1996 г., млн т		Добыча нефти в 2006 г., млн т		Добыча нефти в 2016 г., млн т	
Роснефть	13	Роснефть	85,7	Роснефть	189,7
ЮКОС	35,3	ЮКОС	21,5	Лукойл	83
Лукойл	50,9	Лукойл	91,1	Сургутнефтегаз	61,8
Сургутнефтегаз	33,3	Сургутнефтегаз	65,6	Газпром нефть	37,8
СИДАНКО	20,8	ТНК-ВР	68,5	Славнефть	15
Тюменская нефтяная компания	21,5	Газпром нефть (Сибнефть)	32,7	Татнефть	28,7
Сибнефть	18,6	Славнефть	23,3	Башнефть	21,4
Славнефть	12,5	Татнефть	25,4	Газпром*	17,4
Татнефть	24,8	Башнефть	11,7	РуссНефть	7
Башнефть	16,3	Газпром*	13,4	ННК	2
Газпром*	8,6	РуссНефть	14,8	НОАВТЭК	8
Всего в России	301,02	Всего в России	480,5	Всего в России	547,5
Индексы концентрации в 1996 г.		Индексы концентрации в 2006 г.		Индексы концентрации в 2016 г.	
CR ₃ , %	39,7	CR ₃ , %	51,1	CR ₃ , %	61,1
ННІ (по крупнейшим компаниям)	824	ННІ (по крупнейшим компаниям)	1208	ННІ (по крупнейшим компаниям)	1670

*Данные по добыче Газпрома указаны без учета добычи Газпром нефти.

Источник: рассчитано автором по данным ЦДУ ТЭК и сборника А. Мастепанова.

Представленные данные свидетельствуют о том, что на протяжении последних 20 лет в российской нефтяной отрасли происходил последовательный рост концентрации добычи: увеличение коэффициента концентрации CR3 с 39,7 до 61,1% и почти двукратный рост коэффициента Херфиндаля-Хиршмана – с 824 до 1670.

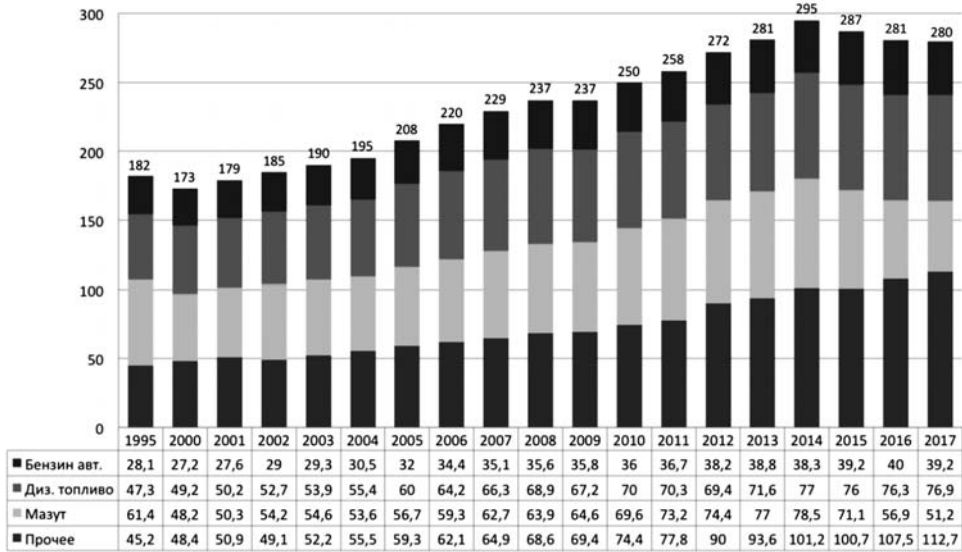
Особое внимание тенденциям увеличения рыночной концентрации должны уделять органы исполнительной власти, в частности Федеральная антимонопольная служба, так как эти тенденции могут приводить к ограничению конкуренции, злоупотреблению доминирующим положением на рынке крупными игроками, навязыванию контрагентам невыгодных для них условий и дискриминационных условий, установлению монопольно высокой или монопольно низкой цены, увеличению барьеров входа на рынок и пр.

Динамика и структура переработки нефти и газового конденсата в России. Переработка нефти и газового конденсата осуществляется преимущественно на нефтеперерабатывающих заводах (далее – НПЗ) ВИНК. По состоянию на 2014 г. в стране работал 71 нефтеперерабатывающий и газоперерабатывающий завод, из которых 28 находились в собственности ВИНК и обладали 86,3% общей мощности по переработке в России.

Как показано на рис. 2, на протяжении многих лет наблюдался рост объемов переработки нефтяного сырья. Вместе с тем, после 2014 г. объемы переработки нефти и газового конденсата сокращаются, и по прогнозам Минэнерго России ожидается дальнейшее снижение объемов первичной переработки нефти. При этом за счет увеличения глубины переработки нефтяного сырья, совершенствования применяемых технологий выход нефтепродуктов будет расти, таким образом, объем производства нефтепродуктов с высокой добавленной стоимостью увеличится.

На рис. 2 отражены объемы производства отдельных нефтепродуктов, включая автомобильный бензин, дизельное топливо и топочный мазут по годам. Можно заметить, что еще в начале 2000-х гг. производилось примерно одинаковое количество дизельного топлива и мазута, при этом объемы производства автомобильного бензина были почти в 2 раза ниже производства дизтоплива. Но к 2017 г. производство мазута топочного значительно сократилось.

По данным ЦДУ ТЭК в настоящее время в структуре нефтепереработки России преобладает производство дизельного топлива, большая часть которого поставляется на экспорт: в 2017 г. произведено 76,9 млн т дизельного топлива, из которых 43,7 млн т экспортировано. Производство автомобильного бензина меньше в объемах, при этом он в основном поставляется на внутренний рынок (из 39,22 млн т автомобильного бензина, произведенного в 2017 г., 35,2 млн т отгружено на внутренний рынок). Производство мазута топочного в последние годы снижается –

Источник: построено автором на основе данных Минэнерго России, Росстата и ЦДУ ТЭК.

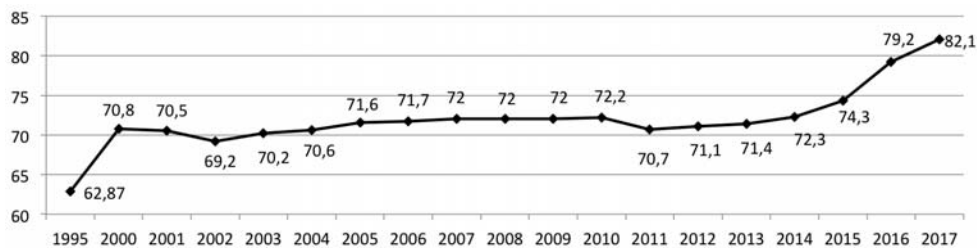
Рис. 2. Динамика и структура переработки нефти и газового конденсата в России в 1995, 2000–2017 гг., млн т в год

в 2017 г. составило 51,17 млн т, из которых 39,5 млн т экспортировано. На структуру производства нефтепродуктов в значительной мере влияют меры налогового регулирования и изменения ставок таможенных пошлин, которые в настоящее время стимулируют производителей увеличивать выпуск светлых нефтепродуктов в России.

Позитивные изменения наблюдаются в структуре производства автомобильного бензина и дизельного топлива по экологическим классам моторных топлив¹¹. Если в 2012 г. производство автомобильного бензина экологического класса 5 составляло 24,4%, то в 2016 г. оно выросло до 93%, производство же бензинов класса 3 и ниже сократилось с 40,4 до 5,5% в этот же период. Производство дизельного топлива 5 экологического класса также существенно выросло с 25,5% от общего объема производства в 2012 году до 84,9% в 2016 г. Дизельное топливо 3 экологического класса и ниже в 2016 г. стали производить более чем в 3 раза меньше, чем в 2012 г., а его доля в общем объеме производства дизельного топлива за рассматриваемый период сократилась с 65,4 до 14,8%.

¹¹ С 2011 года на территории Российской Федерации действует Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 013/2011 «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту», в соответствии с которым предусмотрен поэтапный переход на 5 экологический класс по автомобильному бензину и дизельному топливу.

На рис. 3 представлена динамика показателя «глубина переработки нефти» за период с 2006 по 2017 г.¹²

Источник: с 1990–2015 гг. данные Росстата, 2016–2017 гг. – данные Минэнерго России.

Рис. 3. Глубина переработки нефтяного сырья в России в 1995, 2000–2017 гг., %

Как видим, наблюдается постоянный рост глубины переработки нефтяного сырья: в 1996 г. этот показатель составлял 62,7%, в 2006 – 71,7%, в 2016 – 79,2%¹³, в 2017 – 82,1%¹⁴. Такой рост связан, в первую очередь, с проведением масштабной модернизации в нефтеперерабатывающей промышленности. Компаниями нефтегазовой отрасли в 2011 г. совместно с Росстандартом, ФАС России, Ростехнадзором подписаны четырехсторонние соглашения по проведению модернизации нефтеперерабатывающих производств. 19 четырехсторонних соглашений подписаны в целях повышения качества поставляемых на рынок топлив и обеспечения своевременного выполнения требований законодательства в части запрета на выпуск в оборот автомобильного бензина и дизельного топлива экологических классов 2, 3, 4 [7]. В результате принятых мер уже удалось повысить глубину переработки нефти, выход светлых нефтепродуктов, а также производительность труда в нефтепереработке. По данным Минэнерго России, в соответствии с четырехсторонними соглашениями за 2011–2016 гг. введены в эксплу-

¹² Глубина переработки нефти рассчитывается как отношение переработанной нефти за вычетом мазута и потерь к общему объему нефти, направленному на переработку [(переработанная нефть – (мазут+потери))/переработанная нефть]. Рост значения данного показателя может быть обеспечен за счет сокращения производства мазута. Поэтому при анализе качественных изменений в структуре нефтепереработки следует обратить внимание не только на данный показатель, но и на изменение выхода светлых нефтепродуктов.

¹³ Росстат. Эффективность экономики России, показатель глубины переработки нефтяного сырья. www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/2-1-9.xls (дата обращения: 06.10.2017).

¹⁴ Нефтяная отрасль: итоги 2017 года и краткосрочные перспективы. Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. № 56. Январь 2018 г. С. 9.

атацию 70 установок вторичной переработки нефти, планируется ввести всего 131 установку к 2027 г. [3].

Немаловажную роль в изменении структуры переработки нефти сыграли меры налогового регулирования, в частности, реализация так называемого «большого налогового маневра», проводимого в 2015–2017 гг.¹⁵

Что касается структуры нефтеперерабатывающей промышленности в разрезе производителей, то показатели концентрации по России в целом оказываются значительно ниже показателя концентрации в добыче нефти. Так, индекс Херфиндаля-Хиршмана, рассчитанный по данным о переработке нефти российскими компаниями, представленным в журнале Нефтегазовая вертикаль (№ 3-4 2017 г.), составил 1204,9, индекс концентрации CR3=52,3%.

Несмотря на большее количество производителей и более низкое значение индексов концентрации в целом по стране в сравнении с добычей нефти, в нефтеперерабатывающей промышленности имеет место региональный монополизм. Исследователи отмечают, что российский «рынок нефтепродуктов обладает существенной неоднородностью в пространственном (региональном) разрезе» [4, стр. 53], большие расстояния ограничивают возможности потребителей в выборе поставщиков нефтепродуктов. В этой связи требуется особое внимание к данной отрасли со стороны государства и, в частности, антимонопольных служб, в целях предотвращения злоупотребления доминирующим положением региональных монополистов.

Газовая отрасль

Согласно данным компании ВР (BP Statistical Review of World Energy 2017) на конец 2016 г. запасы газа в России составили 32,3 трлн куб. м (второе место в мире). По добыче природного газа Россия занимает второе место в мире после США и первое место по экспорту. По оценкам компании ВР его доля в мировой добыче составила 16,4%.

В последние годы добыча природного газа сохранялась на высоких уровнях, однако в 2014 г. она сократилась и оказалась ниже плановых значений. Причиной негативной динамики стало снижение спроса со стороны европейских стран, а также невыборка газа Украиной. На рис. 4 представлена динамика добычи газа в России за период 1995, 2000–

¹⁵ Его идея заключается в снижении ставок экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты и росте ставок налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ) с одновременным сокращением акцизов на нефтепродукты. Дополнительно предусмотрено сокращение размера ставок экспортной пошлины на светлые нефтепродукты и увеличение на темные нефтепродукты при сохранении привязки ставок вывозных пошлин на нефтепродукты к ставке экспортной пошлины на нефть.

2017 г., а также вклад крупнейшей компании отрасли – Газпром (без учета добычи Газпромом нефти). Помимо Группы Газпром в отрасли присутствуют независимые производители, включая газовую компанию НОВАТЭК, вертикально-интегрированные нефтяные компании Лукойл, Роснефть, Сургутнефтегаз и другие.

Доля Газпрома в 2016 г. составила 63,3% (или 406 млрд куб. м), но она неуклонно снижалась на протяжении последних лет. По статистическим данным, публикуемым ЦДУ ТЭК [14], компанией НОВАТЭК в 2017 году добыто 47,03 млрд куб. м природного и попутного газа, Роснефтью – около 47,5 млрд куб. м (без учета добычи Башнефти), Лукойлом – 21,1 млрд куб. м. Среди крупных производителей также можно выделить Газпром нефть и Сургутнефтегаз.

Газовая отрасль также как и нефтяная отрасль России характеризуется высоким уровнем концентрации с наличием лидера – Газпрома. Однако в отличие от нефтяной отрасли, где имеет место тенденция к увеличению концентрации, в газовой промышленности происходит обратный процесс – существенно сокращается доля Газпрома, при этом на рис. 4 виден рост доли газа в общем объеме добычи таких крупных нефтяных компаний как Роснефть и Лукойл. Еще в 1996 г. Газпром добывал до 93,9% от общей добычи газа в России, а доля трех крупнейших компаний составляла 96,4%. В течение следующих 20 лет ситуация постепенно менялась: добыча Газпрома сокращалась как в относительных, так и в абсолютных значениях с 564,7 до 405,5 млрд куб. м, снижение объемов наблюдается даже при учете добычи Газпром нефти (см. табл. 2). Такое сокращение было связано с рядом обстоятельств. Одним из важнейших является спад продаж на основных рынках сбыта¹⁶: на внутреннем рынке нарастили добычу газа независимые производители, в Европе – увеличился импорт сжиженного природного газа. Дополнительно стоит отметить, что Украина с ноября 2015 г. прекратила прямую закупку газа из России¹⁷.

Расчеты индексов концентрации также подтверждают наличие такой тенденции (табл. 2)¹⁸.

¹⁶ Кильзие Ф. Слабеющее достояние: с чем связан упадок «Газпрома»? 06.04.2016 // РБК. www.rbc.ru/opinions/economics/06/04/2016/5704d7b19a794767c200e9de (дата обращения: 06.12.2017).

¹⁷ Киев допустил закупки газа у России. 23.10.2017 // Известия. iz.ru/662012/2017-10-23/kiev-dopustil-zakupki-gaza-u-rossii (дата обращения: 06.12.2017).

¹⁸ По данным о добыче газа в России в разрезе компаний, представленных в публикации ЦДУ ТЭК «Оперативные итоги работы ТЭК России за декабрь и период с начала 2016 года (уточненные итоги)» от 25.01.2017 г., и в сборнике Мастепанова А.М. рассчитаны индексы концентрации за 1996, 2006, 2016 годы и оценено изменение уровня концентрации в газовой отрасли России за последние 20 лет.

Добыча газа в России в разрезе крупнейших компаний и индексы концентрации в газовой отрасли в 1996, 2006, 2016 годах

Добыча газа в 1996 г., млрд куб. м		Добыча газа в 2006 г., млрд куб. м		Добыча газа в 2016 г., млрд куб. м	
Газпром*	564,7	Газпром*	550,3	Газпром*	405,5
Роснефть	5,2	НОВАТЭК	28,8	НОВАТЭК	50,1
ЮКОС	1,6	Роснефть	13,6	Роснефть	46,6
Лукойл	3	ЮКОС	1,9	Лукойл	18,4
Сургутнефтегаз	9,7	Лукойл	14,1	Сургутнефтегаз	9,8
СИДАНКО	2	Сургутнефтегаз	14,6	Газпром нефть	13,5
Тюменская нефтяная компания	3,8	ТНК-ВР	8,7	Славнефть	0,9
Сибнефть	1,6	Газпром нефть	2,1	Татнефть	1
Славнефть	1,3	Славнефть	0,9	РуссНефть	2,4
Татнефть	0,8	Татнефть	0,7	Башнефть	1
Башнефть	0,5	РуссНефть	1,6	ННК	1,4
Всего в России	601,5	Всего в России	656,3	Всего в России	640,2
Индексы концентрации в 1996 г.		Индексы концентрации в 2006 г.		Индексы концентрации в 2016 г.	
CR ₃ , %	96,4	CR ₃ , %	90,5	CR ₃ , %	78,4
ННІ (по крупнейшим компаниям)	8818,1	ННІ (по крупнейшим компаниям)	7065,8	ННІ (по крупнейшим компаниям)	4141,3

* Данные по добыче Газпрома указаны без учета добычи Газпром нефть.

Источник: рассчитано автором по данным ЦДУ ТЭК и сборника А.Мастепанова.

Газовая отрасль России остается высококонцентрированной, однако уровень концентрации на протяжении последних 20 лет значительно снизился: значение индекса концентрации ННІ сократилось более чем в 2 раза с 8818,1 до 4141,3, также произошло снижение показателя CR₃ с 96,4 до 78,4%.

Рост добычи природного и попутного газа независимыми производителями газа ставит новые вопросы и задачи. Как известно, в настоящее время Газпром обладает монополией на экспорт трубопроводного газа. Однако в условиях, когда другие компании отрасли наращивают добычу газа, все больше и больше иницируются предложения по либерализации экспорта трубопроводного газа (расширению компаний, обладающих правом экспорта).

Другой проблемой является обеспечение недискриминационного доступа к объектам газотранспортной инфраструктуры: транспортировке по трубопроводам и хранению газа в подземных хранилищах [11]. Указанные услуги осуществляет Газпром, являясь в этом отношении естественной монополией. Несмотря на то, что тарифы на транспортировку газа для независимых производителей регулируются и контролируются госорганами (ФАС России), но для своих дочерних предприятий Газпром устанавливает тарифы самостоятельно, в связи с чем возникает много вопросов о справедливости установленных уровней тарифов для независимых производителей и дочерних предприятий Газпрома, а также обеспечения недискриминационного доступа к трубе.

Что касается структуры газовой отрасли в региональном аспекте, добыча природного и попутного газа в России сосредоточена в Уральском федеральном округе, который обеспечивал в 2015 г. 84,4% всей добычи газа в стране. В последние годы заметно выросла добыча в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах¹⁹. Еще в 2005 г. доля указанных регионов в добыче газа составляла 0,59% (ДФО) и 0,89% (СФО), к 2015 г. в Дальневосточном федеральном округе добыча газа составила 5% общероссийского уровня, в Сибирском федеральном округе – 3%²⁰.

Как и в нефтяной отрасли, на развитие газовой отрасли влияют внешние и внутренние факторы. Внешние – снижение спроса на российский газ со стороны основных партнеров – стран Европы, усиливающиеся транзитные риски (Украина). Ухудшает положение и антимонопольная политика, проводимая Европейским Союзом, так называемый Третий энергопакет. Транзитные риски в купе с необходимостью выполнения Третьего энергопакета привели к необходимости строительства дополнительных трубопроводов. Среди внешних негативных факторов также стоит выделить финансовые и технологические санкции, которые коснулись компаний нефтяной и газовой отраслей.

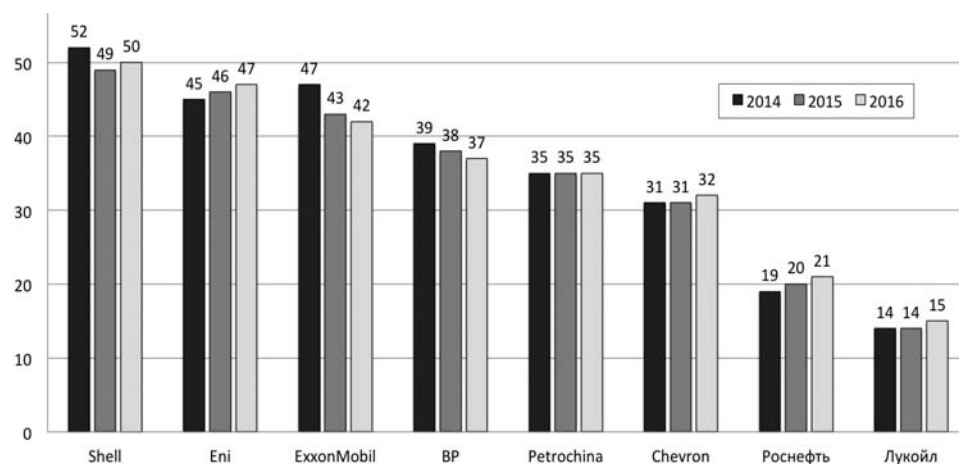
Внутренние проблемы, так же как и в нефтяной отрасли, связаны с увеличением себестоимости добычи газа, которое вызвано перемещением открываемых месторождений в глубь арктической зоны страны, на территории с более суровыми горно-геологическими условиями.

¹⁹ Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 г. Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2015 г. www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 06.12.2017).

²⁰ Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2006 г. Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2005 г. www.gks.ru/bgd/regl/B06_14p/Main.htm (дата обращения: 06.12.2017).

Взаимное проникновение компаний нефтяной и газовой отраслей

В настоящее время все больше проявляется тенденция взаимного проникновения компаний нефтяной и газовой отраслей. Значительные объемы газа в структуре добычи углеводородов характерно для многих западных нефтегазовых компаний. Так, по данным ведущих зарубежных нефтегазовых компаний доля газа в структуре добычи углеводородов достигает значений 30–50%, среди них: Shell, Eni, ExxonMobil, BP, Petrochina, Chevron (рис. 4).

Источник: Годовой отчет ПАО «НК «Роснефть» за 2016 год.

Рис. 4. Доля газа в добыче углеводородов, %

Российские нефтяные компании существенно нарастили объемы добычи газа: так, в структуре добычи углеводородов Роснефти доля газа в 2016 году составила 21%, Лукойла – 15%.

Выводы

Изменение структуры нефтяной и газовой отраслей является весьма актуальным вопросом, с одной стороны, в связи с высокой значимостью указанных отраслей для российской экономики, с другой – существованием олигополии на данных отраслевых рынках и наличием рисков ухудшения конкурентной среды. Анализ важнейших тенденций, происходящих в рассматриваемых отраслях, позволит законодательным и исполнительным органам власти проводить более взвешенную политику, учитывающую особенности как текущего развития отраслей, так и направления трансформаций для достижения поставленных целей развития национальной экономики.

Нефтяная и газовая отрасли России сейчас проходят период существенных трансформаций, касающихся структуры отраслей в разрезе крупнейших производителей, продуктовой структуры. Увеличивается рыночная концентрация производителей в нефтяной отрасли при одновременном снижении концентрации в газовой, происходит взаимопроникновение нефтяной и газовой отраслей. Такие выводы подтверждают рассчитанные индексы концентрации: за последние 20 лет индекс Херфиндала-Хиршмана в нефтяной отрасли увеличился более чем в два раза с 824 до 1670, при этом в газовой, напротив, сократился с 8818 до 4141.

Увеличение рыночной концентрации производителей, происходящее в нефтяной отрасли должно привлечь особое внимание Федеральную антимонопольную службу в целях недопущения злоупотребления доминирующим положением компаниями отрасли.

Снижения уровня рыночной концентрации производителей в газовой отрасли, также требует реакции государственных органов власти. Так, доля компании-лидера – Газпрома по уровню добычи газа постепенно сокращается, растут объемы добычи независимыми поставщиками газа (далее – НПП). Данный факт стимулирует НПП выступать с инициативами о снятии монополии на экспорт трубопроводного газа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев Ю. Налоговый маневр в нефтяной отрасли // Экономическое развитие России. 2015. № 8. С. 49–52.
2. Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики»: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 321; ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 31 мар. 2017 г. № 375 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.05.2014. № 18 (часть III). ст. 2167.
3. Итоги работы Минэнерго России и основные результаты функционирования ТЭК в 2016 году. Задачи на среднесрочную перспективу. Презентация Минэнерго России 07.04.2017. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/7687> (дата обращения: 04.12.2017).
4. Каукин А.С., Филочева Е.В., Фрейнкман Л.М. Детерминанты розничных цен на нефтепродукты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. №2 (30). С. 34–59.
5. Лютов П.Н. Тенденции концентрации капитала и производства в российских компаниях нефтегазовой отрасли // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №12 (367). Экономика. Вып. 50. С. 112–120.
6. Мастепанов А.М. Топливо-энергетический комплекс России на рубеже веков – состояние, проблемы и перспективы / Справочно-аналитический сб., 3-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука, 2010.

7. Модернизация в нефтеперерабатывающей отрасли. Презентация ФАС России 20.04.2016. fas.gov.ru/upload/mediaarchive/presentation/Презентация%20по%20ЧСС%20и%20акцизам%20на%2020.04.2016.pdf (дата обращения: 06.10.2017).
8. Оперативные итоги работы ТЭК России за декабрь и период с начала 2016 года (уточненные итоги). Публикация ЦДУ ТЭК 25 янв. 2017 г.
9. *Подобедова Л.* ФАС предложила не считать «Газпром» монополистом в добыче газа // РБК. 17.10.2017. www.rbc.ru/rbcfreenews/59e5de409a79479105456b18 (дата обращения: 20.03.2018).
10. Прогноз развития энергетики мира и России 2016 / Под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т. А. Митровой. ИНЭИ РАН–АЦ при Правительстве РФ. Москва, 2016.
11. Регулирование естественных монополий в газотранспортном секторе. Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, апрель 2015 г. ac.gov.ru/files/publication/a/5146.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
12. *Топорков А.* «Роснефть» и «Новатэк» не пускают к экспортной трубе «Газпрома» // Ведомости. 08.09.2017. www.vedomosti.ru/business/articles/2017/09/08/732922-rosneft-novatek-gazproma (дата обращения: 20.03.2018).
13. ТЭК России 2016. Стагистический сборник Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации – июнь 2017. ac.gov.ru/files/publication/a/13691.pdf (дата обращения: 06.10.2017).
14. ТЭК России // Журнал ЦДУ ТЭК. №1. 2018.
15. *Шафраник Ю.К., Крюков В.А.* Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. / Ю.К. Шафраник, В.А.Крюков. М.: 2016.
16. BP Statistical Review of World Energy June 2017. www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf.
17. World Energy Outlook 2017 – OECD/IEA, 2017.

ABOUT THE AUTHOR

Lilit Oganosovna Antonyan – Research fellow at the Department of Political Economy of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
loantonyan@gmail.com

RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY'S STRUCTURAL CHANGES

The paper is devoted to an analysis of structural changes in the Russian oil and gas industry. The author shows increase of concentration in the oil industry and reduction of concentration in the gas industry and associated tasks and challenges. Special attention is paid to the causes and dynamics of transformation of the Russian refining industry' structure. The paper focuses on the period of last 20 years.

Keywords: *oil industry, gas industry, refining industry, concentration indices.*

JEL: L13, L16, L71.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.С. НЕШИТОЙ

кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

М.Ю. ИВАНОВ

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ФЕНОМЕН МЕЗОУРОВНЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

(по материалам симпозиума в Институте экономики РАН)

15 марта 2018 г. в Институте экономики РАН состоялся организованный Центром эволюционной экономики симпозиум по теме «Фундаментальные особенности мезоэкономического анализа: возможности и перспективы эволюционной и синергетической парадигм», посвященный памяти Людмилы Петровны (1935–2015) и Рубена Николаевича (1932–2017) Евстигнеевых.

В симпозиуме приняли участие не только сотрудники Института экономики РАН, но и ученые из других академических институтов и вузов страны, – всего около 50 человек.

На четырех сессиях было заслушано 20 докладов.

Первая сессия была посвящена фундаментальным особенностям мезоэкономики и мезоэкономического анализа. На второй сессии внимание было сконцентрировано на прикладных особенностях мезоэкономического анализа. На третьей сессии рассматривались теоретические вопросы мезоэкономического анализа, четвертая сессия была посвящена обзору экономической литературы по теме, обсуждаемой на симпозиуме.

С вступительным словом к участникам симпозиума обратился выдающийся ученый, исследующий проблему мезоэкономики, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор Г.Б. Клейнер (ЦЭМИ РАН). Он отметил актуальность данной проблемы, вынесенной на обсуждение

симпозиума, особенно для современного этапа экономического развития России, а также впечатляющий состав участников симпозиума. Далее он образно охарактеризовал роль мезоэкономики, сделав ударение на второй части этого слова – «экономика». Мезоэкономика, как он подчеркнул, это интегратор интегратора. При этом он воспользовался такой, по его выражению, метафорой: если, как он выразился, микроэкономика – это пол комнаты, а потолок – макроэкономика, то мезоэкономика не просто средний ряд, который висит между полом и потолком. Ведь есть стены, которые держат потолок и связывают его с полом, а также позволяют рассматривать это пространство как пространство, удобное для жизни. Таковую же роль играет мезоэкономика. И эта метафора свидетельствует, что это не просто средний слой экономики, чуть агрегирующий нижний слой, и не доходящий до интегрирования верхнего. Это, по выражению докладчика, принципиально иное пространство, подчиняющееся своеобразным законам, не связанным с максимизацией прибыли, не связанным с оптимизацией макроэкономических процессов. Если внизу, на микроэкономическом уровне основное действующее лицо – это хозяйствующие субъекты (предприятия, фирмы и т. д.), то на верхнем уровне (макроэкономики) мы видим экономические процессы (инфляцию, рост, занятость и т. д.). Задачу интегрирования процессов и объектов, верхнего и нижнего слоев выполняет мезоэкономика. И когда речь идет об эффективности экономики, надо понимать, что на микроэкономическом уровне эффективность – это одно, а на мезоэкономическом уровне эффективность это – совсем другое. Эта путаница приводит к негативным последствиям для реальной экономики. Если такие структуры, как «Газпром», «Город», «РЖД» и т.д., воспринимать как микроэкономические объекты, то эта ошибка отразится на экономическом состоянии нашей страны.

Своеобразие мезоэкономики, как отметил докладчик, – в ее соединительной роли между различными компонентами экономики, причем компонентами, принципиально различными. Она должна опираться на мезоэкономическую теорию, а ее, в том виде, в каком существуют микро и макроэкономическая теория, по сути, нет. Как единое целое она не представлена в экономической науке, хотя понятие «мезоэкономика» существует с восьмидесятых годов прошлого века и в настоящее время является уже общепринятым. Правда, в научный обиход это понятие входит весьма сложно. При этом Г.Б. Клейнер отметил, что в настоящее время уже существуют некоторые подходы (с позиций институциональной и эволюционной экономики) для начала создания такой теории и выразил надежду, что об этом на симпозиуме будет идти речь.

В Институте экономики в этом направлении уже проделана определенная работа: в разных вариантах ее развивают В.И. Маевский, С.Г. Кир-

дина-Чэндлер, М.А. Дерябина и другие исследователи – участники симпозиума, которые поделятся результатами своих исследований.

На первой сессии (**модератор к.э.н. М.А. Дерябина, ИЭ РАН**) было заслушано восемь докладов и проведена презентация коллективной монографии «Очерки по экономической синергетике» (М.: ИЭ РАН, 2017), содержание которой тесно связано с темой настоящего симпозиума.

Академик РАН, д.э.н., профессор В.И. Маевский и к.э.н. М.А. Дерябина (ИЭ РАН) отметили, что монография посвящена проблемам социально-экономического анализа с позиций синергетики – науки о самоорганизации сложных развивающихся систем. В теоретической экономике ключевые положения и методы анализа синергетики во многом созвучны эволюционной теории: исследование необратимых самоорганизующихся процессов, которые могут быть описаны с помощью единого языка – теории нелинейных динамических систем. Поэтому в работе большое внимание уделено анализу самоорганизации и экономической динамики с точки зрения математического моделирования. Анализ социально-экономических систем, как разновидности сложных систем, осуществляется с помощью так называемого матричного подхода к формированию институциональных форм самоорганизации. Проблемы саморазвития и самоорганизации сложных социально-экономических систем рассматриваются в монографии также с точки зрения смены поколений когнитивных схем, с позиций перехода к нелинейному развитию и сетевому порядку, от традиционных иерархий к сетевым формам организации экономики и общества. Завершает монографию анализ основных положений концепции экономической синергетики Людмилы Петровны и Рубена Николаевича Евстигнеевых, памяти которых посвящена эта работа.

Д.ф-м.н., профессор Г.Г. Малинецкий (Федеральный исследовательский центр Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН) в докладе «Синергетика и экономика» отметил, что на нынешнем этапе существенно возросла роль междисциплинарных подходов в изучении социально-экономических процессов. В основу подобного синтеза может быть положена синергетика, или теория самоорганизации, – междисциплинарный подход, развивающийся в последние десятилетия на пересечении сфер предметного знания, философской рефлексии и математического моделирования. В докладе приведено несколько примеров, в которых такой подход позволяет выйти за рамки традиционного экономического анализа. Среди них – задачи проектирования будущего, анализ эффективности программы развития цифровой экономики, сценарии столкновения цивилизаций, а также задачи управления рисками и новой индустриализации России.

Член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор В.Е. Дементьев (ЦЭМИ РАН) в докладе «Мезоэкономика – ключ к пониманию экономического развития» отметил, что экономические институты все чаще рассматриваются в качестве ключевых факторов экономического развития. Однако между стереотипами и нормами поведения экономических субъектов, с одной стороны, и их размерной структурой, с другой стороны, существует тесная связь. В экономике отраслевых рынков эту связь учитывает гарвардская парадигма «структура-поведение-результат». Известно, что соотношение между отраслевыми расходами на исследования и разработки и отраслевой выручкой может достигать наибольших величин именно при олигопольной структуре отрасли, т. е. при преобладании подсистем мезоэкономического характера, что позволяет реализовать эффект масштаба от инновационной деятельности. Без соответствующей координации инвестиций велики риски, что такой эффект достигнут не будет. Различия между моделями рыночной экономики проявляются в том, какие редистрибутивные механизмы используются для обеспечения скоординированности инвестиционных проектов мезоэкономических подсистем.

Страны с разными моделями рыночной экономики, опираясь на крупные корпоративные структуры и используя различные варианты редистрибутивных институтов, стремятся компенсировать слабости рыночных механизмов координации инвестиций. Когда доля участия государства в капитале реального сектора невелика, принципиальное значение приобретает государственное влияние на финансовые потоки (через систему госзаказов или через систему кредитования крупного бизнеса). Однако информационная асимметрия может снизить эффективность таких механизмов координации при оппортунистическом поведении частных корпораций. Интенсивность использования редистрибутивных институтов зависит от фазы радикального обновления технологической базы производства.

Академик РАН, д.э.н., профессор В.И. Маевский (ИЭ РАН) в докладе «О некоторых особенностях мезоуровня как саморазвивающейся системы» отметил следующее. Исторически в экономике сложились две формы вещественного саморазвития: биологическая (в сельском хозяйстве) и индустриальная. Индустриальная форма – это постоянно прогрессирующий во времени процесс создания орудий труда с помощью орудий труда. В течение нескольких столетий внутри экономики сформировалось индустриальное ядро саморазвития – группа машиностроительных и строительных отраслей, обладающих способностью, с одной стороны, своими совместными действиями воспроизводить в натуре самих себя, а с другой – создавать орудия труда для всех остальных отраслей народного хозяйства.

Рассматривая ядро саморазвития как одну из ключевых систем мезоуровня, можно сказать, что в данном случае мезоуровень предопределяет поведение микроэкономических субъектов. Индустриальное ядро саморазвития не представляет собой застывшую жесткую мезоэкономическую конструкцию, не является устойчивым относительно внешних возмущений. Между микро- и мезоуровнями имеют место взаимодействия, в ходе которых микро- и мезоуровни влияют друг на друга. Таким образом, вопреки ортодоксальной теории, мезоуровень заслуживает специального рассмотрения и изучения.

Ядро саморазвития состоит из разновозрастных подсистем, функционирующих в переключающемся режиме воспроизводства. На этой основе в Центре эволюционной экономики (группой В.И. Маевского, С.Ю. Малкова и А.А. Рубинштейна) построена мезоэкономическая воспроизводственная модель. В настоящее время модель находится в стадии развития.

Д.т.н., профессор С.Ю. Малков (ИЭ РАН) в докладе охарактеризовал особенности математического моделирования мезоэкономических процессов. Модель переключающегося режима воспроизводства (модель ПРВ), о которой упомянул в своем выступлении академик В.И. Маевский, способствует, по его мнению, решению задачи анализа особенностей экономического роста на мезоэкономическом уровне. В ней решается проблема обеспечения сбалансированности (скоординированности) экономического развития разновозрастных производственных подсистем в процессе периодического обновления основного капитала.

Д.с.н., С.Г. Кирдина-Чэндлер (ИЭ РАН) в докладе «Мезоэкономика и экономика сложности: общее и особенное» отметила, что подход к рассмотрению экономики с позиций *экономики сложности* (Complexity Economic, или QE) начал формироваться в конце 1980-х годов в исследованиях Института Санта-Фе, США (хотя сам термин был предложен Б. Артуром позже в 1999 г.). К 1980-м годам относится и распространение понятия *мезоэкономика* (Mesoeconomics, или ME), начиная с работ Йе-Кванг Нг, С. Холланда, К. Допфера и др. Далее в докладе была дана подробная характеристика общего и особенного этих двух подходов.

Выделение мезоуровня как относительно нового предмета исследования в QE и ME связано с осознанием того, что именно здесь, а не на микро или макроуровнях, все более конституируются новые экономические и технологические решения. Именно здесь формируются эндогенные механизмы экономического роста и/или основные препятствия к его достижению. Соответственно, мезоуровень становится объектом изучения с целью управления им и использования получаемых здесь результатов в интересах всего общества.

Парадигмальная общность подходов QE и ME тем не менее сопровождается некоторым различием методологических основ и опорой на различный математический аппарат. Для QE характерно использование алгоритмических вычислительных процедур (computation), вероятностных и статистических, а также агентно-ориентированных моделей. ME использует теорию игр, модели нелинейной динамики, а также специально разработанные модели, опирающиеся зачастую на микроэкономические основания.

К.э.н. М.А. Дерябина (ИЭ РАН) в докладе «Методологический анализ мезоуровня в рамках синергетической парадигмы» отметила, что синергетическая парадигма описания сложных систем делает акцент на процессах самоорганизации. Все самоорганизующиеся системы без какого-либо воздействия извне обретают пространственную, временную или функциональную структуру. Описание системы может быть выполнено на микро-, мезо- и макроуровнях. Эти уровни анализа связаны между собой.

На мезоуровне при мезоанализе можно пренебречь большим числом мелких подробностей микроагентов, не имеющих значения для макроуровня системы. За счет этого появляется возможность сосредоточить внимание на тех особенностях, которые являются существенными для формирования структур. Это означает возможность колоссального сокращения информации, т.е. той энтропии, которая разрушает равновесное состояние системы и придает импульс для ее дальнейшего развития.

Истинно сложные системы и их истинно сложное поведение требуют сложных норм его структурирования, т. е. институтов. При этом система институтов должна определяться структурой системы и особенностями ее уровней. Упомянутые пространственные, временные и функциональные структуры конкретизируются в современных социально-экономических системах, во-первых, как пространственная организация материального производства (распределенное производство, стоимостные и продуктовые цепочки, инновационные кластеры). Во-вторых, временные структуры формируют динамику развития и связь во времени прошлого, настоящего и будущего. В-третьих, функциональные структуры опираются на систему институтов, структурирующих поведение микроскопических элементов, их макроскопические состояния, взаимодействия которых порождают качественно новые свойства системы.

Д.э.н., профессор П.А. Ореховский (ИЭ РАН, Финансовый Университет при Правительстве РФ) в докладе «Рынки и фирмы как разнородные структуры в мезоэкономическом анализе» показал, что традиционный микроэкономический подход к анализу рынков, используя посылку однородности, не позволяет определить эффективность

распределения ресурсов, влияние внешних эффектов и других сбоев рыночного механизма.

Фирмы, как важнейшие элементы рынка, являются разнородными. Анализ основных структурных элементов фирмы, с точки зрения используемых ими рутин, позволил выделить действующие на рынке альтернативные варианты социальной организации – «банды», которые наряду с легальными широко практикуют и внезаконные методы ведения бизнеса. Непосредственное сравнение величин цены легальности и цены незаконности, по Э. де Сото, не совсем корректно – оно не учитывает издержек трансформации. Указанные издержки невозможно выявить средствами микроэкономики, – они выявляются только при мезоэкономическом анализе.

К.э.н. Н.В. Смородинская (ИЭ РАН) в докладе «Сетевая перестройка экономических систем в условиях глобализации и нелинейного развития» сосредоточила основное внимание на анализе сетевой перестройки экономических систем в условиях глобализации и нелинейного развития на современном этапе. Она отметила, что глобальная цифровая революция побуждает экономические системы всех уровней двигаться к гибкой сетевой организации, выступающей функциональным синтезом (гибридом, мезоуровнем) между иерархичной и рыночной. Это сопровождается поворотом систем к нелинейному алгоритму развития (диспропорциональность изменений между поведением системы и поведением ее элементов) и новой модели координации связей через сетевые узлы. Все экономические процессы (инновационный, производственный, управленческий) становятся децентрализованными, распределенными и интерактивными, что открывает, по мысли О. Уильямсона, беспрецедентные возможности роста производительности на основе синергии социальных коммуникаций.

Логика сетевого усложнения систем, его органичная связь с инновационным переходом и распределением современного производства по звеньям глобальных цепочек пока не нашли должного отражения в экономическом мейнстриме. Скорее, соответствующие исследования развивают новое направление теоретической мысли, известное как экономика сложности (complexity economics). Недавние документы ОЭСР призывают политиков и управленцев к обновлению традиционного экономического мышления, к восприятию глобальной экономики и ее компонентов как сложных нелинейных систем, где взаимодействия на микроуровне генерируют макроперемены, не равнозначные простой агрегации результатов этих взаимодействий. Современные экономики не поддаются прежним методам контроля и формируют новые стандарты поведения. Поэтому и развитые, и догоняющие страны все шире обращаются к новой промышленной политике, нацеленной на улучшение экономической среды (вместо

улучшения самих технологий), на непрерывное повышение ее горизонтально-сетевой связности.

На второй сессии (**модератор д.э.н., профессор А.В. Верников, ИЭ РАН**) было заслушано четыре доклада.

К.э.н., ст. эксперт группы научной и промышленной политики Т.Р. Гареев («Сколтех») в докладе «Платформенные рынки: место в развитии мезоэкономических систем» остановился на том, что в последние три десятилетия исследователи из различных дисциплин внимательно наблюдают за феноменом развития платформенных рынков, которые превращаются в очередной глобальный и долгосрочный тренд в экономическом развитии. Возникает проблема выделения существенных особенностей платформ как форм экономического развития на мезоуровне. Платформенные рынки автор рассматривает как институционально-технологические системы, которые дополняют и, вероятно, приходят на смену зонированию и кластированию экономической деятельности, – темам, доминирующим на повестке отраслевых исследований в последние десятилетия. Проведенный автором сравнительный анализ указанных концепций, а также обоснование ключевых характеристик платформенных рынков позволяет объяснить наблюдаемые и будущие конфигурации развития мезоэкономических систем.

К.э.н., доцент Н.Е. Булетова (Волгоградский институт управления, филиал РАНХиГС) и к.ф.-м.н., доцент И.В. Шаркевич (Волгоградский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова) в совместном докладе «Эволюционно-статистическое исследование динамики межотраслевой структуры национальной экономики на макро- и мезоуровне» показали, что проведенный анализ межотраслевых структурных изменений в Российской экономике и, в частности, в Волгоградской области, на основе секторального подхода Кларка-Фишера, по данным Росстата, показал, что динамика межотраслевой структуры носит в основном флуктуационный характер.

К.э.н., доцент, аудитор Т.Б. Бердникова (СРО ААС, г. Белгород) в докладе «Мезоуровень экономики фондового рынка как объект исследований в российской научной литературе» на основе экспертной оценки содержания научных публикаций по проблемам исследования фондового рынка пришла к выводу, что среди опубликованных научных работ преобладают работы, посвященные анализу практических аспектов формирования и развития рынка ценных бумаг на мезоуровне, имеющие описательный характер и прикладное значение. Весьма мал удельный вес работ, посвященных фундаментальному анализу тенденций и закономерностей, теоретической систематизации, аргументированной обоснованной диагностике и оценке динамики состояния мезоуровня экономики фондового рынка России, прогнози-

рованию перспектив развития регионального фондового рынка, определению его роли и значения в национальной и мировой экономике.

В выступлении была отмечена необходимость интеграции усилий ученых, изучающих экономику фондового рынка регионов, на основе координационного центра исследований мезоуровня экономики России Института экономики РАН.

К.б.н. А.С. Стрекалова (ВГУ) в докладе «Ценностно-интегрированный эволюционный маркетинг – новая методология мезоэкономического анализа» отметила, что в мезоэкономическом анализе, прежде всего пространственных структур и процессов, маркетинговый подход практически не используется, что ведет к его методологическому обеднению. Поскольку теория маркетинга непрерывно эволюционирует, маркетинговый подход в традиционном смысле уже морально устарел, что не всегда осознается в полной мере экономистами-теоретиками. Наиболее актуальной, по мнению докладчика, и перспективной маркетинговой концепцией сейчас является ценностно-интегрированный эволюционный маркетинг (ЦЭМ), представляющий собой, по ее мнению, модернизированную версию маркетинга, основанного на ценностях (или «маркетинга 3.0»), который преодолевает недостатки предыдущих концепций товарного и потребительского маркетинга. Сделан вывод о том, что маркетинговый подход способен стать органичной частью академического дискурса зарождающейся мезоэкономической теории.

На третьей сессии (**модератор д.э.н., профессор П.А. Ореховский, ИЭ РАН**) было заслушано четыре доклада.

Д.э.н., профессор Д.П. Фролов (ВГУ) в докладе «От гипотезы об институциональных диссонансах – к теории институциональных аномалий» отметил, что в работе (Кирдина-Чэндлер, 2017) представлена мезоэкономическая по сути гипотеза об институциональных диссонансах, под которыми понимаются разнообразные формы рассогласования комплементарности институтов X- и Y-матриц экономических систем. Дальнейшее развитие этой оригинальной идеи предполагает необходимость взгляда на взаимодействие институтов с точки зрения не только институциональных диссонансов, но и в более широком контексте, с позиции общей теории институциональных аномалий. Деструктивные институциональные аномалии – устойчивые формы отклонения институтов от их нормального функционирования, ведущие к снижению их эффективности и продуцирующие негативные внешние эффекты, принимая характер типичных моделей экономических взаимодействий, регулярностей поведения и паттернов мышления агентов. Трактовка институциональных диссонансов (и аномалий в целом) как постоянного побочного продукта институциональной сложности может быть конструктивно интерпретирована при

помощи предложенной автором «теоремы Маевского» о связи роста трансакционных издержек и экономической эволюции.

Зам. главного редактора журнала «Общественные науки и современность» Н.М. Плискевич в докладе «Экономика сложного человека на пути к гуманистической цивилизации» отметила, что в постиндустриальной экономике наблюдаемые технологические прорывы требуют для своей реализации, а также для управления всей экономической и общественной системой принципиально нового человека. Проблема эта междисциплинарная и разрабатывается философами, психологами, культурологами, социологами и др.

К решению этой проблемы непосредственное отношение имеют работы Л.П. и Р.Н. Евстигнеевх. Они предложили в экономическом анализе использовать категорию «ментальности», предполагающую включение социокультурных, образовательных, а также этических аспектов, благодаря которым индивидуум оказывается прочно связанным с социумом.

Отсутствие в обществе критической массы людей – носителей ментальности, устремленной в будущее, – ведет к заполнению образовавшейся в социуме лакуны «негативной ментальностью», порожденной господством рентных отношений и устойчивым рыночным неравновесием. Поэтому новый технологический рывок ставит проблему новой культурной революции.

М.н.с И.Л. Кирилюк (ИЭ РАН) в докладе «Выбор моделей для мезоэкономического анализа» отметил, что мезоэкономический анализ направлен на исследование экономических процессов, для описания которых недостаточно как микроэкономического, так и макроэкономического подходов.

Основная сложность анализа мезоуровня связана с наличием характерных для мезоуровня нелинейностей и обратных связей. Другой проблемой является недостаточность информации, так как типичные для мезоэкономических индикаторов распределения с «толстыми хвостами» требуют большого числа данных для получения достоверных выводов. Тем не менее существует набор ранее разработанных моделей (эконометрических, CGE, DSGE, экономофизических, имитационных и т. п.), которые уже успешно используются в мезоэкономическом анализе. При принятии решений о том, какие из них являются наиболее подходящими, имеет смысл учитывать достижения одного из направлений математической статистики – «выбор моделей» по критериям масштабности описания явлений. При этом производственные функции используются как универсальный инструмент для исследования любых уровней экономики – микро-, мезо- и макро.

К.э.н., доцент Д.Ю. Руденко (ТГУ) в докладе «Мезоуровень в пространственном измерении» отметил, что мезоэкономика выступает

динамической концепцией, сочетающей в себе кооперативный подход и устанавливающей границы исследований в разных направлениях, таких как регионы, территориальные образования, отрасли и межотраслевые комплексы. В докладе названы некоторые современные исследования о влиянии на процесс экономической эволюции экономической географии, ее вклада в развитие эволюционной экономики. Докладчик обосновал становление современной эволюционной географии и ее связи с парадигмой микро-мезо-макроанализа.

На четвертой сессии (**модератор д.с.н. С.Г. Кирдина-Чэндлер, ИЭ РАН**) было заслушано четыре доклада.

М.н.с. М.С. Круглова (ИЭ РАН) в докладе «Мезоуровень экономического анализа: зарубежная традиция» отметила, что традиция выделения мезоуровня как отдельного элемента экономической иерархии насчитывает уже более 50 лет – первое найденное упоминание мезоэкономики датируется 1962 г., а рассмотрение количественных показателей публикационной активности авторов, изучающих мезоэкономическую проблематику, позволяет обнаружить положительную динамику роста интереса экономистов к мезоуровню экономической иерархии. Особую заинтересованность в мезоэкономике проявляют представители гетеродоксальных направлений экономической науки. В докладе был представлен обзор англоязычных работ по мезоэкономике, выделены основные направления современных мезоэкономических исследований, среди которых – работы по так называемой «Complexity economics» и исследования с применением методов теории игр.

М.н.с. А.И. Вольтский (ИЭ РАН) в докладе «Мезоэкономические исследования в российской литературе» подчеркнул, что идея о переходе от бинарной микро-макромодели экономической иерархии к тринарной микро-мезо-макромодели не нова. Признания со стороны представителей традиционного экономического мейнстрима она по-прежнему не нашла, однако пользуется стабильным интересом среди последователей гетеродоксальных экономических учений. В докладе дан ретроспективный анализ работ отечественных экономистов, посвященных мезоэкономической проблематике; выделены три направления исследований: системный подход, трактующий мезоуровень как процесс внутриотраслевых взаимодействий между экономическими агентами; регионально-пространственный, а также теоретический, развиваемый в парадигме методологического институционализма. Показана связь между российскими мезоэкономическими исследованиями и реалиями постсоветской России. Отмечено, что в российской традиции обращение к идеям мезоуровня во многом связано с необходимостью восполнения ограничений и недостатков макроэкономического подхода, в ситуации обусловленной провалом макроэкономических институтов регулирования.

Д.э.н., профессор Ю.К. Князев (ИЭ РАН) в докладе «Роль субъективных факторов в рыночной экономике и на ее мезоуровне» основное внимание уделил анализу активной роли субъектов рынка в экономике и сделал вывод о том, что рыночный механизм не является всемогущим регулятором. Такой подход, по мнению докладчика, позволил найти в самом объекте, каким является страновая экономика, место мезоуровня, а не искать его в субъективных построениях исследователей. К мезоуровню он относит региональный и отраслевой срезы экономики, обусловленные постоянно углубляющимся разделением труда, его кооперированием, специализацией, экономической интеграцией, территориальным размещением хозяйствующих субъектов и их производственным взаимодействием.

Мезоуровень экономики от микроуровня отличается тем, что включает не разрозненные фирмы, стихийно взаимодействующие на конкурентном рынке, а сложные объединения, устанавливающие особые производственные связи между своими подразделениями и сотрудничающие с другими хозяйствующими субъектами и государством. В то же время он разительно отличается и от макроуровня, на котором происходит интегрирование экономики в целом.

М.н.с. Е.В. Камко (ИЭ РАН) в докладе «Особенности институциональных механизмов инновационной политики на мезоуровне (на примере госкорпораций)» подчеркнула, что анализ функционирования госкорпораций позволяет лучше понять, по ее выражению, влияние институциональных механизмов на эффективность инновационной политики на мезоуровне.

В докладе раскрывается, что госкорпорации как феномен среднего положения, с одной стороны, являются механизмом, способным улучшить инновационные показатели страны, а с другой – они сами являются инициаторами различных институциональных изменений и могут прямо и косвенно влиять на экономические и политические решения.

С подведением итогов работы симпозиума выступил **академик РАН, д.э.н., профессор В.И. Маевский (ИЭ РАН)**, который отметил активную и плодотворную работу участников симпозиума, выступивших с обоснованными докладами, содержание которых представляет интерес для нашей дальнейшей работы и для других заинтересованных ученых экономического сообщества. Тема симпозиума, по всеобщей оценке, актуальна, особенно для современного этапа экономического развития России. Оживленные дискуссии и обмен мнениями участников, которые проводились по итогам работы каждой сессии, представляют, по его мнению, существенный вклад в исследование этой важной проблемы. В.И. Маевский поблагодарил всех участников симпозиума и особенно отметил работу активных организаторов – С.Г. Кирдину-Чэндлер и М.А. Дерябину.

Что касается дальнейшей исследовательской работы, он считает необходимым, чтобы проблема мезоуровня заняла существенное место в мейнстриме, а она в нем пока отсутствует. Сами его представители понимают важность проблемы, и внутри мейнстрима сейчас ведутся разработки в этом направлении. Это не только продолжение гетеродоксальных исследований, это уже, по его мнению, появление нового направления исследований мейнстрима, в котором самой главной является проблема однородных репрезентативных агентов на макроуровне. В рамках макроэкономических моделей, которые разрабатывает мейнстрим, перейти от однородности к неоднородности оказывается очень сложным делом. В Высшей школе экономики, например, исследователь А.В. Полбин ввел в динамическую стохастическую макроэкономическую модель уже четыре сектора. Но этого недостаточно. Развитие модели, по мнению докладчика, пойдет по пути дальнейшей дифференциации и усиления неоднородности. В классе моделей, которые разрабатываются в рамках мейнстрима, это будет сделать чрезвычайно сложно. Поэтому перспективы «мезо-», по его мнению, будут также зависеть от того, как пойдет развитие экономической теории гетеродоксального типа, и если это развитие будет успешно, то и мезоэкономические исследования будут развиваться также успешно. При этом им было подчеркнуто, что теоретические конструкции, разрабатываемые в Центре эволюционной экономики в рамках государственного задания, также внесут определенный вклад в развитие теории мезоэкономики и практики мезоэкономического анализа.

ОБ АВТОРАХ

Нешитой Анатолий Семенович, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН ИЭ РАН, г. Москва
a-nesh@yandex.ru

Иванов Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУН ИЭ РАН, г. Москва
vektr77@rambler.ru

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

ЭКОНОМИКА РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД

(Рецензия на академический учебник «Национальная экономика», 5-ое изд., перераб. и доп. / Под ред. д.э.н., проф. П.В. Савченко М.: Инфра-М, 2018.

Современная наука, безотносительно к какому-то конкретным дисциплинам, широко применяет в качестве метода познания анализ, то есть разделение сложного целого на составные элементы с целью изучить их развитие, свойства, понять связи и взаимодействие, выявить законы и следствия их эволюции в едином целом. Однако такой закономерный подход имеет и серьезное ограничение – при разделении могут быть потеряны важные факты, что не позволит создать полноценную картину происходящего с системой, и даже с ее отдельными элементами. Поэтому наравне с анализом применяется и метод синтеза, но в методологическом смысле и он обладает недостатком, поскольку если при анализе уже были потеряны важные характеристики, то и при синтезе вряд ли удастся их принять во внимание (стоит напомнить, что синтез вряд ли может быть применен до анализа). Вместе с тем нужно отметить, что чем большее число элементов системы рассматривается в ходе анализа и чем больше число переменных, характеризующих функционирование каждого

элемента, тем более близким к действительности будет представление о системе, так что процедура синтеза может и не понадобиться. Однако исследователь не обладает полным знанием о целостной системе в начальный момент своей работы. Поэтому возникает проблема: на какое число элементов разделить систему? Какой глубины анализ проводить? Сколько избрать переменных для характеристики функционирования отдельных элементов, ведь каждый элемент сложной системы будет характеризоваться сугубо своим набором переменных.

Безусловно, многие элементы такой сложной системы, как национальная экономика, развиваются взаимосвязанно, но в то же время и автономно, согласно своим специфическим особенностям, в силу природы самих этих элементов. Так, топливно-энергетический комплекс имеет свои возможности развития, машиностроение – свои, сектор услуг и обслуживающая инфраструктура, хотя и детерминируются состоянием иных секторов, тем не менее имеют собственные свойства функционирования, продуцируемые спецификой и происхождением, а также назначением данных видов деятельности, их текущим местом в экономической системе. Имея самостоятельное значение и возможности развития внутри экономики, ее элементы характеризуются имманентным им набором параметров, подверженных независимо и зависимо

влиянию. Иными словами, имеются методы государственной политики, влияющие сразу на систему в целом, либо на отдельные ее подсистемы, при условии, что способы воздействия на отдельные элементы системы не будут по крайней мере прямо влиять на другие элементы этой системы.

При изучении национальной экономики важным обстоятельством выступает детальное рассмотрение отдельных элементов системы и взаимосвязей между ними, позволяющее получить наиболее полную картину условий развития и потенциала экономики, и определить возможности управления ею, в т. ч. способов повлиять на изменение вектора и траекторию развития национальной экономики. Именно в таком ракурсе стандартные учебники не рассматривают проблему, делая акцент на применении анализа, проектировании моделей, описывающих те или иные стороны функционирования сложной экономической системы. При этом целостного взгляда на экономику как систему, испытывающую постоянную трансформацию с изменяющимся вектором и скоростью, поэлементно, во взаимосвязи этих элементов, обычно не дается.

Во-первых, это довольно непростая задача для учебной литературы, которую можно реализовать только при условии, что будут привлечены узкие специалисты для написания такого учебника, но между ними будет обеспечена должная координация и проведена большая работа по объединению их материалов.

Во-вторых, потребуется сбалансированная подача материала, так как по отдельным элементам системы может быть написан самостоятельный учебник. Следовательно, требуется отобрать релевантные характеристики, позволяющие обеспечить необходимый и достаточный уровень рассмотрения и понимания того, как функционирует и влияет на систему в целом каждый элемент, а трансформирую-

щаяся экономическая система влияет на отдельно взятую свою подсистему и, в свою очередь, детерминируется ей.

Именно такую сложную задачу решает, на мой взгляд, уникальный, академический учебник «Национальная экономика» (его 5-е изд., переработанное и дополненное), выполненный под общей редакцией профессора Поля Вячеславовича Савченко большим коллективом авторов, представляющих различные академические институты и высшие учебные заведения России.

Учебник дает общее понимание экономики России как системы, представляет собой фундаментальную новаторскую работу, аккумулирующую весь набор современных знаний о системах и об экономике России, рассматривающий в буквальном смысле все элементы экономической системы, из которых она состоит. От общесистемной характеристики национальной экономики (глава 1), различных типов и моделей развития национальных экономических систем (глава 3) в условиях общественной трансформации (глава 2), коллектив авторов переходит к рассмотрению проблема измерителей, позволяющих установить связи между элементами системы в их совместной динамике. Далее в учебнике раскрываются базовые индикаторы системы национальных счетов и метод межотраслевого баланса, как основной способ структурного анализа экономических систем (глава 4–5).

Отдельный раздел посвящен вопросу оценки потенциала развития экономики России, включая экономический, инновационный, демографический, географический потенциалы. Пространственные особенности построения российской экономики описываются в главах, посвященных федеративному устройству и специфике регионального развития. Сразу же ставятся основные проблемы – неравенство в уровне и качестве жизни в регионах, региональная дивергенция и др.

Учебник состоит из 68 глав. Наиболее ценной и отличительной чертой данного учебника является высокий профессиональный уровень рассмотрения каждого вопроса в каждой главе, с отражением научных результатов, полученных авторами раздела в ходе академических исследований, поданных при этом в доступной для восприятия форме и направленных на повышение квалификационного и научного уровня обучающихся. Причем для каждого из рассматриваемых секторов, будь то топливно-энергетический комплекс (глава 13), машиностроение (глава 14), химический, лесопромышленный и металлургический комплексы (глава 15), агропромышленный сектор (глава 16) или транспорт, связь и коммуникация, территориальные комплексы и социальный сектор (главы 17–21) дается описание текущего состояния, краткой эволюции, специфических условий развития, потенциала развития и главное – рекомендации по улучшению параметров его функционирования в экономической системе России. В связи с этим данный учебник крайне полезен не только для студентов, но и для российских бюрократических кругов, причастных к управлению государством и частными компаниями на разных уровнях управления.

Отличительной особенностью данного учебника является то, что авторы рассматривают не только отраслевое и секторальное деление экономики как системы, но и функционирование ее субъектов: государственного и частного секторов, домашних хозяйств, субъектов малого и среднего бизнеса.

Сугубо экономические проблемы рассматриваются в контексте управления государством, что находит отражение в главах, посвященных саморегулированию, государственному регулированию и основным институтам, а также политической системе (главы 27–31).

Отдельный раздел посвящен проблемам прогнозирования, что в условиях решения задач стратегического

планирования и стратегического управления российской экономики представляет довольно большую ценность, поскольку имеются явные проблемы с получением качественных прогнозных оценок, а также с внедрением аналитического прогнозирования и планирования в рамках системы государственного управления.

Следует особо отметить, что авторы делают акцент и на финансовых вопросах, посвящая им целый раздел учебника (несколько глав). Давая развернутое описание финансового блока в главах 37–43 и рассматривая различные аспекты управления финансами, авторы показывают их подчиненную роль в экономике. Речь не о том, что финансы не играют самодовлеющей роли, как раз наоборот, – они стали играть такую роль. Однако выход из эры бесконтрольного «финансового монетаризма» видится в изменении отношения к финансам как связующему элементу хозяйственной деятельности, той деятельности, о которой идет речь до 37 главы.

Большой заслугой данного учебника, по моему убеждению, является то, что он написан в лучших традициях русской экономической мысли, под влиянием идей большой плеяды отечественных ученых-экономистов, в том числе и Л.И. Абалкина, светлой памяти которого не случайно он и посвящается. Тем самым удается избежать клише и идеологических фетишей, которые, в определенном смысле благодаря эффекту моды, навязываются российским студентам в гигантском объеме переводной учебной литературы, излагающей прозападный взгляд на экономику. Она, может быть, и не так плоха, но не отражает глубокого понимания российской экономики и ее потенциала, не позволяет выработать адекватных процедур управления. Этот учебник не только по экономике России в контексте ее системных свойств, он еще и учебник по управлению, и это существенным образом

отличает его от большого количества учебной литературы, в которой экономика и управление разделены.

Авторам удалось найти баланс между модельным представлением, описанием методов и анализом проблем, свойств, характеристик секторов, отраслей, объектов, что позволило не перегрузив учебник математикой, уберечь его от излишнего «умствования», которое характерно для многих современных изданий.

Особо хочу отметить научный уровень учебника – он включает набор оригинальных результатов по всей гамме актуальных вопросов современной экономической теории и управления на разных уровнях системы, измерительные и статистические оценки и подходы к ним. Следуя тексту, узнаешь, чем ограничена политика таргетирования инфляции, с вытекающими выводами для российской экономики, для которой установленный таргет в 4% является очередным слабо обоснованным фетишем, приводящим экономику в точку равновесия при более низком ВВП и уровне потребления. Такая политика не может признаваться эффективной.

Раздел 9 посвящен вопросам социальной защиты населения и решению социальных проблем, раздел 10 – занимаемому Россией месту в мировой экономической системе. Авторы справедливо отмечают, что только улучшение качества развития и социальных стандартов при разумной долгосрочной макроэкономической политике позволит России занять достойное место в международном разделении труда. Основная задача – наиболее полно использовать потенциал национального богатства, которым располагает российская экономика.

Настоящее издание учебника включает главы, в которых рассматриваются наиболее актуальные современные проблемы, касающиеся политики замещения импорта, условий ее проведения, причем эти условия должны обеспе-

чиваться улучшением общего состояния экономики, повышением уровня жизни граждан и величиной их реальных располагаемых доходов, позволяющих увеличить совокупный внутренний спрос. Только в таком случае данная политика будет успешной. Конечно, даются полезные и многократно фигурирующие в различных статьях предложения о деофшоризации российской экономики, о поддержании стабильного валютного курса, о политике стимулирования инвестиций, обновления капитала, и сохранения созданного капитала в границах России (т. е. предотвращение его оттока), а также о привлечении иностранного капитала, что не может рассматриваться как основное условие развития российской экономики и государственной инвестиционной политики.

Главы, посвященные человеческому капиталу (главы 59–61), бесспорно, ценны, однако следовало бы четче и рельефнее указать отношение авторов или главного редактора учебника к реформе РАН и высшей школы России, дезорганизующим моментам, снижающим эффективность инвестиций в человеческий капитал.

Тот факт, что учебник готовился в основном научными работниками, определяет его специфику, в частности, отдельные понятия и позиции даются без объяснений. Поэтому можно считать, что это – учебник «продвинутого уровня», для специалистов, которые владеют основным понятийным аппаратом, – для магистров, аспирантов, лиц, повышающих квалификацию, получающих второе высшее образование и т. д. Если рекомендовать его бакалаврам, то, конечно, – «на вырост», хотя системность и охват практически всех тем делают его универсальным.

Конечно, в плане дружеской критики, могут быть высказаны пожелания по структуре работы и по расположению глав. Однако эти пожелания весьма субъективны. Данная работа, выполненная под руководством проф.

П.В. Савченко, является большим вкладом российской экономической школы в создание уникального, можно сказать, фундаментального, новаторского отечественного учебника, заслуживающего самой высокой положительной оценки. В современной России я не знаком с работами, которые можно было бы рассматривать как аналоги данной работы, которые бы ее превосходили или могли быть сопоставлены, хотя в советский период были работы такого же уровня, возможно, не уступающие, а может быть, и превосходящие этот учебник. Вместе с тем вот уже на протяжении более 27 лет ничего более системного, посвященного российской экономике, многоаспектно ее показывающего, для учебных целей не существовало. И по этой причине, а также с учетом многочисленных указанных достоинств, следует приветствовать очередное издание данного учебника, который имеет и научное, и культур-

ное, и просветительское, и управленческое значение, и полезен для любых категорий читателей.

Таким образом, настоящий учебник представляет собой хороший синтез знаний по всем элементам экономической системы, позволяющий получить целостное представление об условиях, характеристиках, ограничениях и способах развития национальной экономики России.

Поблагодарим авторов за их огромный труд, за сохранение традиций российской академической школы и, в частности, Института экономики РАН, за сохранение памяти академика Леонида Ивановича Абалкина, который, я уверен в этом, приветствовал бы такую работу, высоко оценил полученный результат и поддержал бы его издание.

*О.С. Сухарев
д.э.н., проф. гл.н.с. ИЭ РАН*